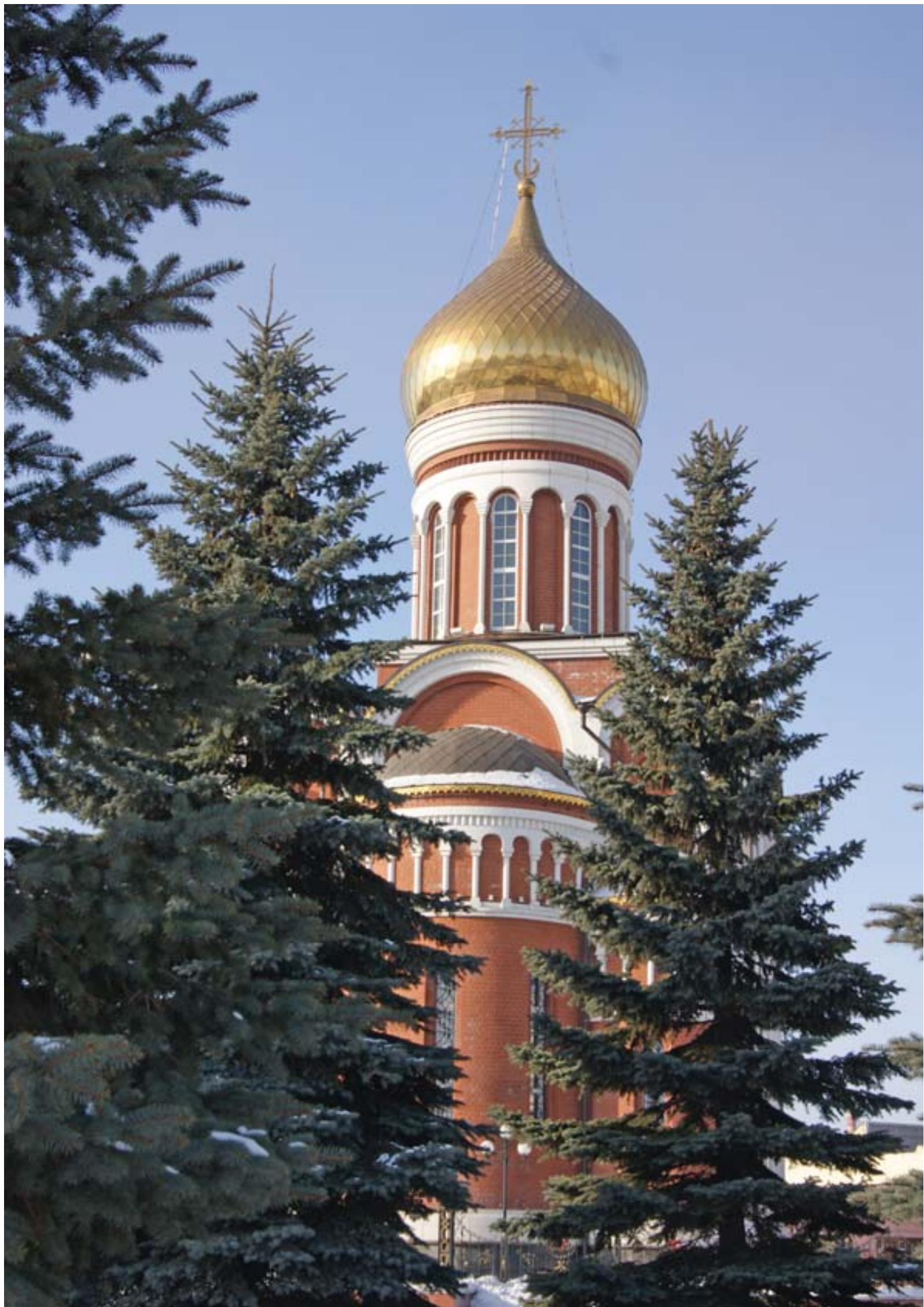

ВЕСИ
СПЕЦВЫПУСК

НИЖНИЙ ТАГИЛ

О НИЖНЕМ ТАГИЛЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Когда, находясь в разъездах, какой-нибудь собеседник или случайный знакомый узнавал, откуда я родом, незамедлительно следовала восклицательная реакция, как правило, выражаемая репликами что-то вроде: «Ух ты!», «Ничего себе!», «Из Тагила?!». Я утвердительно качал головой, после чего отвечал на целую серию стандартных вопросов, составляющих часто стереотипный набор представлений о Нижнем Тагиле: «Урал»; «заводы»; «танки»; «экология». Более продвинутые собеседники вспоминали о Черепановых, о Демидовых, об Уралвагонзаводе. А есть и такая категория людей, которые непременно скажут: «Я там служил» или «Я там сидел».

Меня как тагильчанина, влюблённого в свой город, конечно, радовало, что люди в разных уголках нашей необъятной страны и за границей знают о Нижнем Тагиле, или, по крайней мере, слышали о нём – не важно, хорошее или плохое – но слышали. И настоящим открытием Тагил становится для тех, кто приезжает сюда в командировку по работе; к родственникам в гости; проездом. Все без исключения отмечают, что это не «большая деревня», а город, причём город с суровым мужским характером – город металлургов, рабочих и горняков; многих поражает богатейшее историческое наследие и зачаровывают живописные виды уральской природы.

Любой город, подобно человеку, имеет свой характер, свою биографию, имеет свои достоинства и недостатки. Он рождается и живёт, как любой живой организм.

Сегодня Нижнему Тагилу исполняется 290 лет – возраст не преклонный, но почтенный. Зародившись в бурную петровскую эпоху и являясь её детищем, призванным обеспечивать растущие потребности молодой державы «европейского типа» металлом и оружием, достойно исполняя свой долг на протяжении почти трёх столетий, он и теперь, неутомимый Город-труженик, находится в строю. Несмотря на все взлёты и падения, насмешки и упрёки, Тагил продолжает днём и ночью стоять у домны, добывать руду в горах, строить вагоны и танки...

Несомненно, что горнозаводская промышленность определила судьбу Нижнего Тагила как города-завода, но это не делает его историю однобокой и односторонней. История Тагильского края куда интересней, чем кажется на первый взгляд. Это история людей, их отношений, их деятельности; это история различных народов – разных по языку, культуре и происхождению, волей судьбы встретившихся на тагильской земле – будь то охотники Каменного века и аборигены манси; казаки и первопроходцы; рудознатцы и золотоискатели; Демидовские крепостные и кержаки-старобрядцы; беглые каторжане и ссыльные спецпереселенцы; участники научных экспедиций и эвакуированные советские граждане... – все те, кто оставил свой след в истории города, кто сформировал его незаурядный, яркий и живой характер, все те, благодаря которым Тагил снискал себе всероссийскую и мировую известность и славу.

Составители этого журнала, сотрудники научных учреждений, музеев и библиотек, преподаватели высших учебных заведений, так или иначе связанные с Нижним Тагилом, – постарались через свои статьи, эссе и очерки донести до читателей то, что составляет историю Нижнего Тагила, рассказать о его культуре, об уникальных традициях; о его неповторимых людях и природных богатствах. Вообще о том, что собственно и включает в себя этот странный, завораживающий и известный многим русско-мансийский топоним «Нижний Тагил».

Чтобы по-настоящему понять, что такое Урал, что такое «уральский мастер» и что такое «уральский характер», приезжайте в Нижний Тагил, самый «классический уральский город» на всём Урале!

Евгений Ставцев

Журнал удостоен
медали
имени Н.К.Чупина

Журнал
награждён
почётным
знаком РАЕН
«Звезда успеха»

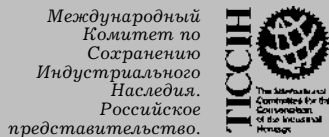

Журнал награждён
почётным знаком Союза
старателей России
«Заслуженный старатель
России»

Выпуск журнала осуществлён
при финансовой поддержке Феде-
рального агентства по печати и
массовым коммуникациям.

Издаётся под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

председатель правления РОО
«Свердловский творческий
Союз журналистов»

Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

представитель Всемирной Федерации
АЦК ЮНЕСКО, президент Урало-
Сибирской федерации АЦК ЮНЕСКО
Юрий Сергеевич БОРИСИХИН

глава муниципального образования
город Ирбит
Геннадий Анатольевич АГАФОНОВ

руководитель Берёзовского
туристического агентства «AURUM»
Евгений Валерьевич ЛОБАНОВ

директор ГАУК Тюменской области
«Тобольский историко-культурный
музей-заповедник»
Светлана Юрьевна СИДОРОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Советская, 96)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Татьяна Богина

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620026,
г. Екатеринбург,
ул. Р.Люксембург, 56).

**ЗАМ. ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**
Валерий Ермолаев

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Евгений Артёмов
Леонид Богоявленский
Ольга Бухаркина
Светлана Голикова
Владимир Дагуров
Алексей Ерёмин
Владимир Запарий
Светлана Корепапова
Геннадий Корнилов
Яков Либерман
Вадим Липатников
Вячеслав Лютов
Анатолий Марласов
Александр Мищенко

Ярослав Недвига
(художественный редактор)
Бронислава Овчинникова
Сергей Симонов
Андрей Сперанский
Дмитрий Сухарев
Владимир Тимошенко
Салим Фатыхов
Юрий Чернавин
Елена Щупова
Юрий Яценко

Корректор номера
Владимир Иванов

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620026, г. Екатеринбург,
ул. Р.Люксембург, 56.
Тел.: (343) 251-65-26,
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: bki@sky.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Каменск-Уральский, Россия
8(950)205-00-20
Сергей Симонов

Нью-Йорк, США
mgelprin@yahoo.com

Тавда, Россия
8(963) 044-28-87.

Челябинск, Россия
8 (912) 89-98-731
Александр Фёдорович Рейх

Киев, Украина
vesi.sv.kv@gmail.com

Прага, Чехия
maksburdin@mail.ru

Торонто, Канада
belov@sympatico.ca

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законо-
дательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года,
ПШ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать
с точкой зрения редакции.
Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном
соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные
лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их
публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются на правах рекламы.

На обложке: (1,2 стр.) фото Евгения Ставцева, (4 стр.) фото Тимофея Дубинина.

Номер подписан в печать 02.08.2012 г.
Отпечатан в ГУП СО «Каменск-Уральская типография»:
623400, г. Каменск-Уральский, ул. Ленина, 3. Заказ № 1007.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ВЕСИ

№6, 2012 (82)
спецвыпуск
август

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Курлаев</i>		<i>Евгений Ставцев</i>	
Заметки к истории Тагильского края	4	Затерянный мир Старой Выи	46
<i>Сергей Устьянцев</i>		<i>Анатолий Курлаев</i>	
Любопытствующие иноземцы и «опасные бороды»	13	Музей-завод: опыт сохранения индустриального наследия Урала	49
<i>Евгений Ставцев</i>		<i>Андрей Сушков</i>	
Первый паровоз, как первая любовь	18	Трудное рождение металлургического гиганта	52
<i>Ольга Морева</i>		<i>Андрей Сушков</i>	
«Я люблю его, но не той любовью, которую описывают в романах»: чтение и личная библиотека тагильчанки в конце XIX века	22	Непокорная броня	67
<i>Владимир Старков</i>		<i>Владимир Кашин</i>	
«Быть оному на общую пользу надобно»	26	Профашистские листовки в Нижнем Тагиле	77
<i>Марина Нечаева</i>		<i>Владимир Кашин</i>	
Первые тагильские монахини	29	Почему диверсанты Скорцени не дошли до Нижнего Тагила и Свердловска	81
<i>Валентина Дацкевич, Владимир Кашин</i>		<i>Сергей Разинков</i>	
От земской библиотеки-читальни к центральной городской библиотеке	33	«Проклят этот Тагил...»: немцы-спецпоселенцы в Нижнем Тагиле в первом послевоенном десятилетии	86
<i>Евгений Ставцев</i>		<i>Сергей Пудовкин</i>	
Вдаль по Выйской долине	39	Тагильские автобусы: к истории механического завода «Уралец»	92
<i>Александр Ермаков</i>		Приложение	
«Товарищ мой Тагил»	43	Нижний Тагил в XX веке	97–128

В подготовке номера принимали участие Андрей Сушков, Сергей Разинков, Евгений Ставцев, Валентина Дацкевич, Владимир Кашин, Светлана Димитрова, Дмитрий Матвеев, Степан Пьянков.

Благодарим за подготовку иллюстраций к статьям: Елену Яркову (Центр документации общественных организаций Свердловской области), Екатерину Никонову (Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»), Тамару Дёмину (Музейно-выставочный центр Евраз НТМК).

ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ ТАГИЛЬСКОГО КРАЯ

Евгений КУРЛАЕВ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
сектора методологии
и историографии
Института истории
и археологии УрО РАН.
г. Екатеринбург

Создание полноценной истории первых столетий освоения и заселения Тагильского края ещё далеко до завершения, по крайней мере, потому, что в её написании почти не задействованы документы центральных и местных архивов. Да и ряд известных событий из средневековой истории Тагильского края требуют переосмысления и дальнейшего внимательного изучения.

Начнём с особенности освоения этих территорий. Если первое русское поселение в Среднем Зауралье появилось именно здесь, в верховьях реки Тагила, то буквально через несколько лет этот маршрут был закрыт и надолго забыт в связи с прокладкой «государевой» дороги на Верхотурье и запретом использования других путей в Сибирь. С тех пор Тагил, как и другие реки (Ница, Нейва, Исеть), на которых в XVII в. возникали русские поселения, стали осваивать не с верховь-

ев, а с их устья. Запрет путей, которые, как впоследствии, оказалось, проходили вблизи месторождений руд, надолго отдалили открытые и начало освоения ископаемых богатств на восточном склоне Урала.

Эпизод 1. Ермаково городище.

Первый русский городок в Зауралье, названный Верхнетагильским, был построен сразу после прохода отряда Ермака. Именно от него сохранились вещественные остатки конца XVI в. в окрестностях г. Нижний Тагил.

Следы городища вблизи горы Медведь-камень на р. Тагил известны достаточно давно. Ещё Г.Ф.Миллер связывал это место со стоянкой дружины Ермака, излагая свою версию похода. В 1946 г. археологические раскопки Ермакова городища проводил О.Н.Бадер. Обнаруженные находки, главным образом, керамика, были датированы им XVII–XIX вв. Он высказал мнение о недостаточно ясном происхождении памятника: это место могло быть использовано как дружиной Ермака, так и позже русскими переселенцами. Выводы О.Н.Бадера разделила Н.П.Кипарисова, также проводившая здесь исследования в 1947 г. В 1952, 1977 гг. на значительной площади памятника продолжила раскопки тагильский археолог А.И.Рассадович. Остатки оборонительных конструкций, металлургических печей и значительную часть находок (обломки оружия и доспехов, инструмент, куски железных листов с гвоздями, предназначенные для обивки днищ судов, монеты Ивана IV, керамику) исследователь однозначно связывала со следами стоянки Ермака. Впоследствии эта версия стала господствующей¹.

Тем не менее, её не поддерживали некоторые учёные, продолжавшие

Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири. Лубок XIX века.

работать над проблемами первой сибирской экспедиции. Ю.Б.Сериков, опираясь на результаты обширных археологических разведок в районе Тагильского волока, опроверг вероятность зимовки Ермака на Кокуй-городке, обнаруженном А.И.Рассадович, и высказал предположение, что на Ермаковом городище дружина не останавливалась, а «городище было оставлено отрядами, шедшими вслед за Ермаком»². Такая точка зрения соответствует хронологии похода, предложенной Р.Г.Скрынниковым.

Мы не отрицаем вероятности кратковременной остановки дружины Ермака у Медведь-камня, поскольку место это весьма удобно и использовалось людьми неоднократно, но считаем, что массовые находки XVI в. на городище с большей долей уверенности можно связывать с летописным Верхнетагильским городком, построенным вскоре после прохода дружины для защиты Тагильского волока. Сведения о нём очень лаконичны, и лишь отдельные исследователи обратили внимание на факт основания городка, но никак не отождествляли эти известия с Ермаковым городищем³. Между тем в «Сибирском летописце» сообщалось, что «в Сибири прежде зачатия и поставления Верхотурского города сначала первый городок поставлен был вверх р. Тагила и назван был Верхнетагильский город. А воевода в нём был с Москвы Рюма Языков... И с того места переведены люди, и городок поставлен с того места на Лозве реке, и стоял три лета, а Тагилской покинут впусте»⁴. После начала строительства г. Верхотурья этот укрепленный пункт был сожжён вместе с Лозвинским городком. О закладке Верхнетагильского городка до строительства г. Тюмени в 1586 г. упоминается в Соликамском летописце и разрядных книгах 1475–1593 гг.

Пока ничто не противоречит такой версии, так как само название городка говорит о местонахождении его в том же районе, что и Ермаково городище, а длительными археологическими изысканиями пока не обнаружено других остатков укреплений с материалом XVI в. в верховьях р. Тагил. Строительство Лозвинского и Верхотурско-

го острогов осуществлялось по аналогичному принципу: у предгорий, в месте удобном для обороны и начала судоходства вниз по реке.

Так, поляна у Медведь-камня вполне может быть местонахождением Верхнетагильского городка, основанного между 1583–1585 гг. и просуществовавшего до 1588 г. Он мог быть воздвигнут на месте бывшей стоянки дружины Ермака с учётом опыта прошлых лет, но, возможно, эти события никак не связаны между собой, и стоянки Ермака здесь не было. По другим источникам (сведениям Г.Ф.Миллера и народным преданиям) у Медведь-камня упоминается только стоянка отряда Ермака. Какая из точек зрения наиболее достоверна, должны показать дальнейшие архивные и археологические изыскания.

Эпизод 2.

Верхнетагильская слобода.

Слобода с таким названием не упоминается ни в одной из работ известных историков края А.А.Дмитриева, Н.К.Чупина, И.Я.Кривощёкова, посвящённых населению и населённым пунктам Верхотурского уезда, тем не менее, судя по документам Верхотурской приказной избы, в 1680 г. такая слобода была где-то в верховьях Тагила.

Эпизод 3.

Находка горы Магнитной.

В отечественной исторической литературе существует точка зрения об открытии горы Магнитной (Высокой) и её богатств в 1696 г. Известие о находке здесь месторождения магнитного железняка послужило толчком к организации массового обследования всех известных на тот момент железных рудников и началу масштабного строительства железодельных заводов. Два из ранних заводов – Выйский медеплавильный и Нижнетагильский железодельный – возникли на базе этого знаменитого месторождения. Новые данные о поисках руд на р. Тагил в XVII в. дают возможность утверждать, что рудники здесь были открыты уже в 1640-х гг., а, возможно, и ранее. Важную роль в наших рассуждениях играют топографические данные.

Из описания 1697 г. греческого знатока серебряных руд А.Левандиана следует, что «...Магнитная

Статуя Ермака в г. Новочеркасске. Скульптор В.А.Беклемышев. 1904 г.

гора стоит у юрт ясачных вогуличей десятника Алёшки Тетерина..., от тех вогульских юрт в гору 200 сажень. ... А пала Выя в Тагил реку ниже вышесказанных вогульских юрт в трёх десятинах. А гора стоит от Краснопольской слободы в 30 верстах, от жилья русских людей от деревни Фатеевой в 3-х верстах»⁵.

При обследовании горы помимо выходов магнитной руды были обнаружены старые шурфы. «Да на верху в близости того холма на день старая копань – две ямы, одна глубиною на сажень печатную, другая также под горою к реке Тагилу. И по сказке тех юрт вогулича Томилки Туганкина, что де с той магнитной горы холм магнитный разломали и развозили приезжаючи с Верхотурья и из Тобольска и из иных слобод всяких чинов люди. А государева указу и береженья того магнитного камня не было. А де ямы на горе и под горою копаны в давних летах. А слышали де они, что копали Тобольского уезду из Мурзинской слободы приезжаючи: серебряники Ивашко да Митка Тумашины...»⁶.

Чуть позже, в 1698 г., при обследовании окрестностей Магнитной

горы приказчик Краснопольской слободы Алексей Тырков сообщал в Верхотурье, «что нашёл он за р. Тагилом от юрт ясачных вогулич десятника Алёшки Тетерина версты с три на правой стороне меж двумя болотами в земле руду, а та руда подобна слюдной мелкими малыми кусками, цветом желтоватым походит на медный цвет»⁷.

Обратимся к более ранним материалам, повествующим о начале горных поисков в верховьях Тагила. Впервые сведения о находке слюды поступили из этого района в 1628 г. В этом году тагильский пашенный крестьянин Илимко Степанов вместе с усольским «оконничником» Семёном Осиповым ездил за ней от своей деревни вверх по р. Тагилу. Место со слюдой «в берегу от реки вышиною в пояс не в один слой» им показал «вогулятин Телянко». С.Осипов должен был определить её качество, а если получится, накопать 50–60 пудов и вывезти в Верхотурье. Месторождение слюды, которое было обнаружено в верховьях Тагила, а потом неоднократно посещалось в течение всего столетия, послужило дополнительным ориентиром в определении места работ и поисков.

С 40-х гг. XVII в. регулярный и целенаправленный поиск руд распространяется и на Зауралье. Импульс поискам в этих районах придало известие, посланное в Москву верхотурским воеводой М.Ф.Стрешневым в конце 1644 – начале 1645 гг. Всё началось с того, как это часто бывает, что в съезжую (воеводскую) избу попал необычный камень. Были проведены и предварительные опыты верхотурским служилым человеком, серебряником Куземкой Сафьяновым. Кроме того, дети воеводы Григорий и Пётр побывали в Невьянской и Ирбитской волостях уезда и по подкаске крестьян нашли в разных местах признаки медной руды. Одиннадцать кожаных мешков с образцами в сопровождении сына Григория и стрельцов были отправлены в Москву для опыта, сначала в Сибирский приказ, а затем в приказ Большой казны. Образцы руды осматривали и делали опыты английские мастера Христофор Головей и Рыцарь Штиль. Среди образцов упоминался и колчедан – дей-

ствительно медная руда. Однако опыты не дали положительных результатов.

Для более точного и безошибочного сравнения из Москвы были посланы образец медной руды и инструкция, в которой приветствовалось продолжение поисков, рекомендовалось копать колодцами, искать и описывать разведанные места. Поиски продолжились. Вслед за первыми находками, летом 1645 г. Петром и Григорием Стрешневыми была найдена медная руда в верховьях реки Тагил. Её вновь испытали в приказе Большой казны. Опыт не дал значительный процент содержания меди («из чети фунта меди золотник скупно»), но показался настолько многообещающим, что по результату опытов была принята резолюция: «...а к тому медному делу будет плавильщиков каких надобно каких снастей или кузнецов, или иных каких работных людей и вы б велели им то всё давать тотчас». Было принято и беспрецедентное решение: взять нескольких плавильщиков с Пыскорского медеплавильного завода, построенного на правом берегу Камы, и послать их для испытания руды к вновь обнаруженному месторождению у р. Тагил.

Где же была найдена медная руда? 15 июля 1646 г. верхотурский воевода М.Ф.Стрешнев послал своих детей и подьячего Второго Истомина в верховья Тагила на гору показать подплавильщику Даниле Кашинцу, где ранее брали медную руду, «да они же велели на той горе копать и идти вглубь шахтою и выкопали на той горе вглубь две сажени печатные, и пошёл камень крепкий с продушинами, а в продушинах зелень, и тот камень с зеленью..., да у той же горы в другом месте копали вглубь шахтою же три сажени печатных...». Крепкая порода стала основной проблемой в дальнейшем продолжении работ. Не было горных мастеров. Тем не менее, удалось взять образцы руды, которую 10 августа 1646 г. испытали в Верхотурье в горне в присутствии воеводы. Из 5 гривенков испытываемой руды из шахты у подножья горы получилось чистой меди четверть гривенки, что составляло около 6 %. 4 сентября 1646 г. все результаты опытов и об-

разцы руды были отправлены в Москву.

Точнее это место можно определить лишь по более поздним сведениям. В 1653 г. уже после окончания поисков медной руды, организованных Стрешневыми, в съезжую избу к верхотурскому воеводе Л.Т.Измайлову подьячий Григорий Третьяков принёс «призначный» камень с места «вверх Тагила реки в горе, где наперёд сего имана медная руда близко юрт ясачного вогульского сотника Тетери Яналова». Эти же места упоминаются в отписке верхотурского воеводы И.Я.Колтовского, от 1667 г., посвящённой сбору сведений о рудах, – «да на Тагиле объявилась медная руда по извету вогуличей Тетерки да Алыпки». Весь XVII в. ориентиром в определении местонахождения горных работ на р. Тагил служила близость к ним вогульских «Тетериных юрт».

Поиски и разработка обнаруженного месторождения продолжились и в следующем году при новом верхотурском воеводе Б.С.Дворянинове. По царскому указу, направленному управляющему Пыскорским заводом Ю.Телепнёву, весной 1647 г. в Верхотурье для продолжения поисков был отправлен медеплавильный мастер Александр Иванович Тумашев. Прибыв в Верхотурье, А.И.Тумашев оказался в тупиковой ситуации, т.к. для продолжения поисков медной руды здесь не оказалось необходимых инструментов и химических составов. О сложившейся ситуации он подал челобитную. Сведений о продолжении работ А.И.Тумашевым после 1648 г. в верховьях р. Тагил пока не обнаружено. Очевидно, из-за отсутствия необходимых инструментов и составов поиски были приостановлены, но с этого времени казённый Пыскорский завод перешёл в управление Тумашевых.

Из отдельных сведений можно отметить, что эти поиски и место, где они проводились, не были забыты. Оставшийся на Пыскорском заводе сын А.И.Тумашева Дмитрий, подводя в 1666 г. итог своим с братьями неудачным поискам, вновь подтвердил, что «у Соли Камской в уездах руд искали, а обыскать не можем и теперича живём на Пыскоре без промыслу». С этого времени плавильщики решили оставить

этот завод и со снастями перебраться в малоизученный Верхотурский уезд. Д.А.Тумашев уже представлял, куда ехать. В первую очередь он поехал в верховья р. Тагил туда, где он уже бывал и работал вместе с отцом в 1647 г. Факт, что он участвовал в этих работах, подтверждает документ, составленный в Верхотурье, в котором А.И.Тумашев извещал об отсутствии у рудного дела людей, инструментов и плавильных составов. Внизу документа подпись: «... в сей сказке вместо отца своего Александра Тумашева плавильщика сын его Митка руку приложил».

Д.А.Тумашев отправился для разработок медной руды, зная, где её искать, поэтому он обратился первоначально за грамотой, дающей право искать медную руду. В 1666 г. он добрался к верховьям Тагила и извещал о находке слюды, описывая места: «От Верхотурья в верх Тагилу реки до деревни Авдея Балакина зимним путём налегке ехать день, а от деревни Авдеевы горами, пустым лесом до слюдных гор идти на лыжах день, а сухим путём ехать два дни. А слюдная признака в двух горах над Тагилом рекою ... и в той горе копана яма в глубину сажень ..., а от горы до горы версты с три». Если взглянуть на современную карту окрестностей Нижнего Тагила, то можно обнаружить деревню Балакина к востоку от города, на пути из Верхотурья, вдоль р. Пии. От этой деревни, двигаясь на запад, Д.Тумашев выходил к р. Тагилу как раз в районе Магнитной горы.

Есть противоречие в том, что в одном и том же месте найденные разные руды: в 1640-х гг. это – медная, а в 1696 г. – магнитная. Но для некоторых уральских месторождений характерно значительное содержание меди в железной руде. С проблемой разделения этих металлов столкнулись плавильщики в начале XVIII в. Поэтому в 1702 г. вогул Савин нашёл у горы Магнитной и месторождения медных руд. Тогда же пробные плавки меди были предприняты на Невьянском заводе.

Почему же Д.Тумашев, найдя Магнитную гору, не воспользовался её богатствами? Либо он не успел, так как в 1675 г., после того, как

его железодельный заводик в верховьях р. Нейвы был описан за долги, рудознавец срочно уехал в Казань, либо технически ещё не мог качественно плавить магнитный железняк в малых сыродутных печах. С подобным неумением плавить эту руду столкнулись местные рудоплавильщики при проведении опытной плавки в 1697 г., «и плавить рудоплавильщики того магнитного камня не умели, а сожгли того магнитного камня два пуда и выплавлено малое число всего фунт без тринадцати золотников...».

Техническое несовершенство выплавки меди, очевидно, не позволило эксплуатировать и обнаруженные в 1640-х гг. месторождения медной руды. Руда с 6 % содержания меди считалась в то время ещё «худой». По оценке В.Геннина, на Пыскорском заводе, где работали саксонские плавильщики, а затем и Тумашевы, «онные мастера или плавильщики неискусны были, для того, что тот шлак был лазоревый и густой и в нём зёрна или крошки медные... Древние рудокопщики вынимали только дербеец, который между шифером лежит на палец и меньше толщиною...». В начальный период эксплуатировались только очень богатые руды с содержанием меди от 10 до 25 %, а те, что считались «худыми», стали эксплуатироваться позже, с приездом В.И.Геннина.

Таким образом, на основании топографических данных места горных работ (район Тетериных юрт в верховьях р. Тагил), семейной преемственности участников поиска (Тумашевы), упоминавшихся при этих работах с 1647 г., однотипности обнаруженных поблизости полезных ископаемых (слюды) в 1628, 1666, 1697 гг., можно утверждать, что открытие Магнитной (Высокой) горы произошло, по крайней мере, не позже 1640-х гг.

Эпизод 4.

Верхотурский Тагильский завод.

Из научной литературы и учебных пособий хорошо известно, что в конце 1701 г. на Урале заработали два первых металлургических завода – Невьянский (Федьковский) и Каменский. Но, в таком случае, о каких заводах идёт речь в документе, датируемом декабрём 1700 г.: «И те заводы на Каменке, Камышенке и Тагиле сличить вме-

сте, и что надобно на Тагильские заводы посылать с Каменских заводов»?⁸

Наиболее тщательно начало строительства металлургических заводов на Урале проанализировал историк Б.Б.Кафенгауз⁹. Впоследствии его труд стал основой при написании большинства научных и научно-популярных работ, посвящённых зарождению металлургической промышленности на Урале. В основу исследования историка легла переписка Сибирского приказа с верхотурскими и тобольскими воеводами о горных заводах в период 1700–1703 гг., сгруппированная в 4 архивных дела¹⁰. Мы воспользуемся теми же источниками, привлечём новые документы и попытаемся заново проанализировать обстоятельства строительства первых уральских мануфактур в период 1699–1700 гг.

Летом 1696 г. в Москве впервые стало известно о гигантских залежах магнитной руды, обнаруженной в недрах одной из гор Среднего Урала. За этой впоследствии знаменитой горой закрепились названия «Магнитная» и «Высокая». При каких обстоятельствах было найдено месторождение и кто первым известил правительство, пока неизвестно. В то же время удалось установить, что Магнитная гора неоднократно посещалась и даже разрабатывалась ещё в XVII в. Вот одно из свидетельств предшествующей эксплуатации месторождения: «...той горы холм магнитной разломали и развозили приезжаючи с Верхотурья и из Тобольска и из иных слобод всяких чинов люди».

Известие о том, что в Верхотурском уезде есть «камень-магнит» и железная руда, положило начало обширным геологическим изысканиям в крае, а затем и массовому заводскому строительству. Откликом на известие стал царский наказ верхотурскому воеводе Дмитрию Протасьеву от 26 июня 1696 г., предписывающий разведать и немедленно сообщить в Сибирский приказ подробные сведения обо всех известных месторождениях железной руды на территории уезда. 1696–1697 гг. прошли в череду мероприятий по определению экономического потенциала уезда, обследованию железорудных месторож-

дений и участков под заводское строительство, экспертной оценке образцов руды в столице и за рубежом. При этом надо подчеркнуть, что все подготовительные работы в крае были проведены с расчётом исключительно на собственные возможности.

В феврале 1697 г. руду и железо испытывали в Москве бронные мастера из Оружейной палаты. В марте этого года к оценке качества железа привлекли оружейного мастера «туленина» Н.Д.Демидова. В 1696–1697 гг. магнитную, железную и другие руды, привезённые с Урала, неоднократно испытывали в Риге и Амстердаме. Во всех случаях оценка железной руды была высокой. Выплавленное железо было не хуже тульского и равноценно высококачественному шведскому металлу.

Ещё весной 1697 г. Никите Демидову было предложено ехать и начать строительство заводов на Урале. Заводчик ответил, что «самому ему ехать туды на жильё немочно. Потому что у него на Туле дом да две деревни и железных и мелнишных заводов заведено немалое число и многие заводы не довершены», но советовал отправить туда своего лучшего ученика оружейника Марчка Евсевьева [Марка Евсевевича Красильникова – Е.К.]. Сам же Никита рассчитывал присмотреть за организацией заводов и побыть в Сибири одно лето. Предложение Н.Д.Демидова не осталось без внимания. В декабре 1697 г. М.Е.Красильникова отправили сначала в Преображенский, а затем в Сибирский приказ к А.А.Виниусу. Сведений о дальнейшем развитии этих событий пока не обнаружено.

После тщательного испытания руды и экономических подсчётов последовал знаменитый указ Петра I от 10 июня 1697 г. «О выборе всякого чина людям руд в Верхотурье и Тобольске, о выборе удобных мест и учреждение заводов и о присылке в Москву снятых с таковых чертежей», положивший начало созданию на Урале крупной промышленности¹¹. В нём были определены действия Сибирского приказа и воеводской администрации по подготовке и строительству первой металлургической мануфактуры.

Следует отметить, что указ в большей степени касался организации работ в Верхотурском уезде и, особенно, у Магнитной горы, где были открыты основные залежи железных руд.

Целью строительства заводов, по свидетельству документа, заключалась, в первую очередь, в литье пушек и гранат, изготовлении различного «ружья» «для обороны Сибирского царства от всяких иноземцев» и уже во вторую очередь поставке оружия в Москву и другие «понизовые и верховые» города как в Сибири, так и в Центральной России.

Портрет Н.Д.Антуфьева (Демидова).
Неизвестный художник.

Началом заводского строительства в Верхотурском уезде ряд исследователей считает 23 апреля 1699 г. (207 г.), когда был подписан именным царским указом о строительстве заводов в Верхотурском уезде на реках Тагиле и Нейве там, где была обнаружена железная руда¹². По мнению Д.Кашинцева 23 апреля 1699 г. произошла закладка Невьянского завода, а строительство продолжалось 2,5 года¹³.

С 23 апреля 1699 г. ведётся отчёт истории Невьянского завода и в деле о передаче его Н.Д.Демидову. Реальную подготовку к строительству завода в Верхотурском уезде можно проследить по «доимочным ведомостям» слободских старост, учитывавших сроки и перечень работ, суммы выплат, количество работавших крестьян. Как

следует из данного документа, подготовительные работы начались с 1 сентября 1699 г. (208 г.) Они включали изготовление «оследей», жженые извести, заготовку дров, «горнового камня» и магнитной руды. Первоначально к заготовкам привлекли крестьян из ближайших слобод – Тагильской и Краснопольской¹⁴.

Последовательность событий в период начала строительства и пуска заводов в исследованиях историков выглядит достаточно отрывочной и противоречивой. Не вдаваясь в ряд спорных моментов о датах начала строительства и пуска заводов, остановимся на двух неизвестных сюжетах 1700 г., когда планы строительства «большого» завода, наконец, стали воплощаться в реальность.

В переписке А.А.Виниуса с местными властями отмечался факт неоднократного появления указов, предписывающих набрать мастеровых в Центральной России и начать строительство заводов на Урале. К указам Петра I, датированным 10 июня 1697 г., 11 сентября 1698 г. и 23 апреля 1699 г. добавилось новое распоряжение царя о строительстве заводов в Верхотурском уезде от 19 января 1700 г.: «На реках Тагиле и на Вые, где сысканы железные руды да Магнитная гора, завести железные заводы». Далее в документе предписывалось взять мастеров с Тульских, Каширских, Угодских и Павловских заводов, и прилагался список мастеров¹⁵.

21 февраля 1700 г. из Москвы, наконец, отправились первые 22 специалиста различных профессий с семьями во главе с доменным мастером Яковом Фадеевым. Они ехали в Верхотурье, а затем в те места, где предполагалось начать строительство заводов. После выбора места им предстояло заниматься заготовкой руды, набором плотников для строительства плотины и амбаров, отводом места под избы и огороды, возведением церкви, строительством горна и домны, а затем «из руд, из магнита железо плавить»¹⁶.

Как следует из вышеупомянутых указов, ни один документ не обходился прямо или косвенно без упоминания о необходимости строительства завода вблизи Магнит-

ной горы, а в 1699 г. крестьяне приступили и к заготовке магнитной руды.

Чаще всего в документах первого года заводского строительства говорится о «верхотурских железных заводах» без указания понятного и знакомого нам современного названия завода. По нашему мнению, в отождествлении «верхотурских железных заводов» только с Невьянским заводом, возможно, заключалась ошибка Б.Б.Кафенгауза. При толковании документов все сведения о «верхотурских железных заводах» Б.Б.Кафенгауз отнёс к Невьянскому заводу¹⁷. Есть сведения, что в 1700 г. начинал строиться верхотурский Тагильский завод.

В первые годы строительства заводы только обретали свои названия, они могли меняться, что требовало внимательного исторического анализа. В документах 1700 г. чаще встречаются названия «верхотурские железные заводы», «Каменские заводы», иногда «тобольские Каменские заводы», но нет «Невьянские заводы». Именования «верхотурские» и «тобольские» связаны с подчинённостью заводов: первые находились в ведении верхотурского воеводы, вторые соответственно – в ведении тобольского. «Тагильский», «Невьянский», «Каменский» закрепились от названий рек, на которых эти заводы возникли, «Федьковский» – от ближайшего населённого пункта.

Вернёмся к первым мастерам, отправленным из Москвы в Верхотурье на «верхотурские железные заводы». Б.Б.Кафенгауз, а вслед за ним и другие авторы, отправили их строить Невьянский завод, в то время как строительство первого завода началось на р. Тагил у г. Магнитной. Документов, подтверждающих эту точку зрения немного, но они есть. Верхотурский воевода Кузьма Козлов сообщал в Москву, что 24 марта 1700 г. для строительства железных заводов из Москвы присланы Якушко Фадеев с 22 мастерами и подмастерьями, «а велено им быть Верхотурского уезда на Тагиле и на Вые речках. А пока они у того железного заводу будут, велено им давать твоего великого государя хлебного жалования з ближних слобод»¹⁸. Другой близкий по смыслу

документ 1700 г. «Об отпуске хлебного жалования мастерам железных заводов на Тагиле и на Вые с росписями их», к сожалению, из-за ветхости пока недоступен для изучения¹⁹.

Документы, повествующие о строительстве «верхотурских железных заводов» в 1700 г. следует связывать со строительными работами, проводившимися на месте будущего города Нижний Тагил. С августа 1700 г. по февраль 1701 г. имеется несколько свидетельств из переписки между Сибирским приказом, тобольским и верхотурским воеводами, повествующих о пересылках мастеров и оборудования с «верхотурских железных заводов» на Каменские заводы и обратно.

В частности, в одном из источников говорится: «...и тот завод завести против Каменского заводу..., а тем заводам Тагильским для того ведомым быть в Тобольске, что с Каменскими заводами... и на тех Тагильских заводах велели, когда учнут руду плавить магнитную с простою не мешать... И те заводы на Каменке, Камышенке и Тагиле слить вместе, и что надобно на Тагильские заводы посылать с Каменских заводов»²⁰. В другом документе сообщалось, что 20 декабря 1700 г. Пётр I указал «верхотурские Тагильские железные заводы ведать в Тобольске ... для того, что московских железных заводов многие мастеры ныне в Тобольске на Каменских заводах»²¹.

Очевидно, строительные работы у Магнитной горы продолжалась до конца 1700 г. Завод строился на р. Тагил, такой вывод можно сделать из его названия. Как минимум в летний период 1700 г. велась добыча руды и шла заготовка леса для углежжения и строительства, а в марте 1701 г. там ещё находились люди. Из доклада угольного мастера М.Тёткина приказчику и строителю Каменского завода И.Астраханцеву следовало, что ему одному не справиться с заготовкой угля для строящейся доменной печи, и он просил в помощь написать в Верхотурье о другом угольном мастере, «который без дела живёт на верхотурских Тагильских заводах, о Пашке Иванове»²².

О причинах остановки строительства Тагильского завода мож-

но только догадываться. Одна из них – неумение эффективно плавить магнитный железняк, вторая – нехватка мастеров для работы на нескольких заводах одновременно, третья – нехватка поблизости рабочей силы, четвертая – начало Северной войны и концентрация усилий на строительстве меньшего количества заводов.

Упомянув Тагильский железный завод, не могу не обратить внимание на важную для г. Нижнего Тагила дату. В 2006 г. Высокогорский ГОК отмечал очередной юбилей, отсчёт которому был дан от 1721 г. Эту дату связывают с освоением богатств Магнитной горы Н.Д.Демидовым и строительством им Нижнетагильского железодобывающего завода. Однако промышленная эксплуатация залежей магнитной руды началась примерно одновременно с основанием завода у Магнитной горы в 1699–1700 гг. Но если тогда строительство так и не было завершено, то руду с этого месторождения продолжали добывать для Невьянского завода, смешивая её с обычной рудой. Доказательством служит упоминание в описании Невьянского завода 1702 г.: «лежит магнит нежжёный 1081 пуд»²³.

Эпизод 5.

«Загадки» медного стола.

В одном из залов Нижнетагильского краеведческого музея долгие годы экспонируется старинный медный стол. На столешнице выгравирована надпись: «Сия первая в России медь отыскана в Сибири бывшим комиссаром Никитою Демидовичем Демидовым по грамоте Великого Государя и императора Петра I в 1702, 1705 и 1709 гг. А из сей первовыплавленной российской меди сделан оный стол в 1715 году». Стол полностью изготовлен из меди и весит 416 килограммов. Надпись прямо указывает на приоритет горнозаводчиков Демидовых в открытии медных руд и выплавке первой меди в России.

Надпись и сам стол давно привлекали внимание исследователей. Одни авторы считали дату бесспорной и определили столу «невьянское происхождение», т.к. в 1715 г. Невьянский завод был единственным принадлежавшим Демидову на Урале²⁴.

Иное мнение сложилось у тагильского краеведа К.Ф.Ляпцева, который наиболее последовательно интересовался обстоятельствами появления медного стола. Он пришёл к выводу, что история возникновения и развития медной промышленности в России, и на Демидовских заводах в частности, не согласуется с надписью. Больше всего вызвали сомнение два момента: то, что стол сделан «из первой в России меди», и то, что это событие произошло в 1715 г. Он считал, что у Демидовых в 1715 г. не было ни медного завода, ни достаточного количества меди, чтобы изготовить стол. Сама надпись заставляла усомниться в дате. В ней пишется: «бывшим комиссаром» и «по грамотам Великого Государя и Императора». Никита Демидов носил звание комиссара до самой смерти в 1725 г. и, следовательно, «бывший» означает умерший. Пётр I в 1715 г. именовался только царём, титул императора ему присвоили 22 октября 1721 г. 23 ноября 1722 г. был пущен Выйский медеплавильный завод, поэтому стол мог быть изготовлен там.

В итоге К.Ф.Ляпцев, учитывая стиль и содержание надписи на столе, химический анализ меди, изящество форм и высокое качество отливки, пришёл к выводу, что стол отлит в 1835–1840 гг. на бронзолитейной фабрике Выйского завода уральским умельцем мастером-литейщиком Ф.Ф.Звездиным. Он отверг версию более раннего изготовления крышки, т.к. химический анализ из разных частей стола оказался одинаков, и посчитал свою версию незыблемой.

Но кому и зачем понадобилось фальсифицировать надписи и дату изготовления стола? К.Ф.Ляпцев выдвинул версию, что потомки Н.Д.Демидова задним числом пытались утвердить в общественном мнении, что Демидовы «первооткрыватели и основоположники медной промышленности в России» и обвинил известных заводчиков в непомерном тщеславии²⁵. По нашему мнению, из-за отсутствия документальных сведений, автор пошёл по пути домысла, сомневаясь в правдивости содержания надписи и порядочности знаменитых заводчиков.

Действительно, принято считать, что выплавка меди Демидовыми началась с пуска Выйского медеплавильного завода в 1722 г. Тем не менее, удалось обнаружить комплекс документов, демонстрирующих усилия Демидовых в медеплавильном деле с первых лет появления их на Урале. И эти документы подтверждают содержание надписи на столе.

С выплавкой меди Н.Д.Демидов столкнулся в год передачи ему Невьянского завода. В декабре 1702 г. в «памяти» Никите Демидову главы Сибирского приказа А.А.Виниуса писал о выделении места на заводе под испытательную рудоплавную печь и создании условий для медеплавильного мастера. Руду для опытов должны были привезти с р. Утки.

В наказе А.А.Виниуса говорилось не только о начале опытов с медной рудой казённых мастеров, но и о необходимости заводчику заниматься выплавкой меди на собственные средства. «А как привезут с Верхотурья медных дел рудоплавильных мастеров и тебе б ему отвезть амбарец и место, где построить рудоплавную печку. И как руду медную с Утки к тебе привезут заставить бы того мастера при себе переплавить и радетельно досматривать, чтоб после его отпуску мочно тебе самому было и пригавленникам твоим ту руду обжигать, и толочь, и в печку сыпать и плавить добрым мастерством, чтоб напрасно без дела и без добрых плодов руды не потерять. И в том Великому Государю показать свою службу, чтоб однолично выплавить меди красной для опыту и отвезти к Москве пудов 15–20. И за то бы тебе в рудах потрудится и принять Великого Государя милость. А сколь пудов меди чистой будет выплавлено писать имянно»²⁶. Этот наказ подлежал обязательному исполнению.

Именным указом от 14 апреля 1703 г. Н.Д.Демидову разрешили заводить железоделательные заводы в Кунгурском уезде «против уговору по верхотурским железным заводам наёмными людьми и своими деньгами». А распоряжением от 14 мая 1705 г. промышленнику дозволялось организовать в Кунгурском уезде и выплавку меди. «Руду копать и заводить заводы Никите Де-

мидову, из расчёта платы из казны за выплавленную медь по 4 руб.» разрешалось на реках Быме, Бирме и Турке, в местах, где ранее работал воевода А.Калитин. В указе вопрос организации медеплавильного производства выглядит уже решённым делом. Копать руды и строить заводы повелевалось «своими проторми», а расплачиваться за выплавленную медь предполагалось из кунгурских налоговых сборов. Одновременно запрещалась другому промышленнику – Ф.И.Молодому добывать руду вблизи тех же урочищ²⁷.

Однако, несмотря на то, что Н.Д.Демидов получил все права на организацию заводов в Кунгурском уезде, устройство их задерживалось по ряду причин. Осенью 1708 г. заводчику стало известно, что в казну наряду с мельницами начали отнимать «для прибылей» и вододействующие заводы, т.к. уезд был разорён башкирским набегом и лишился источников налоговых поступлений. Из-за военных действий резко уменьшилось население уезда («люди посечены, слободы выжжены»), а медеплавильное «большое дело» без наёмных людей заводить было трудно и дорого. Остерегался Демидов и Ф.Молодого, опасаясь, чтобы конкурент «ябедеою своею и лживыми наносы» его самого с тех мест «не изогнал». Никита был готов строить заводы, при условиях непосредственного подчинения Сибирскому приказу, не взимания с него «мельничных прибылей» и отъезда Ф.Молодого из уезда.

Вместе с тем, Ф.Молодой также имел именной указ от 23 января 1704 г., разрешавший ему поиски руд в нескольких уездах. В ходе рассмотрения челобитных уральских промышленников в Москве было принято решение о запрете Ф.Молодому работать в тех местах, где ранее искал руду А.Калитин или Н.Демидов, т.к. многие рудники были обнаружены до 1704 г.

Победе Демидова в тяжбах способствовали тяжёлые правонарушения Молодого. В 1707 г. Ф.Молодого задержали во время тайного провоза из Москвы на Урал запрещённого товара – пороха. Царским указом 1709 г. предписывалось: «Фёдору Молодому в Кунгурском

уезде промышлять не велеть, изловить и держать скована в тюрьме, писать к Москве и до указа не освобождать». Арест Ф.Молодого способствовал активизации Н.Д.Демидова в организации медеплавильных и железоделательных заводов в Кунгурском уезде. В 1709–1710 гг. предпринимались конкретные действия по возведению заводов, происходил набор работников. Летом 1709 г. из Москвы на «Кунгурские медные и железные заводы» посланы мастера и работные люди: 3 молотовых и 2 плотинных мастера, 2 плотника. Главе Ямского приказа предписывалось выдать Демидову телеги для отправки людей и грузов на эти заводы²⁸.

10 августа 1710 г. вышел очередной указ и грамота Сибирского приказа о разрешении Н.Д.Демидову строить в Кунгурском уезде медные заводы «со всяким полным строением». Исходя из имеющихся отрывочных сведений, трудно точно определить, где начиналось строительство. Скорее всего, вся организационная суета проходила на месте будущего Суксунского завода. Руду предполагалось добывать вблизи упомянутых рек Бым, Бырма, Турка. Из «кунгурских доходов» заводчику определялось ежегодное жалование в 1000 руб. «за усердное радение в поиске руд и строение тех заводов». Из выплавленной меди Н.Д.Демидов был обязан отдавать государству в качестве налога каждый десятый пуд, а остальную часть продавать по 4 руб. за пуд опять же в казну. На этом наши сведения об организации медеплавильного производства Демидовыми в Кунгурском уезде обрываются.

С большими проблемами столкнулись Демидовы при организации медеплавильного производства в Верхотурском и Тобольском уездах. В 1715 г. по именному царскому указу Н.Д.Демидову повелевалось в Тобольском уезде, где найдена медная руда, делать медь. В этом уезде был только один район, где уже имелись интересы Демидовых, на месте возникших позже Шайтанского (г. Первоуральск) и Ревдинского заводов. Здесь из-за медных рудников заводчики вступили в конфликт с управляющим Уктусским заводом Т.Бурцовым.

Медный стол, изготовленный в 1715 г. на заводе Н.Д.Демидова.
Экспонат Нижнетагильского историко-краеведческого музея

Из-за особенностей уральской руды, содержащей медь и железо, возникли технологические проблемы. Присутствие меди в железной руде было существенным препятствием в производстве железа, и Н.Д.Демидов обратился в Москву с просьбой прислать ему известного горного специалиста – саксонца бергмейстера И.Ф.Блиера. Однако указом от 15 июня 1715 г. «для разделения медной и железной руд» к заводчику велели прислать «дозорщика рудокопных дел» Ивана Патрушева и двух помощников, обучавшихся в Саксонии.

27 июня 1715 г. И.Ф.Патрушев и ученики-иноземцы Самуил Печь (Potsch, Peitsch) и Павел Бривцын

(Pruftzen) должны были отправиться на заводы, но «к отправке не явились». Акинфий Демидов сам отказался брать Патрушева, зная, что тот не имел опыта разделения медной и железной руды. Как в дальнейшем развивались события по выплавке меди в демидовских вотчинах, с какими проблемами столкнулись заводчики, следует из более поздних документов.

В 1722 г. на Урал прибыл полковник В.И.Геннин. Во втором пункте данной ему инструкции предписывалось: «Медные заводы также во всем исправить и привести в доброе состояние и размножение». Не вдаваясь в предысторию вопроса, он обвинил Демидовых в нерадении к

выплавке меди, о чём сообщил в Берг-коллегию. В изложении Н.Д.Демидова обвинения эти заключались в следующем: «что из медной руды медь плавить не знаю, и мастера такого у себя не имею, который бы мог разделить медь с железом, и будто я тому медному делу охоту и старание не прилагаю. А для тех де медных заводов даны будто мне деревни со крестьяны».

Поясняя необоснованность обвинений Генина, заводчик в письмах в Берг-коллегию приоткрыл некоторые обстоятельства начала плавки меди в своих владениях. «Для медеплавильного дела построил я заводы. И на оных заводах сделано было у нас для плавки медных плавильных печей 10 и более [в Кунгурском уезде? – Е.К.]. Да на старом железном заводе [Невьянском – Е.К.] и на руде [у р. Выи или р. Ревды? – Е.К.] – 15 печек»²⁹.

Положительного результата в разделении меди и железа Демидовы не добились. Заводчики приказали сломать печи и построить три новые, по образцу уктусских, т.к. на Уктусском заводе плавил медь с 1713 г. Они были готовы «принять науку в этом мастерстве у кого-либо, но не могли найти таких мастеров в России». В Уктусский завод отправили крестьянина для обучения медному делу.

В приведённом документе поражает неизвестный ранее в России размах строительства: 25 медеплавильных печей были построены Демидовыми ещё до появления Выйского медеплавильного завода. К сожалению, в нём не указана дата начала их строительства. Скорее всего, эти события следует отнести к 1715 г., когда Демидовы искали опытного медеплавильного мастера. Тогда окончательно решить технологическую проблему разделения меди и железа не сумели, но, несомненно, какое-то количество меди было выплавлено и пошло на изготовление вышеупомянутого стола в 1715 г.

Факт изготовления подобного медного стола Демидовыми уже на Выйском заводе засвидетельствовал знаменитый путешественник П.С.Паллас в книге «Путешествие по разным местам Российского государства в 1770 г.». При посещении завода и рудника он сделал в путе-

вом дневнике запись: «Рудник сей достопримечателен тем, что в России он был первым, где начали рыть и плавить медную руду, из коей медную доску наподобие большого стола поднёс Никита Демидов е.и.в. Петру Первому».

Вернёмся к надписи на медном столе. Как следует из вышеприведённых документов, в 1702, 1705 и 1709 г. действительно были указы Петра I, предписывающие Н.Д.Демидову заниматься выплавкой меди, а к 1715 г. заводчиком было построено не менее 25 медепла-

Портрет А.Н.Демидова.
Художник Г.Х.Гроот.

вильных печей. Не противоречат документальные сведения и тому факту, что медь была выплавлена, а стол изготовлен в Невьянском заводе в 1715 г.

Что касается первенства Демидовых в медеплавильной отрасли. Да, из исторической литературы мы знаем, что промышленная выплавка меди велась в России ещё в XVII в. Но откуда мог узнать этот факт неграмотный Никита Демидов? Вопреки утверждениям В.И.Генина, попытки начать выплавку меди предпринимались Н.Д. и А.Н. Демидовыми практически с первых лет своего появления на Урале, но технологические проблемы не позволили им до пуска Выйского завода начать её регулярное промышленное производство. Только с приездом на Урал в начале 1720-х гг. по приглашению В.И.-

Генина иностранных специалистов, привлечению передового европейского опыта удалось внедрить в медеплавильное производство эффективные технологии отделения меди от железа и выплавки меди из «шиферных руд».

Примечания:

¹ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 155.

² Сериков Ю.Б. Некоторые проблемы изучения сибирского похода Ермака // Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 33.

³ Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце 16 – начале 17 в. Иркутск, 1990. С. 110; Никитин Н.И. Сибирская эпопея 17 в. М., 1987. С. 18.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 141.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1280. Л. 129.

⁶ Там же. Л. 130.

⁷ Там же. Л. 195.

⁸ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 47. Л. 6–6 об.

⁹ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. I. С. 45–167.

¹⁰ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 47–50.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. III. СПб., 1830. № 1588.

¹² Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пермь, 1887. Кн. V. С. 247–248.

¹³ Кашинцев Д. История металлургии Урала. М., 1939. Т. I. С. 48–49.

¹⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 565 об.–608.

¹⁵ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 47. Л. 150.

¹⁶ Там же. Д. 48. Л. 270 об.–272.

¹⁷ Кафенгауз Б.Б. Указ соч. С. 62.

¹⁸ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

¹⁹ Там же. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 240. Л. 368–372, 375–378, 385–388, 397–398.

²⁰ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 47. Л. 6–6 об.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 73–73 об.

²³ Там же. Л. 290.

²⁴ Невьянск 1701–1976. Свердловск, 1976. С. 12–13.

²⁵ Лянцев К.Ф. Загадка медного стола // Уральский следопыт. 1983. № 5; Он же. Загадки медного стола // Тагильский краевед. Альманах. Нижний Тагил, 1992.

²⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 634. Л. 641 об.–642.

²⁷ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1348. Л. 5, 7; Ф. 271. Оп. 1. Д. 606. Л. 151–152.

²⁸ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1348. Л. 4.

²⁹ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Д. 628. Л. 152.

ЛЮБОПЫТСТВУЮЩИЕ ИНОЗЕМЦЫ И «ОПАСНЫЕ БОРОДЫ»

Сергей УСТЬЯНЦЕВ,

кандидат исторических наук,
научный редактор отдела по
связям с общественностью
ОАО «НПК «Уралвагонзавод
им. Ф.Э.Дзержинского»».
г. Нижний Тагил

«Вот уже три столетия Урал олицетворяет индустриальную мощь Российского государства!». Эта фраза непрерывно и в сотнях вариантов звучала в течение всего 2001 г., когда промышленность края отмечала 300-летие пуска первых доменных заводов. И действительно, цифры, демонстрирующие объёмы добытых руд, выплавленных металлов, построенных машин, способны поразить самых стойких скептиков. Однако зададим себе наивный вопрос: а что лежит в основе этой индустриальной мощи, что является её сердцем и движущей силой? И, если отвечать на него абсолютно честно и последовательно, мы неизбежно придём к выводу: промышленность – это относительно небольшая группа высококвалифицированных мастеров, техников и инженеров, способных воспринимать чужой опыт и создавать свои новые и оригинальные машины и технологии. Есть такая группа людей: с их появлением возникнут на голом месте заводы и будут обучены массы новых рабочих. Исчезнут специалисты – и самые лучшие заводы встанут за пару лет или даже месяцев.

К немалой чести уральских заводладельцев XVIII в., они сумели за относительно короткий срок – каких-то полвека! – собрать, обучить или нанять должное количество специалистов: металлургов, горняков и механиков. И уже с конца XVIII в. для уральских горнозаводчиков не было секретов на западноевропейских предприятиях, а их собственные заводы стали предметом особого внимания европейских инженеров, политиков и военных.

Сегодня подобный «взаимный интерес» называется промышлен-

ный шпионаж и карается немалыми тюремными сроками, да и в XIX в. это дело отнюдь не приветствовалось. Впрочем, что было, то было: история в значительной степени выше наших моральных оценок, её можно принимать лишь такой, какой она уже состоялась. Отметим лишь одно – способность при самом беглом осмотре понять принцип действия машины и затем воспроизвести её у себя дома в усовершенствованном виде свидетельствует о высочайшем профессионализме уральских механиков и инженеров. А попытки западных специалистов выведать отечественные секреты лучше любых патентов доказывают российский приоритет в некоторых областях технологического развития.

История взаимного промышленного шпионажа в XIX в. ещё ждёт своего исследователя, мы же приведём лишь несколько примеров, впрочем, весьма типичных.

* * *

Скрывать свои достижения от любопытствующих иностранцев уральским заводам было очень затруднительно – слишком много чужеземных мастеров здесь работало, а обойтись без них было невозможно. И, разумеется, возвращаясь домой, шведские, французские или британские специалисты отнюдь не скрывали того, что видели. Достаточно вспомнить книгу шведского инженера Норберга, три с половиной года служившего на Урале, в которой подробно описывались опыты доменной плавки 1794 г. на Нижнетагильском заводе с применением цилиндрических воздуходувок. Кстати, тот же Норберг сообщает, что в 1796 г. по русским образцам была выстроена до-

менная печь в Силезии. Или другой пример: сочинения французского учёного Ф.Лепле. В 1830–1840-х гг. он несколько раз посещал Россию и, сотрудничая с А.Н.Демидовым, имел возможность очень подробно изучить заводское хозяйство. Невозможно доказать какой-либо «шпионский» умысел в деятельности Норберга или Лепле, однако, по свидетельству работавшего во французских архивах российского историка Д.Ю.Гузевича, материалы Лепле перед началом Крымской войны самым внимательным образом изучались в военном ведомстве Франции.

А вот ещё одно весьма интересное событие того же времени. В начале 1849 г. Горный и Военный департаменты пригласили для работы на Урале английского мастера или, как он сам себя называл, «художника» Тальбота, а также его помощника и переводчика Бруна. Согласно контракту Тальбот в течение пяти лет должен был ввести на горном Камско-Воткинском и оружейном Ижевском заводах новый вариант пудлинговой технологии получения железа и построить все необходимые печи и устройства для машинной заварки ружейных стволов. Затем предстояло обучить русских рабочих пользоваться всем этим оборудованием. Высокая квалификация Тальбота была хорошо известна: ранее он пять лет успешно работал на Сестрорецком заводе, где проявил себя очень хорошо и действительно применил машины для заварки стволов.

В Камско-Воткинский завод Тальбот и Брун прибыли только 9 декабря 1849 г. и, не слишком торопясь, приступили к проектированию новых фабрик. Дело весьма задерживалось из-за полного незнания Тальботом русского языка. Прожив в России в общей сложности 10 лет, он всю служебную переписку вёл только на английском.

Не построив ни одной машины и даже не начертив ни одной линии, Тальбот потребовал предоставить ему возможность осмотреть все уральские казённые (т.е. по существу, оборонные) доменные заводы, прежде всего Кушвинский,

Верхне-Туринский и Каменский. Обосновывалось это необходимостью изучения качеств чугуна и выбора наиболее подходящего для выработки оружейного железа. Между тем на Камско-Воткинском заводе имелись все образцы передельного чугуна, так что никакой надобности в длительных поездках не было. Однако Тальбот продолжал настаивать. В имеющихся в нашем распоряжении документах нет точных сведений, удалось ли Тальботу осуществить своё намерение, но достоверно известно, что посмотреть на перечисленных заводах было на что. На Верхне-Ту-

Портрет Е.А.Черепанова.
Неизвестный художник.

ринском заводе еще в 1830-х гг. при технологической помощи специалистов шведского Фингпонгского завода была введена выплавка отличного чугуна для крепостных и корабельных пушек большого калибра. На Каменском заводе в 1850–1851 гг. (т.е. уже во время пребывания Тальбота на Урале) успешно осваивалась технология отливки чугунных пушек с гладкой наружной поверхностью, что увеличивало их прочность и сокращало трудоёмкость обработки. Но одновременно даже самого беглого осмотра этих заводов было достаточно для того, чтобы определить низкую их производительность. И

действительно, крепости, оснащённые уральскими пушками (в том числе черноморские), страдали от значительной нехватки вооружения. В том же Севастополе перед Крымской войной вместо 887 по штату имелось 610 орудий, из них только 28 новейших бомбических.

Нет никаких документов, доказывающих причастность Тальбота или другого англичанина к военно-промышленному шпионажу, зато хорошо известно, что соединённые англо-французско-турецкие войска и флоты нанесли удар именно по слабо вооружённым черноморским крепостям, зато на Балтике британский флот ограничился демонстрационными действиями и к штурму укреплений Кронштадта даже не приступал. Ещё бы – ведь последние вооружались мощным Александровским пушечнолитейным заводом близлежащего Олонечского горного округа, где также работали в немалом числе английские специалисты.

А что же с машинной заваркой ружейных стволов? За несколько лет Тальбот к ней даже не приступил. Зато успел «раскритиковать» все имеющиеся цеха и оборудование и добиться их сноса. В итоге к началу Крымской войны Камско-Воткинский и Ижевский заводы оказались в «интересном» положении: старое разобрано, строительство нового ещё и не начиналось; после чего с Тальботом было решено расстаться. Вполне возможно, что всё вышесказанное – просто совпадения, но, согласитесь, очень интересные совпадения.

А вот в истории, раскопанной в архивах США американским профессором Дж. Биером и его учеником П. О’Даудом, никаких случайностей и совпадений нет. Где-то в середине 1820-х гг. сенсацией на британском и американском рынках металлов стало уральское листовое железо. Конечно, в благоустроенной Европе умели катать листовую металл, но вот добиться таких же антикоррозийных свойств и пластичности, какими обладали русские листы, никому не удавалось. В непродолжительном времени выяснилось, что уральский же-

лезный лист идеально подходит не только для печных труб и покрытия домов, но и для обшивки котлов локомотивов. Поэтому бурное железнодорожное строительство в Америке сопровождалось значительными закупками уральского листового железа. На эти цели в течение 1830–1890-х гг. ежегодно расходовалось в среднем 500 тысяч долларов – сумма по тем временам более чем солидная. И, разумеется, непрерывно предпринимались попытки ознакомиться с уральской технологией и перенести её в Америку. Уже в 1833 г. правление Института Франклина в Филадельфии объявило о вручении денежной премии любому жителю США, кто сможет производить «равное русскому» железо.

Однако вплоть до 1860-х гг. британские и американские специалисты не смогли не только «позаимствовать» уральскую технологию производства листового железа, но и даже получить её описание. Профессор Дж. Биер отмечает в своей статье: «... в течение долгого времени все британские и американские наблюдатели чувствовали, что не только их незнание русского языка или неэффективность царской бюрократии не давали им получить искомую информацию». Как мы покажем ниже, это чувство не обманывало иностранцев. Подробности технологии действительно были засекречены. Хотя, конечно, степень секретности не имела ничего общего с измышлениями американских журналистов, сочинявших истории о секретных укрепленных городах-заводах на Урале, где местных рабочих убивали за попытку выйти за пределы крепостных стен и рассказать о тайнах горнозаводчиков. Любопытствующие иностранцы, по мнению журналистов, в случае контакта с рабочими также уничтожались.

Первое описание уральского способа выделки листового железа появилось в Англии только в 1864 г., но оно оказалось явно недостаточным для воспроизведения технологии. В 1870-х гг. с откровенно шпионскими целями проникли на Урал ещё несколько американцев. И только последнему из них –

Ч.Гилпину – удалось собрать всю необходимую информацию. Гилпин, кстати, опасался не столько недоброжелательного отношения русских заводчиков, сколько американских и британских продавцов русского металла, заинтересованных в продолжении экспорта (не они ли и подсказали журналистам «страшные» истории об убийстве любопытных?). Так или иначе, Гилпин сумел получить пакет рекомендательных писем, позволивший ему посетить лучшие листопрокатные заводы Урала. И только здесь опытным взглядом специалиста Гилпин смог отметить тончайшие нюансы процессов и манипуляций рабочих, которые никогда не попадали в письменные отчёты. В итоге в первой половине 1880-х гг. оплатившая поездку Гилпина в Россию американская фирма «W. Dewees Wood» сначала воспроизвела, а затем даже усовершенствовала уральскую технологию, получив листовой металл отличного качества. Впрочем, этот триумф американского промышленного шпионажа продолжался недолго: в 1890-х гг. появились новые сорта дешёвой стали, с успехом заменяющей листовое железо, по крайней мере, в паровозостроении.

Впрочем, не будем особенно обижаться на иностранных промышленных шпионов – наши уральские доморожденные металлурги и механики, степенные, бородатые и солидные, вели себя не менее агрессивно как по отношению к иноземным промышленным секретам, так и по отношению к собственным соседям.

Шпионские истории по поводу всё того же листопрокатного дела начались задолго до выхода уральского листового железа на западные рынки. Хотя прокат листового железа был освоен на Урале ещё в XVIII в., наиболее совершенный «экспортный» вариант данной технологии был создан в самом начале 1800-х гг. на Верх-Исетских заводах местным приказчиком Г.Зотовым. Однако получить «привилегию» (т.е. патент) на усовершен-

ствования Зотова владельцам Верх-Исетских заводов не удалось из-за противодействия других уральских заводчиков, прежде всего Н.Н.Демидова. Не помогло даже вмешательство Екатеринбургского горного начальника И.Германа, лично засвидетельствовавшего новизну зотовской технологии.

Помешать-то помешали, но хотелось бы ещё и заполучить новый способ для своих заводов. Яковлевы же добровольно делиться секретами отнюдь не собирались. Когда в 1803 г. приказчики Пожевского завода В.А.Всеволожского командировали на Верх-Исетский завод несколько своих мастеров-прокатчиков для изучения и снятия чертежей с листопрокатного стана, то в прокатный цех их не пустили. «Заводчика Яковлева приказчик Зотов мастеров наших от просмотра машин для листового железа отвёл под предлогом страдного времени». В ответ были посланы другие рабочие Пожевского завода, но уже под видом вольнонаёмных. Им удалось поступить на работу на Верх-Исетский завод и добраться до секретного прокатного стана. А приказчика Зотова, чтобы не мешал, в дальнейшем просто подкупили.

Другая «шпионская» история случилась на Нейво-Рудянском заводе того же Верх-Исетского округа в 1817 г. В доме заводского крепостного рабочего Павла Лукина был арестован его сын Мартемьян Лукин. Человек это был весьма лихой: в 1812 г. он попался на краже меди и в качестве наказания был отдан в рекруты на казённые Гороблагодатские заводы, однако и там не задержался: бежал, прошёл весь Урал и осел в казённом же Златоустовском горном округе. При этом Мартемьян Лукин умудрился избежать наказания за побег: Златоустовские заводы только что перешли в руки государства и остро нуждались в квалифицированных мастерах. Побег задним числом оформили как перевод из одного округа в другой. На новом месте Лукин быстро достиг престижного поста уставщика прокатного производства.

В отчий дом Лукин прибыл якобы для того, чтобы забрать свою семью. Но это было лишь одной из причин: в бумагах, которые были найдены при нём во время ареста, было и наставление Златоустовской заводской конторы. В нём прямо предписывалось: «...по приезде в означенные заводы сделать заводскому действию замечание, какое ты для здешних [заводов] найдёшь полезным, в особенности плющильного стана, дощатой плющильной печи [предназначенной для нагревания листов перед прокатом] и прочего...».

За дело Мартемьян Лукин принялся с усердием; в рапорте заводского исправника об этом сообщается так: «...будучи в Нейвинско-Рудянском [заводе] в доме отца его, зазвав чрез одного мастерового Верх-Нейвинского завода Дмитрия Попова, работающего по производству лужения жести, и, помогая узнать секрет одного, поил вином, соглашал того Попова с собою к побегу, не именовал куда, назначил только что за 800 вёрст». Неудачного шпиона отпустили в Златоуст – начальство Златоустовских заводов отказалось его наказывать с формулировкой примерно такой: за усердие не карают. Тем дело и завершилось.

Необходимо добавить, что, как правило, промышленным шпионажем занимались отнюдь не отпе-

тые злодеи, а обычные, солидные и почтенные люди. К примеру, такие, как знаменитые механики Черепановы – создатели первого в России паровоза.

В начале 1814 г. директор Нижнетагильских заводов М.Д.Данилов жаловался в письме Н.Н.Демидову: «Конечно, и в Сибири есть такое заведение [по выделке проволоки] на заводах Алексея Ивановича г-на Яковлева, но там оно под секретом, и никак не согласится показать его кому бы то ни было». Однако проходит всего несколько месяцев, и заводчик получает уже радостный рапорт: «Алексей Черепанов [мало известный широкой публике и рано умерший брат Е.А.Черепанова] сказывал, что по письму г. Маресева московский купец Стариков рекомендательных писем к управляющим заводами г. Баташова не дал, однако ж он был на заводах... Заметил... проволочную фабрику, которую он говорит, что в состоянии построить...».

Выполнить своё обещание построить проволочную фабрику по образцу баташовской А.Черепанов не успел, хотя к 1816 г. всё необходимое оборудование было изготовлено и установлено на Висимо-Уткинском заводе. После смерти А.Черепанова его дело завершил приказчик П.Фёдоров.

Интереснейшая история произошла с братом Алексея – Ефи-

мом Черепановым. В 1821 г. он был послан в Англию с целью выяснить причины падения спроса на тагильское железо, а также для ознакомления с лучшими британскими заводами. Отправляясь в путь, тагильский механик имел при себе весьма примечательное рекомендательное письмо на имя демидовского комиссионера и финансового агента в Англии Эдуарда Спенса. Познакомимся с этим документом более внимательно:

«Его благородию Эдуарду Спенсу, Гулль.

СПБ., 12 июня 1821 г.

Податель сего, мастеровой железодельных заводов е. пр-ва [Его Превосходительства], рекомендует вашему любезному вниманию. Мы [Петербургская контора Демидова] не сомневаемся, что е. пр-во недавно писал вам и дал подробные инструкции касательно его поездки в вашу страну.

Однако в случае, если вы не получили каких-либо инструкций, считаем необходимым уведомить вас о нижеследующем: Его пр-во желает, чтобы Черепанов осматривал в особенности железодельные заводы и рудники вашей страны, а потому будьте любезны оказать ему всяческое содействие в осмотре этих предприятий. Его пр-во уверен, что в силу наших взаимных связей, вы не скроете от Черепанова необходимых предприятий...».

Англия встретила Е.А.Черепанова крайне неприветливо, что, пожалуй, было и справедливо. В местных газетах его объявили шпионом, не особенно даже подыскивая доказательства. Единственной уликой была длинная чёрная борода и вообще подозрительная внешность. Спенс не замедлил сообщить в петербургскую контору: «Его приняли за шпиона, и я боюсь, что его подозрительная внешность и эта публикация, которую прочтут во многих промышленных районах, может помешать ему получить доступ на многие достопримечательные и важные заводы». Так и случилось. Когда Черепанов 3 августа приехал в Манчестер, к нему отнеслись неприязненно и несколько дней не пускали на фабрики.

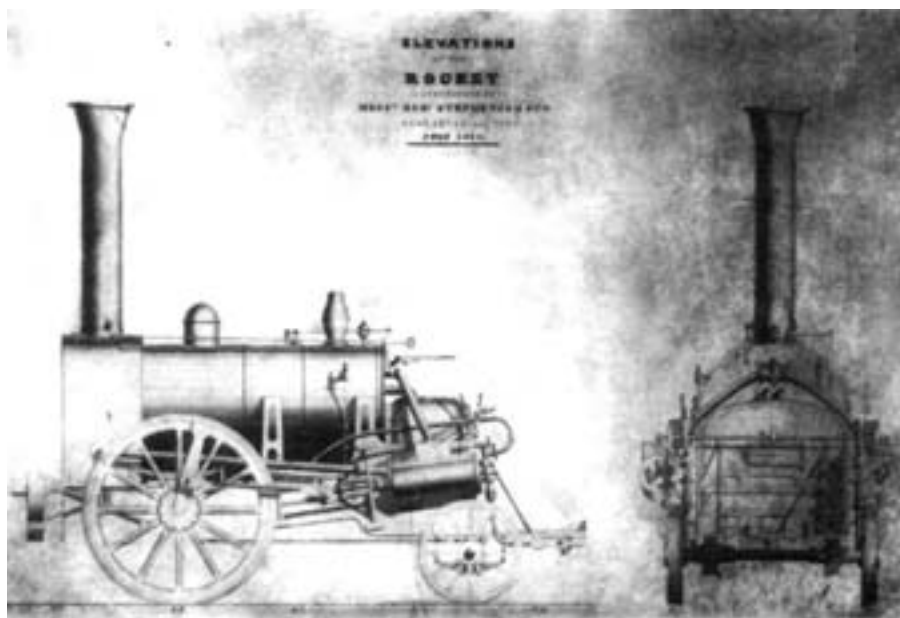

Чертёж паровоза «Ракета». Англия, 1829 г.

Н.Н.Демидов был вне себя от ярости, обозвал газетчиков «уродами» и даже заподозрил, что газетную публикацию организовал сам Спенс. В предписании петербургской конторе заводчик заявил: Спенс «...интригует для того, чтобы более выставить своё усердие, что... он усердием своим для меня поставил Черепанову случай видеть тамошние машины». Прав был Демидов или нет, неизвестно; ясно одно – Черепанов действительно был промышленным шпионом, хотя, возможно, и сам об этом не подозревал.

Так или иначе, Спенс снабдил Черепанова и сопровождавшего его в качестве переводчика П.Колтунова множеством рекомендательных писем и отправил в поездку по заводам. В течение двух месяцев они побывали на предприятиях Гулля, Лидса, Брэдфорда, Галифакса, Шеффилда, Бирмингема и Лондона. Несмотря на все препятствия, Черепанов увидел и внимательнейшим образом изучил очень многое.

И в завершение этого сюжета одна важная и многое объясняющая деталь. Уже в Нижнем Тагиле Черепанов с огромным удивлением узнал, что его поездка обошлась Демидову в гигантскую по тем временам сумму – 9 тысяч полновесных серебряных рублей. В одном из донесений заводладельцу Черепанов писал: «Я... до крайности удивился и теперь не понимаю, на какие расходы такая сумма употреблена, и через кого именно, поелику я никаких расходов сам собою не производил, содержание же моё было обыкновенное. Равно и вояж в Англию и обратно составляет кошт незначительный. Но куда употреблена такая сумма, мне неизвестно. И даже того не знаю, кто дал за меня отчет в пр-ву. Если я не ошибаюсь, то сомневаюсь в оном».

Н.Н.Демидов пометил между строк донесения: «Отчёт дал банкир», т.е. Э.Спенс. Можно только предполагать, как были израсходованы деньги, не исключено, что Спенс их просто присвоил. Но столь же вероятно, что они были истрачены на взятки должностным ли-

цам, которые, невзирая на газетные предупреждения, допускали Черепанова на заводы и фабрики. И в этом случае становится понятной другая помета Демидова: «Я в них [т.е. расходах] не сомневаюсь».

Услугами Спенса пользовался позднее и сын Е.А.Черепанова М.Е.Черепанов. В 1833 г. он был направлен в Англию для того, чтобы изучить там «...выделку полосного железа посредством катальных валов... томление и плавку стали на тамошний манер, различной конструкции паровые машины, токарные и другие станы, обжиг и плавку железных руд». Именно в ходе

Портрет М.Е.Черепанова.
Неизвестный художник.

данной поездки М.Е.Черепанов имел возможность наблюдать в действии английские паровозы, что в немалой степени помогло ему построить собственный, первый в России паровоз.

Отлично подготовленные демидовские механики, где бы ни были, мгновенно схватывали всё новое и полезное для своих предприятий. Почти каждая поездка по русским или зарубежным заводам приводила к появлению в Нижнетагильском округе новых техники и технологий. Так что бороды Алексея, Ефима, Мирона Черепановых были действительно опасны для конкурентов.

Остаётся лишь добавить, что практика «заимствования» чужих технологий сочеталась на уральских заводах с непрерывными усилиями засекретить собственные достижения. Весьма показательное распоряжение Главного Управления Нижнетагильских заводов от 27 сентября 1839 г.: «Управление... признало по некоторым причинам нужным предписать всем частным конторам и должностным лицам, в ведении коих находятся заводские или другие устройства и машины, чтобы они впредь отнюдь без разрешения его никому из посещающих Нижнетагильские заводы постороннего ведомства лиц не дозволяли им осматривать, а тем паче оказывать какое-либо содействие к снятию с того и другого планов или чертежей, или выдавать таковые готовые... В противном случае... с виновных взыщется примерным образом».

Вот так, какое время – такие и песни. Впрочем, время это опять вернулось в Россию: как и в XIX в., наши заводы нуждаются в новейших иностранных технологиях и имеют, что таить от конкурентов.

Источники и литература:

¹ Биер Дж. Производство листового железа (русский стиль) в Америке XIX века // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700–1950 гг. Материалы международной конференции. Нижний Тагил, 15–18 августа 1996 г. Екатеринбург, 1996. Т. 1. С. 90–94.

² Виргинский В.С. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых. М., 1956.

³ Казанцев П.М. На старом уральском заводе. Пермь, 1966.

⁴ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М.; Л., 1949.

⁵ Устьянцев С.В. Очерки истории русской промышленной разведки. XIX век. Екатеринбург, 1994.

⁶ Устьянцев С.В. Уральская сталь в обороне страны // Опыт прошлого в настоящем: Доклады Международного конгресса «300 лет уральской металлургии». Нижний Тагил, 4 октября 2001 г. Нижний Тагил, 2001. С. 132–165.

⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1267, 8.

⁸ Государственный архив Свердловской области. Ф. 24, 43, 72, 622, 643.

ПЕРВЫЙ ПАРОВОЗ, КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Евгений СТАВЦЕВ,
заведующий Историко-
техническим музеем
«Дом Черепановых»
(филиал Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал»)
г. Нижний Тагил

«Из деревянного сарая выехал «пароходный дилижанец». Густой дым валил из трубы приземистого короткого паровоза, блестящего на солнце ярко начищенными медными частями. На узкой площадке за паровозной топкой стоял сосредоточенный, проникнутый сознанием важности происходящего события Мирон. Правая рука его крепко сжимала рычаг механизма управления. К паровозу был прицеплен небольшой фургон (тендер) с запасом дров и воды, а также открытая повозка, в которой могли разместиться желающие прокатиться по черепановской «чугунке»... Этот день был днём рождения парового сухопутного транспорта».

Так описывает рейс первого русского паровоза историк, профессор В.С.Виргинский. По его утверждению, это случилось в начале сентября 1834 г.

Как же так случилось, что паровоз – символ технического прогресса в XIX в., был создан вдали от столиц и научных центров, в самой, что ни на есть, российской глубинке, на далёком уральском заводе? И кто, наконец, построил первый паровоз в России? Механики Черепановы – крепостные рабочие заводчиков Демидовых?

А теперь разберём всё по порядку.

Нижнетагильский завод, будучи центром богатейшего по своим природным запасам железной и медной руды Горнозаводского округа Демидовых, в XVIII–XIX вв. являлся одним из самых лучших горных заводов Российской империи, и одним из самых больших заводов Европы с передовой технологией производства железа. Тагильское железо с маркой «Старый соболя» охотно покупали развитые страны Европы.

Но, пожалуй, главным богатством Нижнетагильских заводов были его уникальные мастера, зачастую совмещавшие в одном лице рабочего и мыслителя, художника и инженера, учёного и строителя, подобно Леонардо да Винчи представляя собой «универсального механика». Загадка этого «тагильского феномена» кроется не только в природной даровитости самих мастеров. Любой талант, даже самый яркий, нужно постоянно развивать и совершенствовать, чтобы он не угас. Пусть не все мастера умели читать (а были и такие), но все проходили великолепную практическую школу сначала на родных предприятиях, а затем на лучших заводах России и Европы. Направляя наиболее талантливых крепостных мастеров (!) на месяцы и годы за границу, затрачивая на это немалые средства, заводладельцы Де-

Дом Черепановых в Нижнем Тагиле.

Макет первого паровоза в натуральную величину, установленный в усадьбе музея «Дом Черепановых».

Макет второго паровоза Черепановых 1835 г. в экспозиции музея «Дом Черепановых».

мидовы в течение XVIII–XIX вв. смогли подготовить великолепные кадры металлургов, техников и специалистов по горному делу, ничем не уступающие западноевропейским. Именно к такой плеяде тагильских мастеров относятся механики Черепановы, самые известные тагильчане в России и за её пределами. Их творчество стало предметом гордости жителей Нижнего Тагила, их имена составляют национальную славу России.

Ефима Алексеевича и Мирона Ефимовича по праву можно назвать пионерами отечественного машиностроения и инженерами-новаторами горнозаводского производства. Созданный ими в 1834 г. первый паровоз в России, является одной из ярчайших страниц их богатой творческой деятельности, которая выходила далеко за рамки паровозостроения.

Мало кому известно, что Ефим Черепанов, будущий творец паровой энергетики Горнозаводского Урала, начинал свою деятельность как «меховых» и «плотинных» дел

мастер. Став лучшим специалистом по многим вопросам металлургического производства, и постигнув недостатки старых заводских механизмов, работающих на энергии падающей воды, Ефим Алексеевич стал рассматривать паровой двигатель как универсальный, то есть более удобный в применении и способный к увеличению производительности и облегчению труда рабочих. Такая позиция старшего Черепанова означала несомненный отход от мануфактурного производства и приближение его к фабричному, с широким применением машин. Иными словами, так в XIX в. начинался промышленный переворот. Образно выражаясь, если в Европе промышленный переворот начинался с Англии, с её паровыми машинами Джеймса Уатта, то в России он начался с Урала, с его «черепановскими паровиками».

Интересно, что свой первый паровой двигатель на Урале (в 1820 г.), Ефим Черепанов собрал в стенах «Выйского механического заведе-

ния», которое он организовал в 1810-е гг. для изготовления и ремонта заводского оборудования. По своей технической оснащённости «механическое заведение» не уступало лучшим машиностроительным фабрикам России и Европы. Здесь производилось оборудование на станках, сконструированных Ефимом (и впоследствии совместно с сыном Мироном) Черепановым, не только для Нижнетагильского горного округа, но и всего Урала и Сибири. За всю свою творческую деятельность Черепановыми было создано двадцать пять паровых машин разной мощности – от 5 до 60 лошадиных сил. Эти универсальные машины поднимали руду и выкачивали воду из шахт, нагнетали воздух в доменные печи, промывали золото и платину на тагильских приисках, приводили в движение гвоздарные, строгальные и винторезные станки. Черепановы всю жизнь старались «неослабно заводитъ машины для пользы заводов и облегчения сил трудящихся».

Джордж Стефенсон.

Но, пожалуй, самой известной паровой машиной механиков Черепановых стала «пароходка» («сухопутный пароход» или «пароходный дилижанец»), который мы знаем как первый русский паровоз.

Идея создания паровоза принадлежит сыну Ефима Алексеевича, Мирону Черепанову. Он, как и его отец, только несколькими годами позже, изучал особенности металлургического производства в Англии. Здесь младший Черепанов и увидел «чудо технического прогресса» под всеми парами перево-

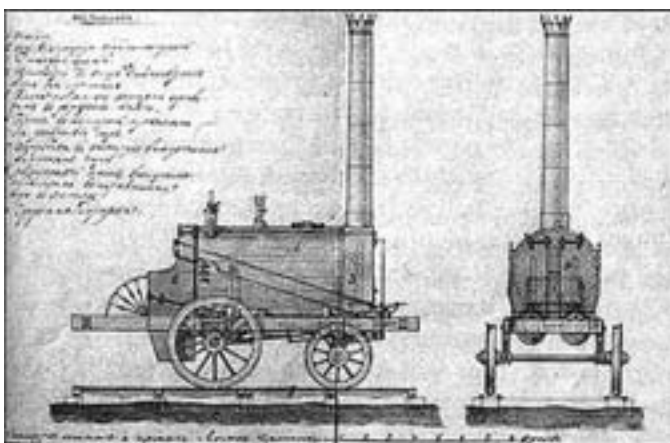
зящего заводские грузы и пассажиров по железной дороге между Манчестером и Ливерпулем. К этому времени английскими инженерами Джорджем и Робертом Стефенсонами (также отцом и сыном и, как и Черепановы, выходцами из рабочей среды), уже были созданы самые лучшие их паровозы – «Ракета» (1829 г.) – для товарных перевозок, и «Планета» (1833 г.) – для пассажирских.

Англичане в строгости охраняли секреты производства своих технических достижений от иностранцев, поэтому держали на расстоянии «подозрительные бороды» из России. Мирону Черепанову, хорошо знавшему устройство паровой машины и уже приступившему к созданию «пароходки», не нужны были эти секреты. Его внимание было сосредоточено на внешнем облике английских локомотивов.

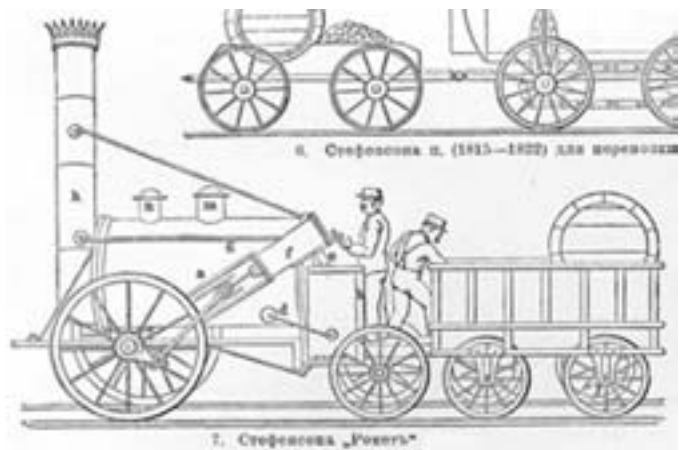
Вернувшись в Нижний Тагил, Мирон Ефимович со своим отцом начинает работу по постройке первого русского «сухопутного парохода». Работа продолжалась с конца 1833 по февраль 1834 г. По завершению работы, на испытаниях паровоза была допущена неточность при увеличении давления пара, в результате чего паровой котёл взорвался. Черепановы чудом остались живы и с ещё боль-

шим упорством возобновили работу.

Постройка паровоза закончилась к концу августа 1834 г. На этот раз испытания прошли успешно. «Сухопутный пароход, ими [Черепановыми – Е.С.] устроенный ходит в обе стороны по нарочно приготовленным на длине 400 сажень (854 м) колёспроводам (рельсам) и возит более 200 пудов тяжести со скоростью от 12 до 15 вёрст в час», сообщалось в № 5 «Горного журнала» за 1835 г. Этот паровоз по праву первенства можно назвать экспериментальным образцом, который предназначался для отправки и показа его в Петербурге влиятельным особам и лишнего повода польстить заводладельцу П.Н.Демидову. Поэтому внешняя отделка и оформление паровоза отличались изяществом и даже какой-то технической грацией, что подтверждается старинным чертежом, исполненным «с натуры» Аммосом Черепановым, родным племянником Ефима Алексеевича. Разные по диаметру задние и передние колёса; ажурная решётка ограждения тормозной площадки; медная корона, украшающая высокую паровозную трубу – напоминают обобщённый облик степенсоновских паровозов. Но это только внешнее сходство, которое Мирон позаимствовал у англичан. Начинка «черепановской пароходки» была исключительно русской сборки и конструкции! Ефим и Мирон самостоятельно решили целый ряд сложных конструктивных и технических проблем (много-

Чертеж первого паровоза 1834 г., выполненный Аммосом Черепановым (племянником Е.Черепанова).

Чертеж паровоза Д.Стефенсона «Ракета» 1829 г.

трубный котёл парораспределения, реверсивность хода, более удобная и экономичная широкая колея (1645 мм)). Вес паровоза составлял 150 пудов (2,4 т), что также было выигрышным в сравнении с тяжёлыми английскими паровозами, передвигавшимся по более узкой колее. В то время это было большим техническим достижением для России. Значимость его состоит в том, что Россия стала первой страной в мире, самостоятельно построившей свой собственный паровоз, без непосредственного участия английских специалистов, без подробностей технической документации инженеров «туманного Альбиона». Британцы свято оберегали свой приоритет в изобретении паровоза, на который ни Черепановы, ни мы не претендовали и не претендуем, поэтому даже такие развитые в промышленном отношении европейские страны, как Бельгия, Франция, Швеция вынуждены были закупать в Англии не только паровозы, но и уголь, и даже машинистов.

Черепановы, гением своего таланта отстранили от России такую необходимость и техническую зависимость от Англии, позволив своему Отечеству самостоятельно развивать своё паровозостроение и железнодорожный транспорт. Но, увы, «нет пророка в нашем Отечестве, ни сейчас, ни раньше».

По непонятным причинам паровоз Черепановых так и не был отправлен в Петербург, и П.Н.Демидову не удалось представить высшему обществу «дикивинку Горного гнезда». Лицедреть первый паровоз заводоладелец смог только спустя три года, в 1837 г., когда сопровождал в поездке по Уралу великого князя Александра Николаевича (будущего царя Александра II). К приезду высоких гостей подготовили «чугунку» на Выйском поле, где паровоз, управляемый Мирном Черепановым должен был стоять под парами. Наследник престола лишь спросил имя изобретателя и больше интереса к паровозу не проявил. Что же здесь удивительного? В Петербурге уже вовсю шла подготовка к открытию первой линии Царскосельской железной до-

роги. Работы по её сооружению проводились под руководством профессора Ф.А.Герстнера из Австрии, а паровозы привозились из Англии. Это известие стало тяжёлым ударом для обоих Черепановых, их «сухопутный пароход» никого не интересовал ни в столице, ни на Урале.

Заводские чиновники, потомственные «господа правящие», тихо, а где-то открыто ненавидели Черепановых, «выскочек из народа», дошедших до высших постов заводского руководства и постоянно испрашающих средства для своих «куръёзных поделок». Нужно отметить, механизацию заводского транспорта, за которую ратовали Черепановы после успешного испытания первого паровоза, заводские приказчики считали ненужным и невыгодным делом при наличии дешёвых гужевых перевозок крепостными крестьянами. Самое большее, на что могли согласиться эти «господа» – на проведение рельсовых дорог с конной тягой. Одной из важных причин неприязни заводских приказчиков к «пароходке» была боязнь того, что в дальнейшем придётся менять чугунные рельсы на железные. А железо стоило в три с лишним раза дороже чугуна, не говоря уже о расходах на прокат рельсов.

В силу этих обстоятельств, проект Черепановых о соединении Выйского медеплавильного завода с Медным рудником рельсовой дорогой с паровой тягой, предназначенной для перевозки медной руды, так и остался не реализованным, а паровозы Черепановых (как первый, так и второй 1835 г.) не востребованы и признаны ущербными для заводской канцелярии. Возможно, по причине таких «господских» проволочек и не был отправлен в столицу первый паровоз.

Несмотря на всю драматичность истории изобретения первого паровоза, деятельность механи-

Роберт Стефенсон.

ков Черепановых на этом не закончилась. В жизни этих выдающихся людей было много препятствий и неосуществлённых замыслов. Но, несмотря на это, они с удивительным упорством, целеустремлённостью и верой в свою правоту и свои идеалы продолжали творить во благо современников и потомков, пусть даже не всегда благодарных. А первый паровоз, как первая любовь остался без взаимности, с грузом несбывшихся надежд в своём тендере.

Вспомнил ли спустя сорок лет после поездки в Нижний Тагил император Александр II имя того бородатого машиниста на Выйском поле, когда в 1874 г. подписывал указ о постройке Уральской Горнозаводской железной дороги? Не это важно. Важно, что мы его помним!

«Я ЛЮБЛЮ ЕГО, НО НЕ ТОЙ ЛЮБОВЬЮ, КОТОРУЮ ОПИСЫВАЮТ В РОМАНАХ»: ЧТЕНИЕ И ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ТАГИЛЬЧАНКИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА¹

Ольга МОРЕВА,

кандидат исторических наук,
главный библиограф отдела
редких книг Свердловской
областной универсальной
научной библиотеки
им. В.Г.Белинского.
г. Екатеринбург.

Дневник Веры Печатальщиковой, 16-летней тагильчанки из семьи нижнетагильского мастерового, – уникальная находка. Он представляет собой небольшую записную книжку (10,5 на 17 см) с листами в линейку в коричневом картонном переплётe с коленкорovým корешком. Первые 10 листов написаны чернилами – школьными домашними заданиями по литературе («Мёртвые души» Н.В.Гоголя, рассказы И.С.Тургенева), датированными ноябрём 1896 г. Далее следуют сделанные карандашом собственно дневниковые записи, начинающиеся 1 июня 1897 г. и заканчивающиеся 3 сентября того же года². Страницы дневника с 1-ой по 159-ю от руки пронумерованы, последние – около 50 – без нумерации. В конце книжки – таблица «Сравнение времени в городах: С.-Петербурге, Юшале, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Перми и Тюмени», расписание поезда Тюмень–Екатеринбург, а также

памятная записка «Что взять» (два перечня – книг и носильных вещей). Сохранность дневника плохая. Почти совсем истлел корешок, истлевают и рассыпаются страницы, утерян один развёрнутый лист из середины, отдельные листы оторваны, написаны поздними надписями детским почерком и просто каракулями, в некоторых местах карандашные записи стёрты и почти не читаются.

Дневник был обнаружен в 1928 г. в Нижнем Тагиле на чердаке дома по улице Верхней Ерзовке одиннадцатилетней Татьяной, дочерью академика Заварицкого. Все эти годы записная книжка хранилась в семье Заварицких. В 2007 г. дневник был издан в 5 экземплярах³. При подготовке к публикации он был прочтён (за исключением нескольких строк) и приведён в соответствие с современным правописанием.

Об авторе дневника – Вере Михайловне Печатальщиковой (1880–1903) – известно, что её семья принадлежала к роду тагильских мастеровых. Основположник рода крепостной крестьянин Сидор Егоров был переведён на Урал не позднее 1763 г.⁴ По воспоминаниям родственников, Вера с золотой медалью окончила Нижнетагильское Анатольевское женское училище, сочиняла стихи и очень удачно играла в любительских спектаклях, мечтала о продолжении образования. Но судьба распорядилась иначе. Её избранник был осуждён за революционную деятельность и сослан. Вера хотела уехать к нему, но послушалась мать, осталась и вышла замуж за Николая Соловьёва – сына потомственного почётного гражданина. Он обещал Вере, что они уедут из Тагила, и она сможет учиться «на высших курсах», но обещаниям этим не суждено было осуществиться. Рождение дочери Милицы, профессиональная деятельность мужа задержали семью на Урале. Вскоре Вера заболела и умерла от скоротечной чахотки, спустя некоторое время скончался и её муж. Милица после смерти родителей воспитывалась в семье брата Веры – Семёна Михайловича Печатальщикова⁵ (Приложение 1).

Ученицы Павло-Анатольевского училища 1897 г. Вера Печатальщикова – вторая справа в среднем ряду. Фото из фондов Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

В своём Дневнике Вера писала о личной жизни, взаимоотношениях с друзьями и учителями, когда была ученицей предпоследнего класса во второразрядном трёхклассном с шестилетним курсом обучения Анатольевском женском училище⁶. Вера была страстной читательницей. Её мать вспоминала, что «если Вера воткнётся в книжку, она уже ничего не слышит и не понимает. Её зовёшь, зовёшь обедать, а она только мычит и с места не стронется»⁷. Дневник Веры не только восстанавливает её круг чтения, демонстрирует его интенсивность, но и характеризует её высокую читательскую культуру. В дневниковых записях встречаются полные библиографические описания прочитанных книг⁸, что позволяет сделать вывод о навыках работы у Веры с каталогами библиотек и книготорговых предприятий. Выписывая книги по почте, она смогла собрать достаточно большую библиотеку. Так, в летнее путешествие, Вера взяла с собой часть книг, которые заняла целый чемодан (Приложение 2).

Летом своего 16-летия Вера была влюблена. «Я люблю его, – пишет она, – но не той любовью, которую описывают в романах, а совсем по-другому»⁹. Сравнить свои чувства с чувствами книжных героинь для девушек не было чем-то исключительным¹⁰. Судя по дневниковым записям, Вера с 7 июня по 21 августа прочитала 8 книг (Приложение 3). Она читала больше для образовательных целей, развлекательных книг в её круге чтения не было. По словам девушки, в чтении она искала сначала «новое», а затем «занимательное». Для лучшего понимания прочитанного Вера обращалась к литературной критике. Это характеризу-

ет её как читателя серьёзного. В её планах было самостоятельно заняться «хронологией истории и словесностью», так как в этих предметах у неё «не малые пробелы», и она «должна всё пополнить»¹¹. Стоит отметить, что идеи самообразования были популярны не только среди юношей, но и среди девушек, которые часто обращались в Московскую комиссию по организации домашнего чтения¹².

Интенсивное чтение Веры было связано с поиском себя. Определение своих чувств к влюблённому в неё В.Т. она нашла в диалоге Ольги и Обломова. Книга И.А.Гончарова произвела большое впечатление на Веру. Она удивлялась поразительному сходству событий, происходящих с ней и с героями романа. Критики отмечали, что «Гончаров проследил <...> историю женского вопроса в нашей общественности, от еле заметных признаков пробуждения сознания личности в себе и самостоятельного права на жизнь до первых попыток решить этот вопрос компромиссом между «старой» и «новой» правдой»¹³. Вероятно, поэтому романы Гончарова были так популярны у молодёжи¹⁴.

Вера часто перечитывала страницы дневника, анализируя свои записи спустя некоторое время. Её дневник – это дневник самонаблюдения для самосовершенствования. «Мне хочется, я стремлюсь всей душой сделаться человеком хорошим, полезным, – пишет она, – чтоб не принести несчастья другим, чтоб не заставлять из-за меня страдать других. Я желаю, как можно меньше походить на тех пустынных, ветреных и глупых барышень, которыми даже и наш Тагил может похвастаться... Что они? Какие-то мельницы,

Приложение 2 Список книг из личной библиотеки Веры Печаталицкой, взятых ею в путешествие летом 1897 г.*

- 1) «Русские писатели»
- 2) Путешествия XVIII века
- 3) 4) 5) 6) Сочинения Шиллера
- 7) «Долой оружие»
- 8) Сочинения Крылова
- 9) 10) История
- 11) 12) 13) 14) 15) 16) 17) Сочинения Достоевского
- 18) Обломов
- 19) Сочинения Соловьёва

* Запись на последней странице дневника: «Что взять [в дорогу]. 1-ый чемодан» (Личный архив А.Н.Пятницкого).

восхищающиеся походкой и усиками здешних кавалеров – и только... К чему они стремятся, что они думают, как будут жить? Выйти замуж – вот мечта большинства из них – да повыгоднее. А как они будут коротать жизнь – долгую, долгую для подобных личностей, чем они займутся полезным – до этого им нет дела». Думы автора дневника о будущем полны жаждой деятельности. Девушка пишет: «А как хочется жить! Какая жажда жизни, истинной жизни живёт во мне постоянно, несмотря на мои молодые годы! Я, положительно, места не могу найти, где бы не мучили меня вопросы и сомнения, на которые я не в силах ответить сама, и другие мне в этом не помогут: я не в состоянии выразить словами свои мысли, мне не облечь их в форму понятных предложений!». В конце лета Вера с нетерпением ждёт начала занятий, ей кажется, что она стала серьёзней: «Всё это я передумала, перебрала со всех сторон на лето – времени было куда как довольно, чтоб укрепиться в записанном сюда. Только бы помог Бог, а силы, точно, хватит – много её, много! Но учиться, учиться, прежде всего, а потом прибавить к этому “учиться и учить”». С одной стороны, она мечтала о продолжении образования, сетовала, что в училище ей осталось пробыть только год. С другой стороны, ей хотелось, чтобы младший брат тоже учился («не дураком же ему оставаться, не чернорабочим же быть!»), поэтому ей казалось правильнее «быть уже помощью маме, а не с неё на себя требовать! А ведь можно и трудясь учиться; даже лучше: на свои трудовые деньги дороже будет приобретённое всякое знание...»¹⁵.

Круг чтения девушек XIX в. формировала, в первую очередь, школьная программа, в которую в результате

Приложение 1 Краткая биографическая справка о С.М.Печаталицкове*

Семён Михайлович Печаталицков (1886–1938) в 1904 г. окончил Нижнетагильское горнозаводское училище. В 1904–1906 гг. работал помощником смотрителя Высокогорского рудника. В 1905 г. за участие в революционном движении был арестован и выслан из Пермской области. С 1907 по 1910 гг. учился в Высшем инженерном училище в Маннгейме (Германия). После получения диплома инженера-механика вернулся на родину. С 1911 по 1924 гг. работал в должности главного механика Златоустовских казённых заводов, с 1917 г. был главным механиком Златоустовского горного округа. Семён Михайлович внёс существенный вклад в развитие промышленности Урала и заводов Златоуста. С 1924 г. работал в Екатеринбурге, занимал ряд ответственных должностей в трестах Уралцветмет, Уралплатина, Уралмедь, был доцентом Энергетического института. В 1934 г. арестован и осуждён по статье 58–7–11 за контрреволюционную деятельность в экономической сфере. В качестве заключённого принимал участие в строительстве канала Москва–Волга. С 1937 г. находился в «Севостлаге» Магаданской области. В 1938 г. расстрелян по решению тройки УНКВД. Полностью реабилитирован в 1961 г. В настоящее время ему посвящён раздел в экспозиции Златоустовского городского краеведческого музея.

* Составлена А.Н.Пятницким по семейным воспоминаниям, архивным документам и публикациям (ГАСО. Ф. 1439. Оп. 2. Д. 3. Л. 249; Окунцов Ю. Инженер Печаталицков. След в истории // Златоустовский рабочий. 21 сент. 2000. С. 2).

Приложение 3
Читательские впечатления В.Печатальщиковой в июне–августе 1897 г.*

Даты	Автор, название книги	Взписи в Дневнике
7 июня	не указаны	книгу дочитала, запялась печем
12 июня	«Поэт горькой правды» [статья из журнала]	Вчера кончила статью. Узнала из неё много нового. Разбирается Пикетин, его стихотворения и причины, почему он стал именно таким «поэтом горькой правды». Ничего подобного о нём мне не приходилось читать, да тут же ещё затронуты Некрасов, Тургенев, Пушкин и Лермонтов. Нашиско почти всё новое для меня и чрезвычайно занимательно.
26 июня	не указаны	читала
29 июня	И.Л. Гончаров «Обломов»	дочитываю... читаю часа 2-3
2 июля	И.Л. Гончаров «Обломов»	Да, много, много эта книга помогла мне, принесла мне нового, неизвестного раньше. Наконец-то, наконец, я определила и уверилась в своих чувствах к В.Т. ... и, кажется, безошибочно. Выписываю несколько метких, верных и подходящих для меня мыслей, сказанных Ольгой Обломову.
3 июля	В.Соловьёв «Наваждение»	—
5 июля	Ф.Достоевского «Бесы»	сегодня примусь за Достоевского
11 июля	Ф.Достоевского «Бесы»	Факты замечательные, и язык тоже. Руководящая мысль – достойна одобрения полного. Так-то всегда бывает подобный копел со всеми несвернувшими; это видно и в других книгах напр. «Свет и тьма». «Ничего нет тайного, что не сделалось бы явным» – вот что забыли все эти «бесы и бесения» Достоевского и за это поплатились все жестоко... В общем, эта книга не произвела на меня особенно потрясающего впечатления: или я ещё не доросла, чтоб понимать всю глубину её истины, или уже привыкла ничему не удивляться особенно, – не знаю... Когда читала какое-нибудь новое вступление к новой «истории», то как будто заранее предвидела, к чему клонится речь и... всегда почти верно; так, смерть Вик. Всеволодовича Ставрогина я угадывала с первых строк его пьезма и правда выпала...
11 июля	Б.Зутнер «Долой оружие!»	Писан против войны -- этого ужасного бича всего человечества, который, однако ж, они сами для себя выдумали и не прекратят, верно, никогда: слишком нужно быть образованным и гуманным каждому государству, чтоб понять весь ужас, чтоб понять вред войн. Выписываю подходящую к этому эпитию...
21 августа	Ф.Достоевского «Идиот» (II часть)	«Ne mentez jamais». «Napoleon, votre ami sincere» [«Никогда не лгите. Наполеон, ваш искренний друг» (франц.)]

* Печатальщикова В. Дневник ученицы. Лето 1897 года / автор-сост. А.Заварицкий; подг. к пуб. Т.С. Павлухиной. СПб., 2007. С. 32–32.

реформ образования вошли как русские писатели, ставшие классиками, так и современные авторы. По новым для того времени методическим указаниям, учащиеся «не должны были заниматься критикой в духе литературной критики гоголевского периода, увлекавшей молодёжь своей «пылкос-

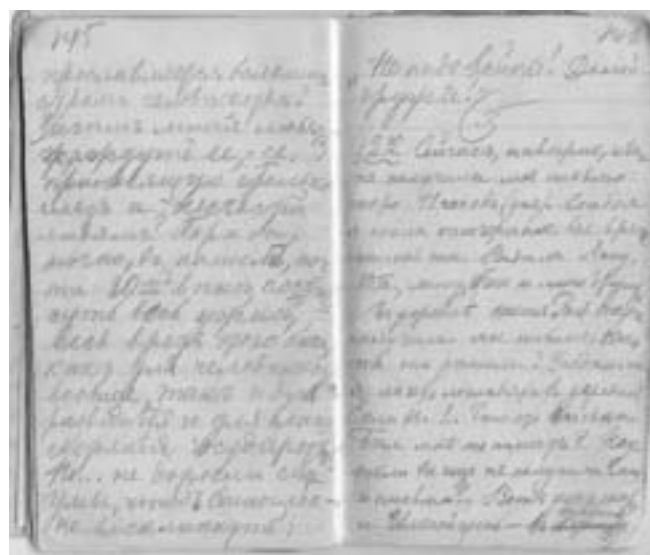
тью», но придававшей школьным работам напускной гражданский пафос и неуместный апломб». Перед учителями ставилась задача преподнести авторскую идею так, чтобы она «вызвала наиболее самостоятельную, логически правильную и живую умственную работу учащихся по уразумению

читаемого произведения»¹⁶. Сборник «Русские писатели» в чемодане Веры, скорей всего, связан с выполнением задания «Чтение летом».

Интерес девушки к историческим сочинениям и драмам И.Ф.Шиллера, путешествиям XVIII в., как нам кажется, объясняется её желанием пополнить свои знания по истории и тем, что чтение о путешествиях в прошлое или экзотические страны «размыкало временные и пространственные границы» мира провинциалов, так как их жизнь «протекала в двух пространствах одновременно: реальном – уютном, обжитом, однако обыденном, тесном и оторванном от большого мира, и воображаемом – безграничном, притягательном»¹⁷, но доступном только через книги.

Чтение Верой произведений современных ей авторов – Ф.М.Достоевского, В.Соловьёва, Б.Зутнер – связано с желанием разобраться в быстро меняющейся действительности. «Бесы» Ф.Достоевского не взволновали её, более того она пишет, что всё заранее угадывала в сюжете. Роман Берты Зутнер «Долой оружие!» вдохновил её на рассуждения о войне, государствах, правителях: «Пора бы, точно, в нашем, почти 20-м веке, постигнуть весь ужас, весь вред этого бича как для человечества вообще, так и для развития и для благосостояния государств! Но... не доросли ещё умы, чтоб единогласно воскликнуть: “Не надо войн! Долой оружие!”»¹⁸.

Хотя в дневнике нет прямых указаний, но с большей долей вероятности можно утверждать, что Вера читала брошюры революционного содержания. Напомним, она была знакома со студентами, «заражёнными» оппози-

Страницы дневника. Фото из семейного архива А.Н.Пятницкого.

**Семён Михайлович
Печатадьщиков. 1906 г.**
Фото из семейного
архива А.Н.Пятницкого.

ционными настроениями, хотела связать с одним из них свою судьбу и поехать в Сибирь на поселение, когда он был осуждён, но не сделала этого, послушав мать¹⁹. Даже дочь городского главы Екатеринбургa вспоминала, что в конце XIX в. «обыкновенно» читала две книги: одна была «запретная» (принесённая двоюродным братом), другая – из домашней или гимназической библиотеки, на которую девушка меняла «запретную» при появлении родителей²⁰. О том, как происходило знакомство с нелегальной литературой, можно судить по ответам на вопросе выпускницы Красноуфимской женской гимназии Елизаветы Разумковой. В 1902 г. она как свидетель проходила по делу о нелегальном кружке. «По тогдашнему моему положению учащейся гимназистки, – отвечала Елизавета Николаевна на вопросы следователя, – и по незнанию моему со степенью свободы печати в России вообще – я вряд ли могла судить тогда о том, что даваемая мне лишь для прочтения брошюра или листки есть издания, запрещённые вообще, а не запрещённый плод (который в ученические годы всегда кажется заманчив) лишь для ученицы». Следствие заинтересовалось перепиской Елизаветы с организатором кружка, и гимназистке пришлось давать комментарии и разъяснения к своим письмам. Так, на вопрос: «Кто и где познакомил [её] с рабочим вопросом, и кто развивал её в этом направлении», она отвечала, что была «под впечатлением прочтённой в “Мире Божьем” статьи Туган-Барановского под заглавием: “Очерки истории политической экономии»; «никто

[ею] не руководил в желании познакомиться с этим вопросом», так как «жизнь рабочих она видела с детства, живя с родителями в заводах». Она, «дочь канцелярского служителя», родилась Нязе-Петровском заводе, потом семья переехала в Артинский завод, после окончания Красноуфимской гимназии Елизавета некоторое время жила в Симском, а в начале 1900-х гг. переехала в Нижнетагильский завод и работала «классной надзирательницей в Павло-Анатолевской Нижнетагильской женской прогимназии»²¹.

Хотя чтение девушек и определялось школьной программой, но знание произведений классиков и современников русской литературы было важным для них не столько по обязанности, сколько по велению времени и души: «Мы считали себя умными, судили и спорили обо всём на свете, брались за все проклятые вопросы, читали книги о чём угодно»²². Под этими словами, сказанными А.В.Тырковой-Вильямс о своих гимназических годах, которые пришлось на конец XIX в., могла бы подписаться и тагильчанка Вера Печатадьщикова – страстная читательница, которая своим отношением к книге, к чтению, активной жизненной позицией, как нам кажется, подтверждает высокий уровень книжной культуры в уральской провинции.

Примечания:

¹ Автор выражает благодарность Алексею Николаевичу Пятницкому (доценту Санкт-Петербургского государственного политехнического университета) за предоставление материалов и фото из семейного архива.

² Из текста следует, что Дневник вёлся Верой на протяжении многих лет, однако тетрадь для его записей летом 1897 г. была утеряна, а затем вновь найдена, поэтому записи велись три месяца в тетради для сочинений.

³ Печатадьщикова В. Дневник ученицы. Лето 1897 года / автор-сост. А.Заварицкий; подг. к пуб. Т.С.Павлухиной. СПб., 2007. 115 с.

⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 102. Л. 390.

⁵ С.М.Печатадьщиков – прадед А.Н.Пятницкого.

⁶ О школьных сочинениях, написанных в 1896–1897 учебном году, подробнее см.: Шабаршина О.В. (Морева) Как изучали «Мертвые души» Н.В.Гоголя в кон. XIX в. (по школьной тетради тагильской ученицы) // Творчество Н.В.Гоголя в контексте современности (к 200-летию со дня рождения писателя): материалы региональной научно-практической конференции. Нижний Тагил, 18 марта 2009 г. Нижний Тагил, 2009. С. 196–202.

⁷ Заварицкий А. Примечания // Печатадьщикова В. Указ. соч. С. 101.

⁸ Печатадьщикова В. Указ. соч. С. 46.

⁹ Печатадьщикова В. Указ. соч. С. 16.

¹⁰ Так же проверяет своё чувство к любимому герою М.Алданова (Алданов М.А. Ключ: роман // Дружба народов. 1989. № 4. С. 89). М.Цветаева писала, что «Татьяна не только на всю мою жизнь повлияла, но и

на самый факт моей жизни... Ибо женщины так читают поэтов, а не иначе» (Цветаева М. Мой Пушкин // Собр. соч.: в 7 т. М., 1994. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. С. 72.).

¹¹ Печатадьщикова В. Указ. соч. С. 77.

¹² Титов А. К истории самообразования в России (опыт разработки архива Московской комиссии по организации домашнего чтения) // Русская мысль. 1908. № 7. С. 91–92.

¹³ Ляцкий Е. Гончаров. Жизнь, личность, творчество: критико-биографические очерки. СПб., 1912. С. 264–265.

¹⁴ У нижнетагильских гимназисток, согласно подсчётам читательских помет, самым популярным был роман И.А.Гончарова «Обломов» (Шабаршина О.В. (Морева) Круг чтения тагильских гимназисток в нач. XX в. (по книгам из библиотеки Нижнетагильской Павло-Анатолевской женской гимназии) // Тагильский вестник. Нижний Тагил, 2004. Вып. 3. С. 42.).

¹⁵ Печатадьщикова В. Указ. соч. С. 26, 29, 75, 76.

¹⁶ Цит. по: Бренчугина-Романова А.Н. Учебные пособия по теории и истории словесности на рубеже XIX–XX вв. // Образование в современной школе. 2003. № 6. С. 51.

¹⁷ Головина Т.Н. Из круга чтения помещиков средней руки (по документам 1830–1840-х гг. из усадебного архива) // Новое литературное обозрение. 2008. № 5. С. 393.

¹⁸ Печатадьщикова В. Указ. соч. С. 60–61, 63.

¹⁹ Заварицкий А. Примечания // Печатадьщикова В. Указ. соч. С. 102.

²⁰ Пешкова И., Симонова З. Отец – Дочь: К 280-летию Екатеринбургa // Урал. 2003. № 8. С. 22.

²¹ ГАСО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 32. Л. 15–17 об.

²² Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: воспоминания известной писательницы и общественной деятельницы. М., 1998. С. 128.

Вера Печатадьщикова. 1902 г.
Фото из семейного архива
А.Н.Пятницкого.

«БЫТЬ ОНОМУ НА ОБЩУЮ ПОЛЬЗУ НАДОБНО»

ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Владимир СТАРКОВ,

ГБУК СО «НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», г. Екатеринбург.

Проблема организации и развития системы здравоохранения в России никогда не теряла своей актуальности, а в настоящее время встала с новой, особенной силой. Любое государство, если оно претендует на звание великой державы, должно иметь здоровых, грамотных и, в случае необходимости, способных защищаться граждан. Если этими положениями пренебречь, то страна обречена на гибель.

Крупнейший заводовладелец XVIII столетия Никита Акинфиевич Демидов (1724–1786 гг.) так обосновывал необходимость наличия собственных медицинских кадров: *«...при заводах моих знающих лекарское искусство человека не имеется и по немалому числу при тех заводах народа быть оному неотменно на общую пользу надобно... когда либо по нечаянности кто чем повредится, а за немением такого достаточного человека может в том и долговременно не использоваться, а иной от непризнания и жизнь свою прекратить...».*

Лекарские кадры на частных заводах формировались, как правило, из детей крепостных – дворовых, кузнецов, мельников и т.д. – в возрасте от 10 до 19 лет, причём все они обучались за счёт заводовладельца. В одном из своих писем Н.А.Демидов подчеркивал, что *«лекарские ученики содержатся на моём капитале...».*

Ученики должны были проявить себя с лучшей стороны не только в процессе приобретения специальных знаний, но и *«содержать себя богобоязненно и тихо и воздержанно».* В случае же усмотрения *«худого рачения к наукам и плутовства, а паче гнусного пьянства, не будет уважена и их наука, и будут брошены яко преступники, и определятся в вечную горную работу для зарабатывания тех денег, кои они забрали прежде и что штаб-лекарю на их счёт переплочено...».* Подобные предупреждения не были пустыми: в

1754 г. Иоганн Христофор Шнезе докладывал в Канцелярию Главного заводов правления о том, что лекарский ученик из Ягошихинского завода Грудин *«обращается в шумстве, пьяным и к наукам нерочительным... в обучении лекарского искусства весьма невнятен, и в лечении больных нерочителен, и от великого пьянства весьма руки дрожат, и опасно, чтоб случившихся больных в метании крови не учинил какого повреждения...».* Канцелярия незамедлительно постановила определить нерадивого ученика в горные работы засыпщиком при том же Ягошихинском заводе¹.

В 1758 г. в Нижне-Тагильском заводе, принадлежавшем Демидовым, был основан госпиталь, а в Екатеринбург на учебу к Иоганну Х. Шнезе были направлены крепостные Потап Белов, Михайло Ермаков, Афонасий Онедин, Василий Киселёв, которые окончили курс обучения в 1767 г.

Н.А.Демидов требовал, чтобы его лекари умели *«во-первых, фелшерской должности, брить, а потом кровопусканию, случится у человека нога или рука переломится, из места вышибится – сложить, на править и перевезать; так же кто чем себя ушибёт и зделается рана, оную залечить; и для того составлять варить принадлежащие пластыри, и делать из тамошних трав к ранам от мокроты присыпки, а в другом случае примочки, и указать на то – брать приличные травы или другие какие к показанному пользованию медикаменты потребны...»*².

Впоследствии В.Киселёв и П.Белов остались исправлять медицинскую часть в Нижнем Тагиле, а М.Ермаков был командирован в Салдинский завод. При Нижне-Тагильском госпитале велась медицинская статистика: *«дохтурские сказки»*, рапорты о *«живущих при заводе больных людях...»* и т.п.

По данным некоторых исследователей подготовка лекарственных учени-

ков для демидовских заводов начала осуществляться ещё с 1741 г.; на некоторых предприятиях, например, в Барнауле, медицинская помощь работникам осуществлялась как штатными заводскими врачами, так и лекарскими учениками из Екатеринбург³. К этому остаётся добавить, что своя аптекарская лаборатория, где ученикам на практике демонстрировали составление лекарств, была создана в Нижнем Тагиле с 1779 г.

Заводовладельцы практиковали заключение контрактов с медиками, которые обязывались обеспечивать должное медицинское обслуживание предприятий. Тому свидетельство соглашение 1798 г., заключённое Николаем Никитичем Демидовым (1773–1828 гг.) с лекарем И.Ф.Мошке «О работе Мошке по обслуживанию заводских больниц и населения», по которому последний должен был работать при Нижне-Тагильском, Нижне-Салдинском и Висимо-Уткинском заводах. Размер жалованья лекаря был определён в 900 рублей в год. По условиям контракта И.Ф.Мошке был обязан *«для экономии в медикаментах и лучшего показания в науке лекарским ученикам и мальчикам завести в пристойном месте ботанический сад, а сверх онаго из растущих в лесах, употребляемых в медикаментах травы, собирать, и приуготовлять оные, а равно сему знать из них воды, спирты, варить пластыри и прочие медикаменты»*.

Вообще нужно сказать, что Н.Н.Демидов уделял большое внимание тому, что сейчас принято называть социальной инфраструктурой. Помимо прекрасного больничного комплекса по его распоряжению в Нижнем Тагиле был создан штат поживальных бабок, открыт приют для сирот и престарелых людей, усовершенствована система пенсионного обеспечения заводских служащих и т.д., а также широко практиковалось обучение наиболее способных работников за границей.⁴ Но всё же квалифицированных медиков не доставало даже у столь преуспевающих хозяев, какими были Демидовы. Племянник Н.А.Демидова в одном из писем сообщал дяде, что *«по неимению на заводе знающих то лекарское искусство, заводские мастеровые и работные люди от ушибов и разных приключений притерпевают немалую нужду...»*.

Вообще же следует отметить, что обустройство и работа горнозаводских медицинских учреждений, под-

готовка кадров для них полностью зависели от доброй воли их хозяев, *«во всё проглядывалась случайность и индивидуальные воззрения на постановку врачебного дела на заводах»*⁵.

К началу XIX в. Россия по производству чёрных металлов находилась на первом месте в мире, а уральские заводы давали $\frac{4}{5}$ русского чугуна и железа⁶. Перед отменой крепостного права на Урале насчитывалось 154 завода (чугуноплавильные, железоделательные, медеплавильные) и прииска, объединённых в заводские округа – территориально-хозяйственные административные единицы с зависимым от заводов населением, управлявшиеся администрацией и подчинённые частному владельцу или казне. Численность же живших в городах мастеровых и работных людей с 1803 по 1860 г. выросла в 4,4 раза⁷.

Из этого, безусловно, следует, что уровень медицинского обслуживания работников горнозаводских предприятий должен был претерпеть соответствующие изменения.

В вышедшем в свет в 1806 г. «Горном положении» существовал специальный раздел о медицинской помощи на заводах, приисках и рудниках. «Положение» предписывало *«учредить госпитали и лекарей при них на каждом заводе, как казённом, так и частном»* в расчёте на то, что и сами предприниматели как в собственных интересах, так и в интересах человеколюбия пойдут навстречу усилиям государственной власти. В «Положении» особо отмечалось, что содержание госпиталей, врачей и лекарей есть *«обязанность столь нужная для человечества, что не потребует никаких больших пожертвований»*⁸.

Через довольно непродолжительное время госпитали и аптеки стали функционировать не только в центрах горных округов, но и почти при каждом заводе. В частности, при казённых предприятиях было построено 13 госпиталей на 635 коек, при частных – 62 на 1675 коек. Показатель довольно внушительный, но нужно принять во внимание то обстоятельство, что количество медицинских работников, занятых в лечебных учреждениях, было явно недостаточным, и что порой там отсутствовало самое элементарное оборудование, и ощущался недостаток лекарств⁹.

В то же время медицинские инспекторы отмечали, что *«Госпитали Нижнетагильские вообще находят-*

ся обыкновенно в хорошем порядке и заведываются исправно; по главному госпиталю даже устроено ныне ватерклозетов». Комплекс зданий главного госпиталя Нижне-Тагильского горного округа был сооружён в 1828 г. по проекту крепостного архитектора А.П.Чеботарёва при непосредственном участии местного медика Онуфрия Игнатьевича Нехведовича (1786–?), который впоследствии стал его главным врачом и первым организатором медицинской помощи населению округа. В 1811 г. он окончил медицинский факультет Виленского университета с присвоением степени магистра медицины; в том же году защитил докторскую диссертацию и был назначен врачом на Гороблагодатские заводы; в 1814 г. стал их медицинским инспектором; с 1820 по 1838 гг. работал на Нижне-Тагильских заводах. Остаётся добавить, что здания больничного комплекса, первоначально рассчитанные на 100 коек, продолжают использоваться по своему первоначальному назначению и в настоящее время.

Что же касается выдающегося крепостного архитектора Александра Петровича Чеботарёва (1790–е –?), то, помимо госпитального комплекса, в Нижнем Тагиле им были возведены дом для служащих завода, здание женского училища, Главная контора заводов Демидова¹⁰.

Для своих медицинских учреждений Демидовы подбирали выдающихся специалистов. Так, в 1859 г. в Нижний Тагил по приглашению владельца заводов округа прибыл медик Пётр Васильевич Рудановский (1829–1888 гг.), проработавший здесь до конца своей жизни. Уроженец Казани, окончивший тамошний университет с серебряной медалью и прошедший длительную стажировку за границей, П.В.Рудановский с честью нёс тяжёлое бремя своих обязанностей в главном госпитале Нижне-Тагильского горного округа – одном из крупнейших медицинских учреждений на уральских заводах, через которое ежегодно проходило 120–130 тыс. человек. П.В.Рудановский возглавлял всю медицинскую часть на заводах округа. Как отмечали современники, *«Заводская больница в Нижнем Тагиле, где работал П.В., за время его заведования, была обставлена едва ли не лучше любой клиники. Здесь на средства заводладельца приобреталось всё, что изобретала наука на пользу человечества и применялось на практике»*¹¹.

По его инициативе при госпитале был организован музей, открыта фельдшерская школа, создан санитарный комитет Верхотурского уезда по борьбе с эпидемиями – одна из первых и лучших санитарных организаций в России XIX в. В созданную им госпитальную библиотеку практически сразу же после выхода в свет поступала специальная литература и периодические издания по медицинской тематике, по которым затем обучались лекарские ученики. Среди находившихся в библиотеке изданий были сочинения А.Г.Бахерахта «О цинге» и «О венерических заболеваниях», шеститомное исследование Н.М.Максимовича-Амбодика «Искусство повивания или наука о бабичьем деле», «Домашние лечебники» Х.Пекеа, «Основательные наставления хирургические» И.Ц.Платнера, учебник анатомии Л.Гейстера... Будучи специалистом широкого профиля, П.В.Рудановский вёл активную научную работу. Он являлся автором более 100 исследований по различным вопросам медицины. В их числе: «О совпадении изменений воздуха с появлением болезней», «О новом способе образования зрачка», «О кишечных болезнях у детей» и многие другие. Его исследования по анатомии, микроскопическому строению нервной системы и усовершенствованию хирургии глаза принесли ему мировую известность.

В 1859 г. он организовал индивидуальную подготовку лекарских учеников. В соответствии со сроками обучения и специализацией ученики подразделялись на 5 разрядов. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что ученики проходили подготовку при главном госпитале Нижне-Тагильского горного округа, при главной аптеке и лаборатории, а также при заводских госпиталях Висимо-Уткинска, Висимо-Шайтанского, Черноисточинска, Лаи, Нижней и Верхней Салды, где получали весьма основательную теоретическую и практическую подготовку.

За большой вклад в развитие медицины и успешную работу в Нижне-Тагильском окружном госпитале П.В.Рудановский в 1869 г. удостоивается Почётного диплома Парижской Академии наук, в 1875 г. Казанский университет присваивает ему степень доктора медицины без защиты диссертации, а в 1880 г. Петербургская Академия наук присуждает учёному премию имени Рклицкого за работу «О строении корешков спинных

нервов, спинного и продолговатого мозга человека и некоторых высших животных»¹². П.В.Рудановский состоял в переписке со многими известными европейскими учеными – Клодом Бернаром, Шарко, Реклигаузенем.

Свыше сорока лет служил врачом в Нижнем Тагиле блестящий хирург Пётр Васильевич Кузнецкий (1844–1912 гг.). За годы своей деятельности он выполнил свыше 4 тысяч сложных операций; одним из первых в России стал делать овариотомии, став благодаря этому известным не только среди соотечественников, но и в медицинских кругах Западной Европы. П.В.Кузнецкий первым в мире применил спирт в качестве обеззараживающего средства при операциях; использовал при открытых переломах камфорный спирт в сочетании с гипсовой повязкой. Во время Русско-турецкой войны он возглавил Выдвижной госпиталь Верхотурского комитета помощи раненым, который был оснащён на средства жителей Нижнего Тагила. В 1887 г. в ходе работы Урало-Сибирской промышленной выставки он представил в разделе «Медицина» свои «Медико-статистические диаграммы Нижне-Тагильского завода и Верхотурского уезда за 1885 год». Жюри выставки отметило, что «Таблицы доктора Кузнецкого дают в высшей степени интересные статистические данные и графически представляют печальную историю населения Верхотурского уезда». В 1896 г. в Казанском университете была учреждена стипендия имени П.В.Кузнецкого, в 1899 г. этим же университетом ему была присвоена степень доктора медицины без защиты диссертации, в 1911 г. Русское хирургическое общество им. Н.И.Пирогова избрало П.В.Кузнецкого своим почётным членом, памяти этого замечательного медика посвящена одна из книг «Хирургии» П.В.Дьяконова.

Во второй половине XIX столетия на заводах, рудниках и приисках – это 154 предприятия различного профиля – насчитывалось около 70 лечебных учреждений. Цифра сама по себе довольно внушительная, но отсутствие или хотя бы недостаток медикаментов, непригодность порой помещений, нехватка оборудования, постельного белья, одежды, провианта и прочего никак не способствовали хорошему уровню работы этих заведений. Главным же изъяном был существенный недостаток квалифицированных специалистов. По

свидетельству современника, «судьба большинства больных почти исключительно вверена фельдшерам, последние своим образовательным цензом далеко не отвечают требованиям врачебного дела и закона. Весьма многие из них учились дома, то есть при заводском госпитале, или при докторе, экзамену не подвергались и не имеют дипломов»¹³. Но этому можно найти вполне объективное оправдание. Вот как комментировал сложившуюся ситуацию один из высокопоставленных чиновников того времени: «...так как звание сие (т.е. медика – В.С.) есть не из самых выгодных и соединённое с ним жалованье недостаточно почти и для нужнейшего содержания, то для заступления сих мест мало являлось охотников из состояний, могущих выбирать себе выгоднейший род жизни...» Знакомая картина, не правда ли?..

Что же касается Нижнего Тагила и всего горного округа, то они были исключением из общего правила и вполне могли служить положительным примером для остальных горнозаводских посёлков и городов.

Примечания:

¹ Соркин Ю.Э. Демидовы и медицина // Уральская старина. Екатеринбург, 1997. Вып. 3. (Демидовский). С. 192–193.

² Старков В.И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 38.

³ Соркин Ю.Э. Указ. соч. С. 191.

⁴ Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский современник. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 250–251.

⁵ Старков В.И. Указ. соч. С. 40.

⁶ История Урала с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. Т. 1. С. 404.

⁷ Там же. С. 436.

⁸ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Т. 29. Гл. XII.

⁹ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 1. С. 307.

¹⁰ Уральская историческая энциклопедия. Изд-во «Екатеринбург», 1998. С. 578–579.

¹¹ Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. / Сост. И.Я. Кривошеков. Пермь, 1910. С. 231–233.

¹² Памяти П.В. Рудановского // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1881. Т. 13. Вып. 2. С. XIII–XV.

¹³ Бертенсон Л.Б. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала. СПб., 1892. С. 14.

ПЕРВЫЕ ТАГИЛЬСКИЕ МОНАХИНИ

Марина НЕЧАЕВА,

кандидат исторических наук,
заведующая сектором
локальной истории и истории
повседневности Института
истории и археологии
УрО РАН.
г. Екатеринбург

Использованы фотографии, находящиеся на хранении в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» и Нижнетагильском городском историческом архиве.

Скорбященская церковь Нижнетагильского женского монастыря.
Начало XX в.

В XVIII – начале XX вв. в Нижнем Тагиле православных храмов было много, но монастырь был учреждён только в 1904 г.

Его история началась ещё в 1883 г., когда несколько жительниц Нижнего Тагила и окрестных деревень частным порядком поселились возле Скорбященской кладбищенской церкви, построенной купцом И.И.Сергеевым в 1864–1883 гг. Это общежитие не имело даже собственного помещения, поэтому в первое время его обительницы не пребывали возле церкви постоянно, продолжая жить у своих родственников или в услужении. Однако их стремление вести иноческую жизнь способно было преодолеть многие препятствия.

Впервые они официально объявили о своём желании в июле 1883 г., отправив епископу Пермскому Ефрему прошение об основании монашеской обители. Это письмо не было подписано, поэтому судить о

составе тагильского религиозного общежития, сложившегося к тому времени, сложно. Зато следующее послание, в марте 1884 г., подписали 14 сестёр. Первой стояла подпись Марии Васильевой Навзоровой, по праву считающейся одной из основательниц этой обители. Крестьянская вдова, жительница Нижнего Тагила, она проявила не только религиозное рвение, но и организаторские дарования, позволившие сохранить общежитие в первые годы, добиться его официального признания и тем положить начало фактическому существованию монастыря.

Как и Мария Навзорова, её соратницы были крестьянками. Иулиания Егорова Балаханцева, Мария Григорьева Шмакова, Апполинурия Никитина Кузнецова, Параскева Феодосиева Тянкина, Анна Феодорова Кожевникова, Дарья Васильева Грязнова, Афанасия Николаева Суходаева жили в самом Нижнем Тагиле (или, возможно, в Нижнетагильской волости). Вдова Афанасия Суходаева вела небольшую торговлю продуктами, имела свой дом, некоторый достаток. Остальные тагильчанки, составлявшие это общежитие, кроме вдовы Дарьи Грязновой, были моложе, в браке никогда не состояли и, не имея существенных средств, жили либо с родственниками, либо в услужении.

Ещё шесть сестёр проживали в окрестностях Нижнего Тагила. Жили бедно, не имея ни состояния, ни своих домов. Занимались рукоделием и домашним хозяйством.

Из четырнадцати крестьянок, объединившихся в 1883–1884 гг. в своём желании принять монашество, немногие смогли пройти весь трудный путь от общежития при кладбищенской церкви до официально признанного монастыря, а, следовательно, и принять иноче-

Нижнетагильский Скорбященский женский монастырь. Начало XX в.

ский сан. Они оставались послушницами, и даже Марии Навзоровой не суждено было принять иночество.

Добиться учреждения монастыря в XIX в. действительно было не просто. Разрешение давалось только тогда, когда обитель могла доказать, что способна содержать себя самостоятельно. Поэтому, объявив в июле 1883 г. о желании открыть монастырь, Мария Навзорова и её соработницы постарались найти средства для существования своего общежития. В прошении, посланном в марте 1884 г. на имя епископа, они уже могли указать, что общество первой части Нижнетагильского селения постановило выделить две десятины земли возле Скорбященской церкви, чтобы построить там дом для монашеской общины. Сёстры даже не просили у владыки никаких средств для обустройства, только стремились добиться его ходатайства перед П.П.Демидовым, владельцем завода, об отводе этих двух десятин. Мария Навзорова и сама обращалась к П.П.Демидову, и тот вроде был готов удовлетворить просьбу. Но епархиальное начальство не поддержало стремления тагильчанок, предупредив их, что даже если заводовладелец согласится отвести землю, община не будет открыта, поскольку не имеет достаточных средств к существованию.

Для четырнадцати женщин этот ответ стал тяжёлым ударом. В сен-

тябре того же года новое прошение подписали уже только 8 человек, остальные, вероятно, ушли из общежития, потеряв надежду. Но оставшиеся были тверды в своём намерении. В сентябре они уже могли сообщить, что две десятины земли отведены и без епископского ходатайства, а на средства наследницы строителя Скорбященской церкви вдовы Марии Андреевой Колчиной начато сооружение ограды. Кроме того, одна из обительниц общежития Мария Евсева Белоусова пожертвовала свой дом. Тот, правда, находился в селе Воскресенском, но сёстры собирались перевезти его в Нижний Тагил с наступлением зимы. Просьба тагильчанок была прежней: учредить монашескую общину. Но из Перми 28 сентября снова последовал отказ, хотя и позволялось завести женскую богадельню. Это означало, что церковные власти пока не берут это общежитие под своё покровительство и контроль. Тем не менее, это был уже некий официальный статус: богадельня при церкви, а не просто частное общежитие. Епархиальные власти помощи не оказали, но отметили, что богадельня может просить о ней местное общество и заводо-владельца.

Обительницы богадельни не отчаялись. В 1885 г. они перевезли дом из села Воскресенского, к осени собрали его и поселились все вместе. 16 сентября к ним присоеди-

нилась Феозва Константинова Крузе – будущая первая настоятельница общины и монастыря. Этой девушке суждено было стать верной сподвижницей Марии Навзоровой, долгое время вместе с ней добиваться учреждения обители, а после отхода последней от дел продолжать её начинание.

Феозва Крузе родилась в 1857 г. в Перми, в семье портного. Свою национальность на закате жизни она определяла довольно своеобразно: «русская, предки – немцы». В 12 лет Феозва осталась сиротой (к тому времени умер её отец, мать скончалась ещё раньше) и была отдана на воспитание в Пермский женский приют (по иным сведениям, обучалась в двухклассном городском училище). Неизвестно, сколько времени Феозва пробыла в приюте, но, вероятно, пожалев девочку, старшая сестра забрала её к себе. Так волей судьбы Феозва оказалась в Нижнем Тагиле. Особых средств к существованию не было, замуж она не вышла и в возрасте 25–26 лет поступила в богадельню при Скорбященской церкви. У девушки оказался неплохой слух, и вскоре её назначили руководительницей монастырского хора. Эту обязанность она исполняла 17 лет, надо полагать, совмещая её с другими делами.

Мария Навзорова со своими сподвижницами продолжала доказывать, что они могут содержать себя сами и достойны называться общиной. В январе 1885 г. была открыта новая Екатеринбургская епархия, в состав которой вошёл и Нижний Тагил. 13 декабря того же года сёстры во главе с Марией Навзоровой вновь попытались добиться учреждения общины. Они напомнили, что помещение построили себе сами, что способны и желают трудиться, что у них уже сейчас есть некоторые наличные средства и многие благочестивые тагильчане готовы делать пожертвования. Для этого только требовалось разрешение епархиального начальства завести особую церковную кружку для сборов на общину. Относительно нынешнего статуса они писали, что «богадельня есть место призрения сирых, престарелых, убогих, неимущих крова-пристанища и немогущих снискивать себе пропита-

ния, следовательно, долженствующих помещаться и содержаться на чье либо иждивение, а потому и должна служить постоянно обременением – лица, общества или же и целого населения. Мы же себя ни к кому и ни с кем ставить в обязательства не намерены и не желаем». Доводы, однако, не убедили и новое епархиальное начальство. Зато со стороны местного благочинного протоиерея Иоанна Флавианова, с первых месяцев существования общезжития не оставлявшего сестёр своим вниманием, они встретили понимание и помощь. Он помог установить в богадельне строгие монашеские правила, подобрал для неё в качестве руководства устав Бородинской женской общины (Московской епархии), советовал, кого из обитательниц богадельни следует избирать в совет старших сестёр, управлявших ею вместе с Марией Навзоровой. Так, не получив официального статуса, община была создана фактически.

28 февраля 1887 г. в богадельне поселилась Татьяна Яковлева Деева, в будущем – первая казначея общины и монастыря. Она родилась в крестьянской семье в деревне Деевой Арамашевской волости Верхотурского уезда. Образование получила домашнее, но, по-видимому, достаточное для последующего ведения всех хозяйственных расчётов богадельни-общины-монастыря. Когда она поступила в богадельню, ей было 22–24 года. Одного возраста с Феозвой Крузе, она стала ближайшей её помощницей. С годами Мария Навзорова начала постепенно отходить от дел, и бразды правления мирно и бесконфликтно переходили к Феозве Крузе и Татьяне Деевой. Но они были ещё молоды, и, когда в 1893 г. Мария Навзорова и Феозва Крузе снова рискнули просить епархиальные власти о переименовании богадельни в общину, начальницей богадельни они предлагали назначить монахиню крупнейшего в епархии и ближайшего к Нижнему Тагилу Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря Емерентиану. Кандидатура казалась удачной во многих отношениях: монахиня Емерентиана имела жизненный опыт, пользовалась авторитетом в своей обители, обладала организационными навыками,

руководя портняжной мастерской. Всё это весьма пригодилось бы тагильской обители. К тому же, Емерентиана была близка к настоятельнице Екатеринбургского монастыря Магдалине, что, вероятно, обеспечило бы новой общине покровительство этого крупного монастыря. Тагильчанки рассчитывали, что при отсутствии Емерентианы укрепят иноческие порядки в их богадельне и станет ещё одним доводом к повышению её статуса. Но епархиальные власти не откликнулись и на эту просьбу, хотя в 1895 г. её поддержали местные благочинный, приходское попечительство и городское общество, обещавшее материальную помощь.

Богадельня и сама росла и обустроивалась. В 1892 г. там проживало 25, в 1898 – уже 60 человек. Недостаток своей земли компенсировался тем, что богадельне во временное пользование были безвозмездно предоставлены участки для хлебопашества и сенокоса. Сёстры обзавелись скотом, более просторными домами, хозяйственными постройками, занимались рукоделием, по просьбам тагильчан читали псалтирь по умершим, провожали их с пением на Скорбященское кладбище. Появились и наличные средства: в 1892 г. – 800, в 1895 – 1000, в 1897 – 6966 рублей. Уважение местных жителей тоже принимало вполне ощутимые формы: в 1898 г. по подписке на богадельню собрали 3082 рубля, в 1896 – общественный сход постановил выделить ей в бесплатную аренду 28 десятин земли. Прощения о преобразовании в общину стали подавать не только сёстры, но и два церковно-приходских попечительства – Введенское и Скорбященское, а также Входа-Иерусалимский сельский сход Нижнего Тагила.

Епархиальное начальство на этот раз запросило дополнительные сведения о богадельне, главным образом о её благосостоянии, и впервые сочло возможным ходатайствовать перед Синодом об учреждении общины. Правда, не ранее, чем Уральское горное правление выделит ей землю в размере 100 десятин. Но в 1900 г. дело снова остановилось: в Нижнетагильском округе как раз шло наделение крестьян землёй, и до его окончания министр земледелия

и государственных имуществ отказался решать этот вопрос.

В том же году епископом Екатеринбургским стал Ириней (Орда). Когда в ноябре Феозва Крузе, Татьяна Деева и Анна Евстафеева (совет богадельни) подали ему прошение об учреждении общины, он приказал снова собрать сведения о богадельне и без всяких предварительных условий подал в октябре 1901 г. ходатайство в Синод о переименовании её в общину. Прошло ещё пять месяцев, и Синод издал указ (от 14/31 марта 1902 г. за № 1247) о переименовании богадельни в Скорбященскую женскую общину. Начальницу и казначею общины разрешалось выбрать самим сёстрам. 17 июня благочинный монастырём Екатеринбургской епархии Верхотурский архимандрит Арефа (ныне причисленный к лику святых) созвал общее собрание общины. Сорок девять голосов из шестидесяти пяти было подано за назначение начальницей общины Феозвы Константиновой Крузе (ей к тому времени было уже 44 года), а казначеей – Татьяны Яковлевой Деевой. Епископ Екатеринбургский утвердил этот выбор 4 июля того же года.

Прошло ещё несколько месяцев, и 2 мая 1903 г. в общине появилась первая монахиня, которой стала начальницей Феозва Крузе. Нарекли Феозву в иночестве Марией. Тогда ей было уже 45 лет, и к этому сану она шла почти 18 лет – срок искуса весьма внушительный.

В 1904 г. епископ Владимир, объезжая епархию, посетил Нижний Тагил. Побывав в общине, он познакомился с жизнью, бытом её насельниц, которые удостоились его лестного отзыва и обещания ходатайствовать перед Синодом об учреждении монастыря. Тогда в общине было уже 90 сестёр, имелись приличное хозяйство, крепкие и опрятные кельи, церковно-приходская школа с 40 учащимися. Епископ исполнил обещание, и Синод указом от 23 октября 1904 г. переименовал общину в Скорбященский женский общежительный монастырь. Настоятельница была назначена монахиня Мария (Феозва Крузе), казначеей – Татьяна Деева.

26 мая 1905 г. состоялось торжественное открытие монастыря. Бывший на празднестве епископ

**Освящение Вознесенской церкви
в Нижнетагильском женском монастыре. 1910 г.**

Екатеринбургский Владимир совершил закладку второго монастырского храма – во имя Вознесения Господня, который был построен и освящён в 1913 г.

Монахиня Мария (Феозва Крузе) в 1909 г. указом Синода была возведена в сан игуменьи. В 1913 г. «за благочестиво-иноческое житие и весьма полезные труды и заботы по благоустройству общины и постройке нового каменного храма» она была награждена от Синода золотым наперсным крестом. В 1919 г. «во внимание к весьма полезному и ревностному исполнению обязанностей настоятельницы при трудностях переживаемого времени» епархиальные власти представили её к благословению иконой Всемилостивейшего Спаса.

Люди, стоявшие у истоков Скорбященского монастыря, не только вынесли на своих плечах многолетние труды по созданию, обустройству своей обители, но и сформировали вокруг себя состав монашеской общины, став её ядром и притягательным центром. К 1913 г. в монастыре жили уже 140 монахинь и послушниц.

В 1917 г. наступили тяжёлые времена. При новой власти монастыри были обречены на уничтожение. Тагильский Скорбященский монастырь закрыли в 1919 г. Его насельницы попробовали приспособиться к новым условиям и организовали сельхозкоммуну «Улей», но она в 1920 г. была разогнана. По свидетельству игуменьи Марии

(Феозвы Крузе), девушки разъехались по разным местам, в основном, вернулись в родные деревни, некоторые вышли замуж. Несколько человек остались в самом Тагиле и в окрестных селениях, но и они встречались друг с другом редко, как правило, в церкви. Община распалась, и монастырь прекратил своё существование.

Игуменья Мария после закрытия монастыря жила на улице Балагуровке (Малая Гальянская, д. 2) вплоть до февраля 1932 г., пока на духовенство Тагильского и Верхотурского районов не обрушились массовые аресты, проводимые в ходе агентурной разработки ОГПУ под кодовым названием «Историческая гниль». Как ни хотели чекисты обнаружить в Нижнем Тагиле контрреволюционную поповско-монашескую организацию, но и они вынуждены были в обвинительном заключении признать, что «эта группа организационно оформлена не была».

Весь антисоветский криминал, замеченный за тагильскими монахинями (из них по делу проходили 10 человек), сводился к бытовым разговорам о том, что при царском режиме не было очередей, церкви не закрывали и верующих не заставляли отказываться от своих убеждений. Трёх из них после допросов отпустили «за не доказанностью состава преступления», ещё троих признали отчасти виновными, но сочли достаточным сроком наказания восьмимесячное содер-

жание под стражей в ходе следствия и после окончания дела освободили. Ещё трём монахиням дали по три года ссылки в Казахстан, а одной – такой же срок, но в Сибирь.

Игуменья Мария тоже оказалась под следствием. Её допросили, но она была так стара (75 лет) и слаба, что следователи вынуждены были через четыре месяца в мае 1932 г. принять решение о продолжении допросов только после её выздоровления. В приговоре от 7 сентября она не упоминается, среди отпущенных «за недоказанность состава преступления» – тоже. Свидетельства о смерти в деле нет, но, всего вероятнее, она не дожидаясь окончания следствия. Так закончила свои дни первая тагильская монахиня.

На территории монастыря в 1920 г. разместили концлагерь, в 1922 г. вместо него поселили детский дом...

Миновали десятилетия. Кончилась советская власть, началось возрождение православия в России. В 1998 г. был возрождён и Скорбященский монастырь. Насельницы обители прилагают большие труды к реставрации чудом уцелевших храмов – Скорбященского и Вознесенского, ещё в 1992 г. возвращённых Русской Православной церкви, занимаются духовно-просветительской деятельностью, хозяйственными трудами, опекают воспитанников расположенного неподалёку детского дома. Вновь подняты и засияли купола монастырских церквей. Возродилась иноческая жизнь в Нижнем Тагиле.

Источники и литература:

¹ Ганьжа С. Назови мне такую обитель. http://history.ntagil.ru/8_09.htm

² Нечаева М.Ю. Первые тагильские монахини Мария Навзорова, Феозва Крузе, Татьяна Деева // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX – начала XX веков: Пособие по историческому краеведению. Нижний Тагил, 1998. С. 67–79.

³ Павловский С. Нижне-Тагильский Скорбященский женский монастырь // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1905. № 10. Отдел неофициальный. С. 305–320; № 11. Отдел неофициальный. С. 345–356.

ОТ ЗЕМСКОЙ БИБЛИОТЕКИ-ЧИТАЛЬНИ К ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Валентина ДАЦКЕВИЧ,

главный библиограф
библиотеки
Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал»,
председатель
Нижнетагильского клуба
краеведов.

Владимир КАШИН,

член Нижнетагильского
клуба краеведов.
г. Нижний Тагил

Земские библиотеки Нижнего Тагила сыграли важную роль в развитии культуры горнозаводского населения Урала. Обширная и разносторонняя деятельность земских учреждений на ниве образования оставила значительный и благотворный след в истории и развитии российского общества.

Начало института земства в России было положено указом Александра II от 1 января 1864 г. Первоначально новые органы самоуправления были организованы в 33 губерниях европейской части страны. В Пермской губернии земские учреждения появились только в 1870 г., так как экономика края и социальная структура были менее развиты. Институт земства был встречен широкими слоями общества с восторгом, потому что давал надежды и возможность в реализации прав самоуправления, представительства общественных интересов, самообложения и распределения налогов и сборов. Эпоха реформ вызвала в стране громадный запрос на образование, и перед земством встала задача просвещения населения. В конце XIX в. земские органы активно занимались устройством книжной торговли, школ для взрослых, народных чтений и библиотек.

В Нижне-Тагильском заводе¹ всегда «находилось много охотников читать книги», но заводская библиотека, образованная ранее других, в середине XIX в., не сыграла заметной роли в просвещении населения, так как пользовались ею преимущественно служащие. Именно в земстве вызрело убеждение, что внешкольное образование является жизненной необходимостью, именно оно взяло на себя организацию первых библиотек в Верхотурском уезде Пермской губернии. Это были пришкольные библиотечки, книжный фонд которых составлял, порой, несколько десятков книг.

Первые пятнадцать школьных библиотек на средства земства были открыты в 1891 г. при Введенском (Нижний Тагил), Краснопольском, Нижне-Туринском, Меркушинском, Алапаевском, Кушвинском, Нижне-Салдинском и других училищах Верхотурского уезда².

К 1895 г. в Нижнем Тагиле уже функционировали две библиотеки: при Введенском двухклассном училище и Троицко-Никольском мужском двухклассном училище. Проанализировав книжный фонд первых библиотек Нижне-Тагильского завода (порядка 200 в каждой), учёные из Москвы сделали вывод: «Открытие первых земских библиотек практически мало что дало читателям-рабочим, подавляющее большинство которых не могло пользоваться библиотеками из-за малочисленности и крайней скудости книжных фондов»³.

Потребность в чтении среди школьников росла год от года. Об этом, в частности, свидетельствуют широкое распространение в Нижнетагильском посёлке чтения вслух и открытия в 1900 г. учени-

Оттиск печати первой земской общедоступной библиотеки.

А.А.Алемасов (справа) с товарищем Киселёвым. Архив НТМЗ.

ческой библиотеки «Моя копейка». Она была создана на средства, собранные учителями и учениками Выйского двухклассного училища. На выписку книг и журналов каждый ученик еженедельно вносил одну копейку. Открытие библиотек на общественных началах имело большое воспитательное значение. «Та же копейка... заставляет ученика относиться с особенным уважением и особенно бережливостью к общественному достоянию»⁴.

В 1904 г. в Тагиле появилось отделение Всероссийского учительского союза, а вслед за этим в 1909 г. открылась районная учительская библиотека⁵, фонд которой состоял из пяти разделов: педагогический, общеобразовательный, учебный, детского чтения и пособий⁶. Документы сохранили имя её организатора – учитель Рябкова Лидия Николаевна, а её деятельность на посту заведующей ещё ждёт дальнейшего исследования. В заводском посёлке всегда находились энтузиасты, которые хотели, чтобы книга доходила до народных масс.

В 1911 г. в целях распространения грамотности на базе книжного фонда педагогического отдела Земской управы открылась городская публичная библиотека Верхотурья, а благодаря выделяемым средствам открылись 136 пришкольных библиотек. Конечно, и этого было явно недостаточно для

обширной территории Верхотурского уезда (60117 км²) с населением свыше четверти миллиона человек⁷.

Циркуляр Министерства народного просвещения от 9 июня 1912 г. установил правила, на основании которых все библиотеки при низших учебных заведениях, кем бы они ни были учреждены, поступали в полное распоряжение и собственность школ. Таким образом, Верхотурскому земству отводилась роль «постороннего жертвователя пришкольных библиотек». С этим оно категорически смириться не хотело, оценивая циркуляр как «конфискацию принадлежащего Земству имущества»⁸. Планомерная реорганизация библиотечного дела на новом уровне началась в том же году, когда уездное собрание в пику «просвещённого» министерства одобрило новый проект развития сети библиотек-читален и их устав⁹.

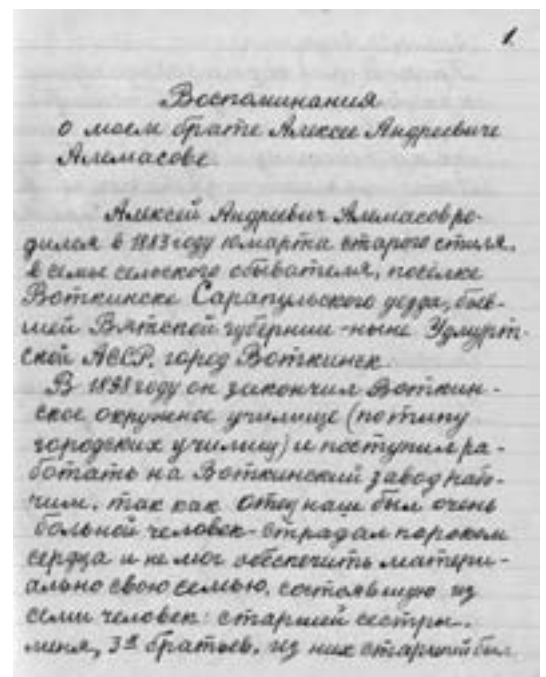
Сеть из 35 общедоступных земских библиотек-читален предполагалось развернуть с 1913 г., открывая по шесть библиотек в год. При этом на каждую планировалось ежегодно ассигновать по 1/5 общей сто-

имости с расчётом, что в течение пяти лет все библиотеки-читальни довести до окончательного комплектования¹⁰. Именно с этого периода библиотечное дело в Нижнем Тагиле начинает развиваться на новом качественном уровне.

Первая общедоступная земская библиотека в Нижне-Тагильском заводе была открыта 1 сентября 1913 г. с названием и вывеской: «Библиотека-читальня Верхотурского земства», что подтверждается докладом Земской управы Верхотурского уезда. В библиотеках города и сегодня можно найти книги с оттиском печати «Н.-Тагильская народная библиотека-читальня Верхотурского земства».

Кроме названной в 1914 г. открылись ещё две библиотеки – «Троицко-Александровская...» и «Выйско-Никольская...» – соответственно по наименованию волостей, коими был представлен заводской посёлок в то время.

В архиве Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» сохранились воспоминания Агнии Андреевны Тимоховой (Алемасовой), сестры устроителя и заведующего первой доступной земской библиотекой¹¹. Летом 1913 г. А.А.Алемасов¹², после участия в

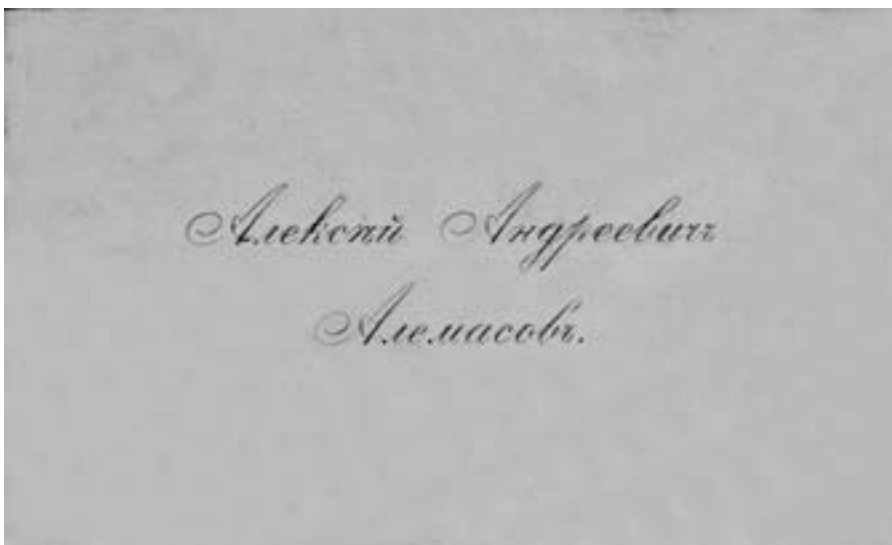
Первая страница воспоминаний А.А.Тимоховой (Алемасовой) о брате. Архив НТМЗ.

переписи населения на севере Верхотурского уезда, пребывая в отпуске в Вятской губернии, получил срочное предписание отдела просвещения уездного земства приступить к созданию в Нижнем Тагиле библиотеки-читальни. Выбор земства был не случаен, так как Алексей Андреевич к тому времени зарекомендовал себя как опытный библиотекарь, работая в школьной библиотеке Введенского училища, в котором преподавал пение.

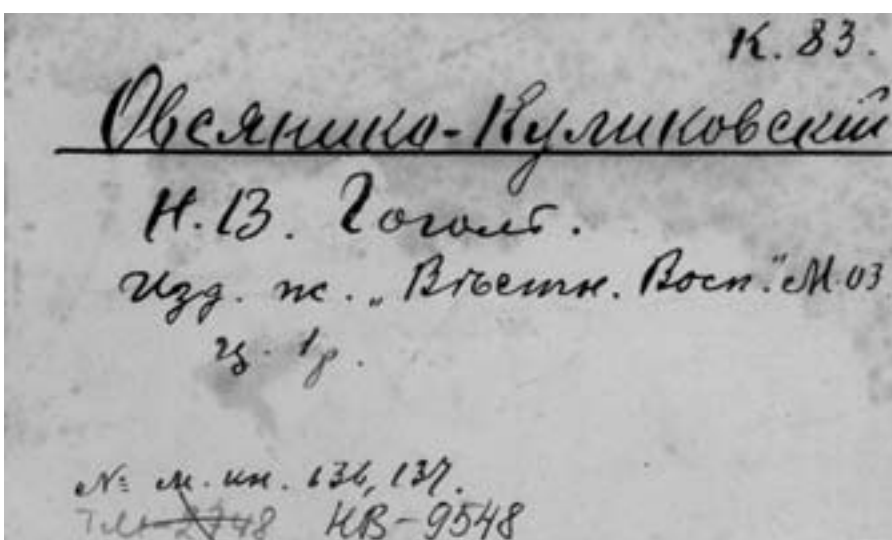
Алемасов по возвращению в Нижне-Тагильский завод предложил домовладелице Т.Ф.Турыгиной арендовать половину её дома на четыре окна по улице Салдинская, 2 (ныне пр. Ленина) под земские нужды. Просторный дом удачно располагался на центральной улице рядом с вокзалом.

Агния Андреевна приехала к брату летом 1914 г. в самый пик получения по почте книг, журналов и газет, помогая ему заносить поступающие издания в инвентаризационную книгу, а также на карточный учёт. В результате проверки со стороны заведующего отделом народного просвещения Беяева и члена земской управы библиотека была признана образцовой. Жители окрестных заводов (Нижняя и Верхняя Салда, Кушва, Невьянск и др.) приезжали за книгами к Алемасову, а также могли получить их почтой по заказу. Поэтому эта библиотека-читальня по праву считалась центральной по охвату населения и уровню услуг. Сам Алексей Андреевич жил в одной из комнат арендованной половины строения, и его «детище» зачастую было открыто допоздна.

Библиотекарь Нижне-Тагильской заводской библиотеки (с 1906 по 1912) Ольга Всеволодовна Протовская своими записями подтверждает, что «одной из первых земских библиотек в Нижнем Тагиле была «Библиотека-читальня Верхотурского земства». На этом месте сейчас [выстроен] магазин «Детский мир», что на проспекте Ленина. Алексей Андреевич Алемасов был революционером. Замечательный человек, умный, горячо любящий книгу, он первым ввёл карточ-

Визитная карточка А.А.Алемасова. Архив НТМЗ.

Оборотная сторона визитки – каталожная карточка, заполненная Алемасовым.

ный каталог книг в помощь читателям. Он распространял, а иногда и выдавал, нелегальную литературу и листовки...»¹³.

Статистика посещений восемнадцати открытых земских библиотек Верхотурского уезда Пермской губернии за 1913 г. показала, что «...максимальное число посещений библиотек-читален по роду занятий падает на Н.-Тагильскую библиотеку-читальню, а именно – 28336 человек... Минимальное число посещений пришлось на Висимо-Шайтанскую [позже им. Д.Н.Мамина-Сибиряка], а именно – 1281 чел., ...ярко свидетельствуя, как велика нужда среди населения в этих учреждениях, как велико требование на книгу и насколько необходимо периоди-

ческое систематическое освежение библиотек новым книжным инвентарём». Читатель-тагильчанин того времени, «обсуждая с библиотекарем вопрос о том, что прочесть и не всегда берёт на веру его советы, а требует доказательного объяснения»¹⁴.

Для максимального охвата населения уезда библиотеками и пополнения книжного фонда прямо в Земском доме (Н.Тагил, Уральская, 8 – восстанавливается) был обустроен книжный склад.

Начавшаяся русско-германская война серьёзным бременем легла на население Российской империи, приблизив её крушение. Сопровождающая мировую войну инфляция остро поставила вопрос о необходимости прибавки жалова-

ния земским библиотекарям «на дороговизну – 5 рублей от земства и 5 рублей от казны», по примеру уже назначенных прибавок народным учителям. Оклад заведующего земской библиотекой в размере 30 рублей и библиотекаря – 13 рублей, к середине 1916 г. был явно недостаточен.

Наступивший революционный 1917 год оказался переломным для развития культуры на Урале. В полной мере это относилось и к истории библиотечного дела.

Ещё до Февральской революции библиотека Купеческого клуба по Уральской улице обслуживала интеллигенцию заводского посёлка, в основном, из служащих и приказчиков. В 1917 г. рабочая молодёжь получила возможность посещать клуб в доме Аксёнова, где собирались представители разных партий. При Временном правительстве Купеческий клуб переименовался в духе времени в «Народный дом». Возглавлял его работу член партии эсеров адвокат М.Н.Ветлугин, а его заместителем был В.А.Плотников¹⁵, который занимался культурно-просветительской работой в Обществе «Нижне-Тагильский Народный дом». В.Плотников поддержал и формирование новой советской библиотеки.

Советская власть в Нижнем Тагиле установилась с 9 января 1918 г. (н. ст.), завоевав большинство в Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов выборным путём. Большевики приступили к слому системы местного самоуправления, основанной на земстве. Уже в марте было принято решение, закрепляющее ликвидацию Верхотурского уездного земства и передачу всех функций Советам¹⁶.

Согласно декрету Совнаркома «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» от 17 июля 1918 г. за подписью В.И.Ленина, все библиотеки РСФСР состоят под охраною и на учёте Наркомпроса, а дальнейшее назначение, распределение, предоставление их в пользование населению, пополнение, равно как и создание новых библиотек, ведаются состоящим при Наркомпросе Отделом библио-

тек РСФСР¹⁷... В полном соответствии с советскими законами библиотеки бывших дворян, купцов, священнослужителей, а также церквей, земских учреждений, учебных и прочих заведений национализировались, т.е. становились частью «общенародного достояния».

Несмотря на то, что выход библиотечного декрета совпал с расстрелом членов семьи отставного императора Николая II, широким наступлением антибольшевистских сил Народной армии Кому¹⁸, оренбургского казачества под руководством атамана Дутова, Сибирской армией Омского правительства и Чехословацкого корпуса летом 1918 г., общественная городская библиотека Нижнего Тагила была открыта для населения в доме Копылова (пр. Ленина, 11, ныне – редакция газеты «Тагильский рабочий»).

Из каких фондов была сформирована библиотека?

Она была составлена из книг, взятых из имевшихся в Нижнем Тагиле библиотек: земских, демидовской, нижнетагильского и невянского винных складов и других частных собраний. Частично книги Купеческого клуба также попали в объединённую библиотеку. В связи с запретом свободного обращения спиртных напитков с началом войны с Германией бездействовали казённые винные склады, а библиотеки при них были изъяты и свезены в реквизированный особняк купца Копылова.

Трагично сложилась для Советов на Урале вторая половина 1918 г. 25 июля пал Екатеринбург, а 4 октября – и Нижнетагильский посёлок. В результате переворота 18 ноября была провозглашена диктатура Верховного правителя России адмирала А.В.Колчака, и к началу 1919 г. большая часть территории Пермской губернии контролировалась его властью.

Уже в октябре 1918 г. возобновило деятельность Верхотурское уездное земство и его волостные подразделения в Нижнем Тагиле. Спустя месяц открылась для населения и библиотека, но под именем

– Центральная народная земская. Приведём одно из обращений её руководителя В.А.Плотникова в управу: «...Занято под книжные склады часть 2-го этажа и магазин, и включает в себе до 30000 томов, из какового количества до 15000 томов находятся в верхнем помещении и подлежат выдаче читателям и 15000 размещается в магазине в неразобранном виде. Деятельность библиотеки при возобновлении работы земства начала с 21 ноября 1918 г. и по 1 января открыта была 32 дня. За это время было выдано 7789 книг 4460 читателям...»¹⁸. Вызывают сомнение цифры, согласно которым более 10 % тагильчан¹⁹ нашли возможность посетить библиотеку и читальный зал (600 чел.) в период Гражданской войны.

Новая власть, включавшая в Нижнем Тагиле лучших представителей интеллигенции, уже к середине октября составила смету²⁰ предполагаемых расходов Центральной народной библиотеки-читальни на октябрь, ноябрь и декабрь 1918 г. на общую сумму 2380 рублей. Но земская управа не могла дать даже небольших средств. Отсутствие реального финансирования порой приводило сотрудников к неординарным поступкам. Уже после ареста колчаковцами В.Плотникова библиотекарь с семилетним стажем В.Меньшикова получила разрешение коменданта Нижне-Тагильского завода подпоручика В.Зотова осуществить постановку комедии «Весёлый месяц май» в помещении Заводского театра 2 февраля 1919 г. «в пользу Центральной народной библиотеки», штат которой состоял из библиотекаря (заведующий) с окладом 350 руб. и двух помощников с окладом по 240 руб²¹.

В указанное время Центральная земская библиотека испытывает серьёзные вызовы, грозящие ей не только потерей пристанища.

Обобществление в Нижнем Тагиле тридцати тысяч томов по декрету Совнаркома с октября 1918 г. перестало быть легитимным и подлежало отмене в пользу законных владельцев. Руководители Земской управы и библиотеки, не оспаривая право частной соб-

ственности, тем не менее, приняли попытки сохранить книжный фонд объединённым. В целях наибольшей «возможности удовлетворить духовную потребность всех граждан Нижнего Тагила» и, признавая библиотеку своей, управа в конце 1918 г. обратилась в заводоуправление, Нижне-Тагильский и Невьянский казённые винные склады с просьбой «передать или оставить свои книги в собственность Центральной библиотеки»²².

Уполномоченный Нижне-Тагильского горного округа Н.Бабенко имел честь ответить земству: «Заводская библиотека была основана во время крепостного права по желанию заводоладельцев, с исключительной целью для пользования служащих на заводах, и с тех пор по воле тех же заводоладельцев ежегодно пополнялась на средства заводов, составляет в данное время значительную ценность..., а потому и дать своё согласие на оставление или передачу заводской библиотеки в собственность Центральной библиотеки Управление не считает себя вправе...»²³.

Заведующий местным винным складом и губернский акцизный надзиратель сообщили в свою очередь, что «библиотека не может быть передана Н.-Тагильской волостной земской управе для Центральной библиотеки в собственность, а лишь оставлена во временное использование»²⁴.

Другого рода напасть, буквально выбившая фундамент из-под Центральной земской библиотеки, была также заложена Советами...

Большевики, не создав ещё экономической основы развития, нашли скорый выход в систематических реквизициях. Контрибуция, как основной источник поступления наличных денежных средств, была наложена на всех имущих, особенно самых видных предпринимателей и купцов Нижнего Тагила. Потому многие из них попросту скрылись, в том числе и Е.Е.Копылов²⁵, дом которого был изъят под библиотеку.

Властью Верховного правителя России, распространённой на

Урал, Е.Е.Копылов был признан жертвой большевизма. В свою очередь Земская управа неоднократно приглашала его как видного члена торгово-промышленного комитета в числе почётных граждан на собрания Нижне-Тагильского селения. На этих собраниях под председательством Е.Копылова собирались пожертвования в пользу армии адмирала Колчака.

Но не так просто складывались отношения. Новые власти из бывших социал-демократов и эсеров вернули купцу недвижимость декларативно, а домовладелец Копылов настаивал фактически очистить дом, в котором он ранее проживал на втором этаже над своим магазином. Сначала купец лично просил председателя управы К.Рудого «освободить мой дом от имеющейся в нём библиотеки», а 25 января 1919 г. потребовал в письменной форме очистить частное домовладение и даже «уплатить условную арендную плату»²⁶.

В конце концов, вопрос выделения нового помещения для Центральной библиотеки был вынесен на Земское собрание жителей Нижнего Тагила, а проблему пришлось решать путём переноса книжного фонда в соседний дом Мотылёва²⁷ (ныне пр. Ленина, 7), используемый тогда под «Общественное собрание». В связи с этим, весной 1919 г. по всему селению были развешаны объявления, в которых разъяснялось, что «ввиду закрытия Центральной библиотеки в доме Копылова и передачи всех книг, находящихся в этой библиотеке, прежним владельцам и учреждениям, Нижне-Тагильская волостная земская управа предлагает всем лицам, имеющим на руках книги, полученные из упомянутой библиотеки, позаботиться безотлагательной сдачей их в библиотеку или в Общественное собрание, дом Мотылёва... Лица, пожертвовавшие книги в Центральную библиотеку, а также и те, у кого книги были реквизированы Советской властью, приглашаются в месячный срок подать в Управу заявление о желании получить свои книги обратно, приложив к заявлению список книг...»²⁸.

Известно, что в середине июля 1919 г. части Сибирской армии покинули Нижний Тагил, сдав без боя один из крупных населённых пунктов горнозаводского Урала.

Советская власть пришла долго и считала развитие библиотек делом государственной важности. Произошла демократизация библиотечного дела в России, в том числе и в Тагиле.

В конце июля Нижне-Тагильский ревком при активной помощи его члена В.Р.Носова выделил молодым рабочим-активистам помещение – особняк Мотылёва. Как вспоминает член оргбюро по созыву первого комсомольского собрания Н.В.Денисов, «...в одной из комнат наше внимание привлекла довольно солидная библиотека... Те ребята, что подавали заявления в члены РКСМ, сразу же включались в работу – помогали приводить её в порядок»²⁹.

Другой тагильский комсомолец Н.Веретенев отмечал, что осенью 1919 г. Ключевской комсомольской ячейке выделили дом купца Серебрякова по Больше-Рудянской улице. Двухэтажный дом был достаточно удобен, «только мало было литературы в этом доме». Тогда комсомольцы разыскали богатую книгами библиотеку в соседнем доме купцов Треуховых, «но в скором времени пришли к нам из городского отдела образования и описали всю эту библиотеку», правда часть литературы оставили, рассказав, как её правильно оформить, вести учёт и выдавать книги³⁰.

Как же сложилась дальнейшая судьба Центральной земской библиотеки Нижнего Тагила?

По воспоминаниям библиотекарей В.Меньшиковой и О.Протовской, городская общедоступная библиотека в 20-е гг. XX в. размещалась всё на той же Александровской улице, затем меняла своё расположение не один раз, пока не заняла через полвека (1964) подходящее ей место на Театральной площади (пр. Строителей, 1).

Таким образом, открытие первой общедоступной земской библиотеки-читальни в 1913 г. явилось отправной точкой успешно разви-

вающейся сегодня Центральной городской библиотеки, приближающейся к столетнему рубежу.

И сегодня работа первых земских библиотекарей вызывает восхищение. «Библиотекарь должен быть душой дела», – читаем мы в одном из земских журналов. Именно такими были Л.Н.Рябкова, А.А.Алемасов, В.А.Плотников, В.С.Меньшикова и другие. Труд на благо народа был главным стимулом их жизненной деятельности.

Верхотурское земство Пермской губернии прекрасно понимало значимость книжного дела для духовного насыщения жителей своего отдалённого края, и, несомненно, внесло большой вклад в развитие библиотечного дела на Урале. Если в 1896 г. в уральском регионе насчитывалось 26 библиотек, то, благодаря их настойчивой работе, перед Первой мировой войной на Урале было учреждено свыше 700 библиотек¹. Библиотека Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» хранит в своих фондах журналы, доклады, сборники Верхотурского уездного земства, открытые для всех читателей.

Опыт работы земства Нижнего Тагила в конце XIX – начале XX вв. в области библиотечного дела позволил создать мощную базу для дальнейшего развития библиотек города, которые успешно работают и в настоящее время.

Примечания:

¹ Завод на Урале в XVIII–XIX вв., не только предприятие, но и поселение. Статус города Нижний Тагил получил 20.08.1919 г. по решению Екатеринбургского военно-революционного комитета.

² Баканова А.И. Земские библиотеки в Верхотурском уезде // Библиотеки Урала XVIII–XX вв. Вып. 2 / СОУНБ им. В.Г.Белинского; сост. В.И.Рябухина; под ред. Н.С.Сулимовой. Екатеринбург, 2002. С. 87.

³ Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.): [монография] / АН СССР; Ин-т этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1971. С. 183–184.

⁴ Абрамов Я. Хроника народных библиотек // Русская школа. 1902. № 9. С. 36.

⁵ Архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (НТМЗ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁶ Учительская библиотека (более 43000 книг) существует и в настоящее время как

библиотечно-информационный отдел Нижнетагильского филиала Института регионального образования Свердловской области (пр. Мира, 31).

⁷ 208237 чел., согласно энциклопедии Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Верхотурье // Энциклопедический словарь. СПб., 1892. С. 88.

⁸ Журнал Верхотурского Уездного Земского Собрания 44-й сессии. 1913. Верхотурье, 1914. С. 77.

⁹ Проект сети библиотек-читален и пришкольных библиотек Верхотурского уезда Пермской губернии // Приложения к журналам Верхотурского Уездного Земского Собрания 43-й сессии. Верхотурье, 1913. С. 132–135; Устав бесплатной народной библиотеки-читальни Верхотурского уезда Пермской губернии. Там же. С. 1–3. (Прил. № 2).

¹⁰ Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914 год... С. 77.

¹¹ НТМЗ. Отдел письменных источников. ТМ-2748. ПИ-145. Алемасова А.А. Воспоминания о моём брате Алексее Андреевиче Алемасове. Воткинск, 1960. 21 с.

¹² Алемасов Алексей Андреевич (1883–1918?) – родился в семье сельского обывателя из 7 человек в пос. Воткинске, Сарапульского у., Вятской губ. Окончил Воткинское окружное училище (1898), Благовещенскую учительскую семинарию (1902), работал на Воткинском заводе, где увлёкся революционными идеями. В 1909 г. переведён в Введенское двухклассное училище (Н.-Тагильский завод). В 1910 г. участник учительского съезда в г. Верхотурье. В 1917 г. поступил в Учительский институт в Екатеринбурге, где был арестован и погиб во время пешего этапа в Нижний Тагил, в районе Верх-Нейвинска.

¹³ НТМЗ. Отдел письменных источников. О.В. Воспоминания: разрозненные листки.

¹⁴ Доклад Управы № 36 о внешкольном образовании / Верхотурское Уездное Земское Собрание // Журналы Верхотурского Уездного Земского Собрания 45 очередной сессии 1914 года / Верхотурское Уездное Земское Собрание. Верхотурье: Типография Н.С.Ананьина, 1915. С. 210–211.

¹⁵ Плотников Василий Александрович (1873–1942) проживал в собственном доме Уральская, 12. Присяжный поверенный, член партии С.-Д. (меньшевик) с 1916 г. Член Совета рабочих депутатов с 1917 г. Как председатель Нижнетагильского Комитета по охране общественной безопасности 7.03.1917 г. телеграфировал губернскому комиссару Временного правительства о признании новой власти. Член Земской управы. В феврале 1919 г. был арестован по доносу и преследовался военно-следственной комиссией при правлении Колчака. После гражданской войны совработник, адвокат. Умер во время блокады Ленинграда.

¹⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 65. Л. 34; Кашин В.В. На службе у государства. Органы государственной безопасности города Нижний Тагил: люди, судьбы, факты. Нижний Тагил, 2008. С. 9.

¹⁷ РСФСР. Декреты. Об охране библиотек и книгохранилищ Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: декрет: [принят на заседании СНК 17 июля 1918 г.] // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 41–42.

¹⁸ Комуч – комитет членов Учредительного собрания – антибольшевистский правительственный орган, образованный весной 1918 г. и размещавшийся в Самаре.

¹⁸ Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 404. Оп. 1. Д. 7. Л. 56.

¹⁹ Согласно переписи населения в 1916 г. в Нижнетагильском селении проживало 42350. См.: Пермская земская неделя. 1916. 3 июля. (№ 36).

²⁰ НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 12. Л. 257.

²¹ Там же. Л. 42.

²² Там же. Л. 396; Д. 4. Л. 175.

²³ Там же. Д. 4. Л. 176.

²⁴ Там же. Л. 174.

²⁵ Копылов Евлампий Евграфович (1855–1935?) – купец I гильдии с годовым оборотом 300 тыс. руб. создал крупнейший универсальный магазин в Горнозаводском округе со штатом в два десятка приказчиков и продавцов, эвакуировался в июне 1919 г. вместе с Сибирской армией, жил в г. Колывань, вернулся в Нижний Тагил в 1922 г., активно торговал при НЭПе.

²⁶ НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

²⁷ Дом Мотылёва сохранился до настоящего времени и широко известен как здание, в котором 10 августа 1919 г. прошло организационное собрание молодёжной организации РКСМ Нижнего Тагила, что подтверждает установленная мемориальная доска.

²⁸ НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1. Л. 170; Д. 13. Л. 13.

²⁹ Денисов Н.В. Дни комсомольской юности: [воспоминания] // Комсомольская рать идёт...: сборник воспоминаний комсомольцев первого поколения / ред. и сост. А.Х.Фахретденова; администрация г. Нижний Тагил. Нижний Тагил, 2005. С. 40–41.

³⁰ Веретеннов Н.Ф. Для нас, молодых, улицы стали как будто шире: [воспоминания] // Комсомольская рать идёт... Нижний Тагил, 2005. С. 18.

³¹ Трескова П.П. Библиотеки на Урале в конце XIX – начале XX вв. // Культурное наследие российской провинции: история и современность. Екатеринбург, 1998. С. 239.

ВДАЛЬ ПО ВЫЙСКОЙ ДОЛИНЕ

Евгений СТАВЦЕВ,

заведующий Историко-
техническим музеем
«Дом Черепановых»
(филиал Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал»)
г. Нижний Тагил

1. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Когда тагильчанин говорит, что он отправляется на сплав, то окружающими это воспринимается, как сплав по реке Чусовой. Также восприняли и мои слова, когда я сказал, что был на сплаве. Но только не по Чусовой, а по Вые. Удивление читается в глазах у всех, кто слышит название этой небольшой речки – «что может быть интересного на реке маленькой, да ещё текущей в городской черте?». Представьте себе, что и река Выя может быть интересной.

Во-первых, река Выя течёт в самой старой части Нижнего Тагила, которая так и называется – «Выя». Именно здесь, на её берегах, в 1720 г. Никита Демидов начал строить свой первый завод на Урале – Выйский медеплавильный, таким образом, положив начало будущему городу – Нижнему Тагилу. А это означает, что берега Выи богаты историей.

Во-вторых, несмотря на свою небольшую протяжённость, Выя имеет два обширных пруда – Нижне-Выйский пруд, предназначенный для приведения в действия механизмов Медеплавильного завода; и Верхне-Выйское водохранилище – для снабжения города питьевой водой.

И, наконец, в-третьих, река Выя находится на окраине города, и большая её часть течёт через пригородные лесные массивы, что делает её привлекательной для отдыха горожан.

Ну и, пожалуй, основной причиной, по которой я выбрал для сплава Выю, стало удобное местоположение этой реки для испытания ходовых качеств недавно купленного мной катамарана. После при-

обретения катамаран был перевезён на прибрежную усадьбу музея «Дом Черепановых», моё место работы. Здесь же я нашёл компаньона для сплава, Владимира Георгиевича Токарева, моего приятеля, техника-моделиста и большого любителя видео- и фотосъёмки пейзажей природы и исторических мест. Путешествие на катамаране по реке было для Владимира Георгиевича в новинку, потому что он ни разу в жизни не сплавлялся и, вообще, не сидел на катамаране. Поэтому предстоящему плаванию он радовался как ребёнок. Признаюсь, что и меня «морским волком» назвать трудно – на сплаве я был всего один раз. Так что чувство детского восторга мы делили поровну. Дождавшись тёплых дней от уральского «Бабьего лета», мы отправились в путь.

Усадьба музея «Дом Черепановых» располагается на правом берегу и в самом конце Нижне-Выйского пруда, недалеко от плотины, за которой река Выя вскоре впадает в реку Тагил. Так что нам предстояло пройти почти по всей реке, но только против течения. Плавание против течения на открытых пространствах речного водохранилища, как оказалось, имеет свои особенности. Их мы оценили сразу после того, как наши деревянные вёсла опустили в воду.

На открытых пространствах речной акватории течение не так сильно чувствуется. Гораздо ощутимее здесь влияние ветра. На широкой воде он дует в два раза сильнее, чем на суше. И плохо, если он дует тебе в лицо. Именно это и произошло.

Несмотря на сравнительно тёплую, спокойную и солнечную погоду, порывы ветра гнали на наше су-

дёншишко одну волну за другой, отбрасывая нас к старой заводской плотине. Вместо идиллического, умиротворяющего плавания, с периодическим фотографированием окрестностей, наше плавание превратилось в тяжёлую работу. Мы налегали на вёсла как могли. Стоило расслабиться и перестать грести, как нас тотчас относило обратно метров на десять. Наши восторги от первых минут плавания несколько поутихли, а мышцы стали побаливать от постоянного напряжения.

Пройдя мимо Андреевской горы, мы приблизились к тому месту, где Нижний пруд имеет максимальное сужение, и «бросили якорь» на левом берегу.

2. ЛЕГЕНДЫ СТРАШНЫЕ И ПЕЧАЛЬНЫЕ

«Берегом судороги» мы окрестили место нашей первой стоянки. Пусть неромантично, зато эмоционально и правдоподобно, передавая физическое состояние нашего экипажа. Можно сказать, что мы поступили в лучших традициях путешественников, наносящих названия объектов на географические карты: Берег Слоновой кости; Большое Невольничье озеро; Мыс Доброй надежды; Бухта Провидения и т.д. Каждое название – целая история. Несмотря на то, что карта Выйского района не обделена географическими названиями, мы решили внести свой вклад в местную географию. Всегда интересно рассматривать карты и планы, избыточные самыми различными топонимами, от которых дух захватывает, которые зовут в путь, зовут к приключениям.

По соседству с нашей стоянкой, вверх по реке, в месте сужения Выи, есть такой мыс, чьё название у современников вызывает удивление, а раньше приводило в страх. Это мыс Каменная баня. У старожилов района сохранилась легенда о том, что на этом мысу в давние времена стояло каменное сооружение, где тайно от господ Демидовых простолюдины плавляли серебро, за что впоследствии и поплатились. Разгневанный заводоладелец ус-

троил заговорщикам настоящую кровавую баню. С тех пор люди стали называть этот подпольный сереброплавильный цех «Каменной баней». Сейчас от неё остались едва уцелевшие остатки старинного фундамента и воспоминания старожилов.

В те давние времена здесь было не столько глухое, сколько уединённое место. За мысом простирался лес и небольшая дорога до старинного медного рудника, а напротив мыса, на противоположном берегу – старообрядческое кладбище, занявшее склоны Елизаровой горы.

Гора получила название по имени старообрядческого мученика, старца Елизара, похороненного на её вершине ещё в XVIII в. Старец прослыл мудрейшим человеком, подвижником и хранителем древней веры отцов, одним из предводителей старообрядцев в новых диких землях тагильского Зауралья. После его смерти могила Елизара превратилась в место паломничества уральских старообрядцев, местом святым и почитаемым.

К сожалению, мы так и не научились чтить святых не только своих, но и чужих. В двадцатом веке кладбище сперва было закрыто (в 1909 г.), а затем вовсе снесено. Сейчас на его месте возвышаются безликие серые коробки многоэтажных домов. Интересно, подозревают ли жители этих домов, что живут на костях святого человека? Не понимаю, зачем понадобилось строить дома на кладбище, лепить их по склону горы, когда вокруг столько свободного места?

Даже после этого здешний район Выи оживлённее не стал. Здесь заканчивалась Выйская ойкумена, последними напоминаниями о которой являлись редкие рыбаки и выехавшие в выходные дни на пикники семейные пары с детьми. Мы покидали её без сожаления, так как за последним речным мысом начиналось то, ради чего каждое лето сотни горожан уезжают из своих пыльных и шумных городов; покидают свои благоустроенные квартиры и разменивают автомобили на байдарки, катамараны и велосипеды. Причиной этого су-

масшествия является для городского жителя *природа*.

3. В ПОИСКАХ ПОТЕРЯННОГО ВОДОПАДА

Панорама обширного водохранилища, больше похожего на озеро с закрывающими его горизонт лесистыми горами, постепенно открывалась перед нашими глазами. Наконец, мы миновали последний мыс, и вышли в «открытые воды» Нижне-Выйского пруда.

Здесь он разливался на целый километр с запада на восток и, действительно, напоминал озеро. Мы приплыли из реки, которая вытекает из него, а предстояло нам пройти к реке, втекающей в него и соединяющей с ещё более обширным Верхне-Выйским прудом. Данную задачу решено было выполнить до захода солнца. Что и было нами сделано в назначенный срок.

Пройдя узкими протоками, наполовину заросшими водорослями и перекрытыми подводными сетями, расставленными местными рыбаками, наше судно упёрлось носом в каменные россыпи, сквозь которые едва-едва пробивался тоненький ручеёк. Этот ручеёк и оказался той рекой, втекающей в «Выйское озеро».

– А где же Верхний Выйский пруд? – удивился я.

Владимир Георгиевич, ранее бывавший в этих местах, указал рукой на высокую стену, поднимающуюся над лесом, за каменной россыпью.

– Верхний пруд в прямом смысле слова находится наверху, за той громадной стеной, – ответил Токарев. – Я только не слышу шума водопада.

– Водопада?

– Большой поток воды падал из Верхнего пруда в Нижний с такой силой, что его шум было слышно задолго до приближения к нему.

– Где этот водопад теперь? Здесь можно слушать шум ветра и пение птиц, но шума падающей воды нет.

– Я сам удивлён, – недоумённо пожимал плечами приятель. – Помню, что водопад находился раньше чуть правее этой стены.

Несмотря на сгущавшиеся сумерки, мы решили заняться поиском пропавшего водопада.

Катамаран был оставлен нами под старым мостом разрушенной узкоколейной железной дороги, по которой раньше возили лес из посёлка Дальнего.

Наши поиски вскоре увенчались успехом. Мы вышли на склоны удивительного ущелья, дно которого сплошь было усыпано огромными, размером в несколько метров, каменными валунами. Многие из них были обтёсаны водой до гладкой формы. Кое-где скопление нескольких валунов образовывали природные ванны. Вот только воды в них не было. Лишь тоненькая струйка робкого ручейка скромно журчала под огромными камнями, спускаясь в сторону Нижнего пруда. Это каменное ущелье и было Потерянным водопадом.

Как сооружение искусственное, его жизнь зависит от того, насколько будут приподняты шлюзы Верхнего пруда, чтобы спустить лишнюю воду вниз по ущелью. Учитывая тот факт, что минувшее лето выдалось на редкость засушливым, уровень воды в прудах и реках снизился, что привело к отказу от надобности выпуска воды из Верхнего пруда, а, соответственно, и к временной остановке жизнедеятельности водопада. Такова причина его исчезновения. Но стоит только воде в Верхнем пруду подняться выше установленной нормы, как пропавший водопад вновь оживёт и оглушит здешний лес своим громким разговором.

Прожив большую часть своей жизни на Урале, я до сих пор не перестаю удивляться тому, до какой степени человек способен изменить окружающий его ландшафт. Это особенно ярко чувствуется здесь, на Горнозаводском Урале. Вспомните гору Высокую и тагильскую поговорку, связанную с ней – «*Была гора Высокая – стала яма глубокая*». В ней вся история освоения русскими людьми Урала. Нельзя однозначно сказать, что его природа пострадала от такого освоения. Где-то пострадала, несомненно, но с другой стороны от вмешательства человека она не стала

менее прекрасной, а где-то и вовсе преобразилась. Как же не вспомнить крепостного гидротехника XIX в. Клементия Ушкава, который, выкопав свою знаменитую Канаву, превратил Черноисточинский пруд в жемчужину Тагильского края. А живописные берега Ленёвского водохранилища и Нижнетагильского пруда? Всё это искусственные сооружения. А Выйский пруд, по которому мы приплыли сюда, чтобы увидеть ещё одно рукотворное создание человека – Потерянный водопад?!

Именно так мы называли это замечательное место. Хотелось бы ещё раз приехать сюда, когда водопад оживёт.

4. УТРЕННИЕ «ЗВЁЗДЫ»

Диск серебряной луны с каждой минутой светил всё ярче. Нам нужно было торопиться пройти уже известным фарватером через узкие протоки обратно в Нижний Выйский пруд.

Удивительное это дело, скользить по застывшему зеркалу водной глади, в котором отражаются холодные звёзды, чей отблеск тревожат лишь всплески вышедшей на ночную охоту щуки и лёгкие прикосновения наших деревянных вёсел. Таким сказочным мы застали Нижний пруд на исходе дня. Так можно было плыть бесконечно, слушая тишину, находясь в каком-то подвешенном состоянии, между небом и землёй. Но нужно остановиться на ночлег. Хотя бы для того, чтобы сидя у костра на берегу лесного озера, осознать всё произошедшее с нами за прожитый день.

Мы встали лагерем на берегу рядом с пристанью, принадлежавшей дому отдыха «Сосновый бор». Поскольку лагерь нам пришлось разбивать при свете костра, мы не заметили, как поставили палатку на обочине лесной тропы, по которой обычно прогуливались здешние отдыхающие. Это выяснилось утром.

Во время завтрака и после него, когда мы собирали вещи в дорогу, наши персоны своим видом и окружающим нас походным снаряжением, включая катамаран, по-ви-

димому, привлекли внимание отдыхающих, прогуливающихся по тропинке после утренней трапезы. В основном это были люди старше среднего возраста, преимущественно пенсионеры, отдыхающие по путёвкам от профессиональных и общественных организаций. Большинство из них принимали нас за рыбаков. Но когда они получали отрицательный ответ, оставались и с неподдельным интересом начинали расспрашивать о причинах нашего пребывания здесь, после чего удивлялись ещё больше.

– Вы фотографы? Путешественники? – переспрашивали нас любопытные прохожие.

После утвердительного ответа на нас стали сыпаться вопросы один за другим: Откуда мы? Куда плывём? Что интересного нам удалось обнаружить? Не холодно ли было спать ночью в палатке? Как устроен наш катамаран и какой груз он выдерживает?

Одна из пенсионерок даже пощупала рукой баллоны катамарана и, чтобы окончательно убедиться в его надёжности, села на него. Мы с Владимиром Георгиевичем охотно отвечали на вопросы, всё содержание которых можно охарактеризовать, как краткое содержание данного очерка. Получив исчерпывающие ответы на свои вопросы, в глазах и лицах этих милых и добродушных людей можно было прочесть сиюминутные всплески доброй зависти к нам и нашему предприятию.

5. В ПЛЕНУ У ЗАЛИВА ВЕТРОВ

По завершению утренней пресс-конференции в Сосновом бору мы отправились в обратный путь, который проходил через самое широкое место Нижне-Выйского пруда – «Выйское озеро». После вчерашней упорной борьбы с течениями и встречным ветром мы предвкушали, что сегодня нам не придётся прикладывать столько усилий, потому что рассчитывали плыть по течению и с попутным ветром. Однако наши расчёты на лёгкое плавание опять не оправдались. В открытых водах пруда те-

чение совсем не ощущалось, зато ветер безраздельно господствовал над всей его акваторией, постоянно относя наше судно в обширный залив.

Этот залив образует своеобразный природный карман, сильно вдающийся в северо-восточный берег «Выйского озера». Устойчивые западные ветры, дующие в этих местах, легко улавливаются этим заливом, как в ловушку. Как раз в неё мы и попали.

Признаюсь честно, мы не стали противиться природным стихиям и, подхваченные западным ветром, были отнесены к восточному берегу Залива Ветров (вот ещё одно название для глобуса Выи). Такое обстоятельство мы решили использовать с выгодой для себя. Это дало нам возможность посетить одно из интереснейших и красивейших мест речной долины Выи. Его мы обнаружили год назад при исследовании старинного медного рудника, предположительно открытого демидовским горным инженером Фотием Швецовым ещё в середине XIX в. На карте, составленной уральским геологом Александром Канонеровым, это место обозначено незамысловатым названием – Верхневыйский рудник.

Недостаток сведений не даёт мне пока права описывать историческую подоплёку возникновения этого рудника. Это тема отдельного разговора и специального исследования. Ограничусь лишь тем, что мне известно об этом интереснейшем геологическом и историческом объекте.

Когда я впервые увидел Верхневыйский рудник, заполненный водой, с высоты Швецовской горы, мне он показался настоящим фьордом, глубоко врезавшимся в скалистый каньон, куда заходили воды Залива Ветров. Однако при детальном исследовании берегов этого фьорда оказалось, что он отделён от залива небольшим перешейком, делающий этот рудник больше похожим на горное озеро, зажатое со всех сторон амфитеатром отвесных живописных скал. По словам рыбаков, посещающих эти места, глубина рудникового озера составляет более семнадцати метров, что

подтверждается исследованиями тагильских дайверов. А цвет воды, переходящий от ультрамарина до насыщенного сине-зелёного, объясняется содержанием в воде медных соединений, что ещё раз подтверждает мнение о затоплении старинного рудника подземными водами, которые продолжают бить из-под земли в нескольких местах на дне озера.

Остановив катамаран на берегу и перейдя перешеек, мы вновь, спустя год, оказались в этом удивительном месте. В прошлый раз наше знакомство с рудником вышло на середину октября, когда заканчивался листопад и осенние краски сходили на нет. Несмотря на это, впечатление от увиденного было потрясающим.

Теперь, снова очутившись в этом рукотворном каньоне-фьорде в разгар золотой осени, от буйства всевозможных красок, играющих разными оттенками в лучах полуденного солнца, просто дух захватывало. Мы бегали как сумасшедшие по отвесным склонам, жадно пытаясь запечатлеть на свои фотоаппараты всё, что попадало в поле нашего зрения. Вспоминаются слова немецкого учёного-путешественника Александра фон Гумбольдта: *«Объять весь окружающий мир – от мхов и лишайников на прибрежных скалах до звёзд, мерцающих на небосводе!»*. Так и мы старались как можно больше объять всё, что нас окружало в этот

момент в мельчайших деталях до общей грандиозной картины, созданной стихией природы и человеком. Совершенно замороженные и потрясённые панорамой открывшегося с вершины горы пейзажа, мы не в силах были говорить, потому что пела душа. Она пела от радости, восторга и удивительной красоты, не передаваемой словами. Если бы многоуважаемый художник Левитан увидел то, что сейчас видели мы, он, наверняка, написал бы ещё одну «Золотую осень», но только уральскую!

Чувства переполняли меня даже тогда, когда мы плыли спустя некоторое время по Вые, плыли попутным ветром, несущим нас обратно к Дому Черепановых, откуда началось наше путешествие. Я думал о том, что в моей жизни было время, когда я покидал Урал, и мне казалось, что навсегда. Но когда мне становилось грустно вдали от дома, я вспоминал залитые летним солнцем цветущие долины Тагильского края и широкое голубое небо, наполненное ароматом хвои и клевера.

Если теперь когда-нибудь мне предстоит покинуть Урал надолго и оказаться в краю далёком, то в моей памяти всегда будет оживать картина Выйской долины с Заливом Ветров и каньоном-фьордом в пору золотой осени, самого красивого времени года в здешних местах, которые невозможно забыть и оставить навсегда.

В

«ТОВАРИЩ МОЙ ТАГИЛ»

Подборку подготовил Василий Овсян

МИХАИЛ СОЗИНОВ

ГОРБАТЫЙ МОСТ

На железных опорах повиснув,
кинув тени плетёный фасон,
работящим большим коромыслом
поднимает полгорода он.
До костей сквозняками продутый,
паровозным дыханьем облит,
кто б ни шёл по нему, почему-то
на пролётах его постоит.
Постоит, словно что-то припомнит,
словно что-то дохнёт через верх.
Не его ли окликнула домна?
Не зовёт ли мартеновский цех?
За мгновение — хочешь не хочешь —
раскрывается подлинный смысл:
если встал, то, конечно, рабочий —
сталевар, горновой, металлост.
Здесь не встанет никто понарошку
на виду у бессонных горнил.
И проносятся мелким горошком,
что боятся коснуться перил.
Работяга с гремящим настилом,
с заводским запашком у лица,
точно он — проходная Тагила,
где берут на проверку сердца.

РЕКА

За цепью гор, синеющих к закату,
за звоном леса, вставшего стеной,
Тагил шумел на звонких перекатах,
не в силах побежать за Чусовой.
Легко жилось, когда б любая прихоть
небесной манной падала в карман.
— Уйду в Сибирь! —
он вскинул волны лихо:
— Найду свой путь.
Найду свой океан!
Столетия работали усердно,
добро и зло, не возвращая вспять.
На буреломах выросли кедры
и, век отживши, падали опять.
Тагил кипел и рвался, словно чуял,
что станет с ним потом, через века,
что поведёт к жестокому Кучуму
гремящую дружину Ермака.
И в те же дни в Москве,
в посольском зале,
со слов Кольца — не вырежешь ножом —
в пергаментные книги записали
Тагилку-речку вместе с Иртышом.
А годы вновь затягивали тропы,

и мох забвенья летописи крыл.
Но скоро изумлённая Европа
заговорила вдруг:

— Тагил... Тагил!..

А что Тагил?

Ему ль о слове спорить
с какой-нибудь воспетой рекой?
Он имя отдал городу, который
теперь прекрасно знает шар земной.

НИКОЛА МАРКИН

ЗЕМЛЯК

Барскому безделью не подвластен,
не любитель праздных и гуляк,
жил на свете бородатый мастер —
наш неизбалованный земляк.
Большелобый, кряжистый да статный,
у господ смекалки не зная,
он поставил стан листопрокатный
у реки задолго до меня.
И вода плотинная с разбега
грузные ворочала валки.
И железо в баржи и телеги
на плечах носили мужики.
Крыли им дворцовые строенья,
печи обшивали для тепла,
и звенели вёдра по селеньям,
как в престольный день колокола.
Стан стучал — выбрасывая копыт
труб на прибережные кусты.
И платила нехотя Европа
золотом поштучно за листы.
Стан гремел...
А мастер, отработав, в тень прилёт
да и не встал с земли...
В трудовую летопись почета
мы его посмертно занесли.
И взялись на деле — не за дельце! —
добрые используя права,
заработать звание умельцев,
закатав по локти рукава.

РОССИЯ

Блудила в горах непогода,
вороны кричали вдали...
А мы поднимали заводы —
уральские наши кремни.
И, смелые планы осилив,
смотрели, восторг не тая:
сияла огнями Россия —
праматерь и мать моя.
Но враг, уподобясь Батыю,

сгубить всё хотел на корню,
и мы в эти дни роковые
ковали святую броню.
И, чёрные орды осилив,
утерли слезу, не тая.
Запомнила это Россия —
праматерь и мать моя.
Поля тяжелеют от хлеба
на вольных просторах земли,
и зори ночные в полнеба
вздывают заводы-кремли.
Идём мы по утренней сини,
счастливой судьбы не тая:
сияет огнями Россия —
праматерь и мать моя.

ВЛАДИМИР ХАИН

ТОВАРИЩ ГОРОД

Когда в ночи утихнет гомон улиц
и каждый двор замкнётся тишиной,
могу расслабиться, ходить сутулясь,
могу побыть наедине с собой:
тот старый дом
я клал почти мальчишкой,
вот в этот ряд я деревце сажал,
я старился, но становился выше
и молодел товарищ мой — Тагил.
Уходят в парк последние трамваи,
кивнув на стрелке — я махну в ответ,
спят города, а мой — не засыпает,
и на него и угомону нет:
горит, горит в ночи холодной зарево,
полнеба росплеск плавок озарил —
Тагил — Москвы рабочая окраина,
мой добрый друг, товарищ мой Тагил.

* * *

На простуженных ветках
синий иней озяб.
От условной отметки
отмеряет прораб
высоту и пространство,
новый день и размер.
расстояния странствий!
безысходность потерь!
От условной отметки
начинается счёт
этажам и поэтам!
...И чему-то ещё...

АЛЕКСАНДР ЛИР

СЫНОВЬЯМ

Вы меня о том спросите,
как, судьбу свою кляня,
вышел я в грозе событий
уцелевшим из огня.
Жизнь, конечно, это благо,
если нет в ней столько зла.
Но в бараках Тагиллага
жизнь мне тягостной была.
Тут не может быть двух мнений:
я бы вновь не перенёс
тех жестоких унижений
и невыплаканных слёз.
Сердце страшными рубцами
изувечено давно —
Но навеки с подлецами
я не буду заодно.

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН

ЧЕРЕПАНОВЫ

У чугунок негде яблоку упасть.
У чугунок собирается толпа.
Удивляется толпа, горланит:
«Вот,
Черепановы решили
посмешить честной народ!
Мужики с талантом редким,
но сегодня — быть беде!
Не поедут вагонетки
без людей, без лошадей».
Но тяжёлый молоток застучал.
Это клёпку Ефим проверял.
Это он, волнуясь, словно у венца,
пот стирает с весноватого лица.
А Мирон, глуша поленом злую речь,
топку чёрную торопится разжечь.
У чугунок негде яблоку упасть.
У чугунок собирается толпа.
И шумит народ, то весел, то угрюм.
Но все шумы заглушает главный шум.
Это пар в котле взбесился, крепко сжат,
на колеса навалился, задрожал —
и колеса завертелись! Всё сильнее!
Побежали вагонетки без людей,
без лошадей.
И на горку, и под горку — так и мчат!
Черепанов распрямылся, весноват.
Со щеки смахнул слезинку, чудак:
«Я, ребята, говорить — не мастак.
Но прими, народ, вся жизнь наша — вот —
это чёрный бокастый пароход...
Чтобы легче жилось тебе... Мда...
Будет время, побегут поезда.
Будет время, когда пар и вода
станут людям послушны всегда,
и добьются люди славных вершин
при посредстве железных машин.
Будет время», — и смеётся чудак:
«Я, ребята, говорить — не мастак!..».

АНАТОЛИЙ ПШЕНИЧНЫЙ

ПОКЛОНЮСЬ ТЕБЕ

Поклонюсь тебе, город,
поклоном доверчивой ивы.
Улыбнись тебе, город,
улыбкою ясного дня.
И опять засмотрюсь
на дымов золотистые гривы,
что над шеями труб
расстилаются, в небо маня.
Пусть о смене жилья
кто-то спорит с мечтательным видом,
Пусть газеты пестрят
предложениями южных менял.
Только думаю так:
коль земля здесь богата
магнитом,
не сорвать с неё тех,
в чью породу заложен
металл.
На ночные огни
забредают к нам лоси
и рыси,
Нам земля отдаёт,
не скупясь, и грибы и руду.
И звенят паруса
у берёз Корабельного мыса,
и завод-старина
отражается в тихом пруду.
Я в Крыму обгорал,
глох от шума бескрайней,
столицы,
через Волгу летал,
вольной Каме из окон махал.
Но опять раскрывал,
как любимейшей книги
страницы,
дорогие края,
с огранённым названьем —
Урал.

ТАНК У ПРОХОДНОЙ

Вы стали историей,
годы-невзгоды.
При вас надевали шинели
заводы.
При вас у вагонных, у тракторных —
штатских
расправились плечи в строю
по-солдатски.
То дальнейшее время —
как свежая рана.
Как рана, которой зажить ещё рано.
Оно — в обелисках,
на траурных лентах
и в танках,
оставленных на постаментах...
Я вновь на Вагонке.
Бурлит проходная —
идёт,
улыбаются «очередная»...
А рядом
на камне,
вдруг замерший с хода —

«вагон»
образца
сорок третьего года.

ЛИДИЯ ИВАНСКАЯ

ТАГИЛЬСКИЙ ЛЕШЕГОН

*Изобретателю велосипеда
Ефиму Артамонову.*

Как за синими горами,
за высокими хлебами,
где стоят оградой ёлки,
жил Ефимушка в посёлке.
Не пешком и не в вагоне,
на железном «лешегоне»
он пустился в дальний путь —
на престольный град взглянуть.
Старцы дремлют в тихих кельях,
ребятишки в колыбелях.
Ливень хлещет вкривь и вкось,
землю вымочил насквозь,
а Ефим без вспоможенья
путь торит через селенья.
Не берут Ефима страх,
ни медведушко в горах,
ни грошей в котомке малость,
ни лихих людишек шалость...
...По просёлочной дороге
«лешегон» тот круторогий,
подставляя ветру грудь,
три столетья держит путь.

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ

МЫ — МЕТАЛЛУРГИ

Мы твёрдо знаем в жизни своё место.
В работу каждый день идём, как в бой.
Куём металл и мнём его, как тесто,
и льём искрящей звонкою струёй.
Не жалуясь, сгораем у мартенов,
Упорство ценим, сметливость и толк.
Несём в цеха, несём из смены в смену
любовь свою, привязанности, долг.
И нам послушны доменные печи...
А после смены, к нам войдёт в дома,
положит на натруженные плечи
свои ладони РОДИНА сама.

НИКОЛАЙ ЖЕРЕБЦОВ

* * *

Январский призрак. Звон в Тагиле.
На фонарях висит пурга.
Пути в прошедшее застыли.
Лёд прорастает берега.
До дыр залистаны заветы.
Их чтением свету не помочь.
От горсовета до рассвета
Простёрлась нежилая ночь.
Снежинки — что им? В глаз ли,
в бровь ли —
Летят в незримый тарарам.
Где храм? Здесь — техникум торговли,
Звонят. Проторговали храм.

ИРИНА КАРЕНИНА

* * *

Мой град обречённый,
горьки наши тёмные беды,
И гордость, как бешеный пес,
обрывает парфорс.
Как страшно нам было, и как далеко
до Победы —
Но голод и холод сносить мы учились
без слёз.
И танки врывались в великую, дикую
бойню,
И заживо парни горели в тяжёлой броне...
Мой град обречённый,
мой самый жестокий, конвойный,
Не даст мне покоя и в очень счастливой
стране.

Возможно, мы в наших лесах
и горах одичали,
И слишком остры наши зубы,
и резок наш смех.
Но я, вспоминая свой Город
Великой Печали,
Об улицах всех его плачу и жителях всех.
Мой град обречённый, мой каменный,
мой твердолобый!

Найдётся ли рай, где ты будешь навеки
спасён?
Мне душу сжигает клеймо твое,
старый твой соболь,
А значит, я выживу, выдержу, вынесу всё.

* * *

Выйдем ночью: мало звёзд.
Через речку, через мост —
Красный Камень, Выя... Что
За холодное пальто!
Если б на метро сейчас! —
Только нет его у нас,
В страшном городе Н.Т.,
В красоте и пустоте.
Поцелуй — мимо губ.
Горький дым от длинных труб.

ЕЛЕНА ИОНОВА

* * *

Я подарю тебе свой город,
Где проще жить в мечтах и пьянстве,
Где смех, всё чаще без причины,
Напоминает лай собак.
Я подарю тебе свой город,
Где пахнет гарью ветер странствий,
Где от рожденья до кончины
Всё будет так, и только так.

ТАМАРА КАЗАКОВА

В ПАРКЕ БОНДИНА

1.
Я долго в парке простояла
вчера под небом голубым:
знамения судьбы искала,
но плыл один осенний дым.
Весь мир притих и затаился,

ветвей чернели кружева,
дым тихим призраком струился,
слегка кружилась голова.
Быть может, дан был знак мне тайный,
но не сумею разгадать,
когда по прихоти случайной
меня коснулась благодать.

2.

Тяжёлые воды осеннего пруда
качают увечный собор на волне —
и замерло всё в ожидании чуда,
что медлит и медлит свершиться, покуда
гора оплывает в закатном огне.
Бедой и враждой опалённые стены
собора, плотина и чёрный завод,
и я — мы сошлись на краю Ойкумены,
где души-сигналы и души-антенны
дробятся и множатся в зеркале вод.
Касаясь друг друга средь плеска и света,
не всё принимаем, что можно извлечь:
последний поклон уходящего лета
в нас, может быть, вовсе не ищет ответа
— непереводаима осенняя речь.

ВАСИЛИЙ ОВСЕПЬЯН

ЗАЛОЖНИКИ

Гиганты пятилеток воспевая,
чиновники в полемике остры.
А Ладога — от грязи, чуть живая.
А в Волге — умирают осетры.
Уже мутнеет зеркало Байкала.
Мелеют Таватуй и Увильды.
Дымит Тагил — «жемчужина Урала» —
и ржавый дым, как знак большой беды.
Заложники тяжёлой индустрии,
чего-то ждём и верим в чудеса.
Как волосы, до времени густые,
редеют корабельные леса.
Что сказки? —
в них всё гладко и пригоже.
Что слоганы? —
осколки звонких строф,
когда Земля шагреновою кожей
сжимается под гнётом катастроф.

Я долго в парке простояла.
Тамара Казакова.

В прибрежном парке Нижнего Тагила
люблю бродить при свете фонарей
и вспоминать о времени, что было,
поскольку Краеведческий музей
его хранит в магнитах, в малахитах,
в неповторимых солнечных часах,
в окладах и в портретах знаменитых,
и в кованых надежных сундуках.
Проходит всё.
И говорить не надо
про новый век, что встал на стапеля,
коль жизнь дана, как высшая награда,
то значит с нами Небо и Земля.
Вы в Петербург уехали без грусти.
Там Летний сад и прочие сады.
Но разве вас когда-нибудь отпустит

железный край с навалами руды,
с собором воскрешённым и воскресшим,
со снегом, что похож на молоко,
с друзьями и часовенькой-скворечней,
которая взлетела высоко?!

* * *

В.Колобову

Холодные мутные дни.
Промозглые серые дали.
И листьев поблекших медали.
И чёрные мокрые пни.
И птички большие стада,
презревшие страх расстояний.
— Куда, вы, родные, куда? —
Дождёмся ли новых свиданий?!
И грусть от недавних разлук.
И жизнь, как излука, кривая.
И рядом — река Чусовая,
откуда не тянет на Юг.

* * *

Этот город в золоте огней,
в алом свете домен и отвалов,
средь лесов и горных перевалов
светится, как будто порт Сидней.
Что зовёт меня опять туда?
Что так завораживает душу?
То ли прошумевшие года,
то ли клятвы, коих не нарушу.
Сан-Дonato, Смычка и Тагил —
по вагону бродит запах дыма.
Видимо, любовь необъяснима,
если ты когда-нибудь любил...

В

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР СТАРОЙ ВЫИ

Евгений СТАВЦЕВ,
заведующий Историко-
техническим музеем
«Дом Черепановых»
(филиал Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал»)
г. Нижний Тагил.

Мой друг, художник и поэт (по технической части) Владимир Георгиевич Токарев как-то обмолвился, что больше десяти лет назад ему удалось побывать на старинном руднике времён Демидовых. Этот рудник находится на левой стороне Выйского пруда, за Пырловкой и Старой Выей. Я, признаюсь, не сразу отреагировал на слова товарища. Да и времени не было уточнять, что это за рудник, когда его основали, кто его основал? Мало ли какие рудники есть на Урале, тем более в районе Нижнего Тагила. Ну вот, изучая труд профессора В.С.Виргинского «Фотий Ильич Швецов», моё внимание привлёк материал о старом Полевском руднике, в котором добывалась медная руда в 1820–30-е гг. Рудник был основан выдающимся горным инженером Швецовым, сыгравшим важную роль в техническом развитии Демидовских заводов. Вот тогда-то я вспомнил о том, что мне говорил Токарев. Мы решили осмотреть старинный рудник. Может быть, это и есть Полевской рудник? Дождавшись хорошей погоды, мы отправились в экспедицию, на поиски старого рудника.

Наш путь пролегал из музея «Дом Черепановых» через старую часть Выйского посёлка, распложенного на левом берегу старинного заводского пруда. Старую Выю мы пересекали по Заречной улице. Я был приятно удивлён, увидев здесь сохранившиеся дома, типичные для старой застройки времён Демидовых. Несмотря на покосившиеся заборы и просевшие крыши, всем своим внешним видом, своими резными карнизами и наличниками, своими коваными дверными петлями и засовами, своими потемневшими от времени бревенчатыми срубами и серповидными слуховыми окнами на низких чердаках, эти дома вызывали уважение и почтение. Такое по-

чтение, какое мы испытываем к седицам мудрецов, хранящих тайны давно минувших дней. Быть может, эти дома – ровесники Черепановых, в них жили люди, которым довелось видеть запуск первого русского паровоза? И радостно сейчас, через столетия после тех легендарных событий, видеть в окнах этих горнозаводских избушек цветастые шторы, печной дымок из покосившихся кирпичных труб, и слышать доносящееся из-за ветхих заборов брехание сторожевых псов. Старинные горнозаводские дома продолжают жить своей тихой привычной жизнью, не смотря на то, что вокруг них то с одной, то с другой стороны каждый год вырастают каменные особняки, больше похожие на крепости и дворцы аристократов, нежели на дома простых обывателей.

Двигаясь по Заречной улице, мы предприняли несколько попыток узнать у местных жителей, что они знают о старинном руднике и мысе «Каменная баня», находящемся на левом берегу Выйского пруда. Этот мыс должен находиться поблизости от рудника. Существует легенда, что на нём очень давно стояло каменное сооружение, в котором тайно плавляли серебро и пытали непокорных. Сейчас, якобы, сохранились остатки фундамента от этой «бани». На наши расспросы местные жители в ответ пожимали плечами.

Лишь одна женщина указала, что на выходе с Заречной улицы находится Андреевская гора, а за ней, в лесу есть рудник, называемый Андреевским. За название горы мы с Владимиром Георгиевичем, конечно, были благодарны женщине, а вот неожиданно всплывшее второе название Полевского рудника нас несколько обескуражило и привело в некоторое замешательство: до сегодняшнего дня я был твёрдо уверен, что старый рудник

за Выйским полем называется Полевским, что подтверждается в документах и научных изданиях. Ни о каком Андреевском руднике там не говорилось. Может быть, речь идёт об одном и том же руднике? Известно, что Полевской и Андреевский рудники были медными, откуда доставлялась руда на Выйский медеплавильный завод. Этот вопрос с названиями рудника так для меня и остался открытым.

Спустя некоторое время мы вышли на окраину Заречной улицы и, действительно, упёрлись в склон Андреевской горы – голого холма с геодезической вышкой на вершине, высотой где-то не более двухсот метров выше уровня моря (192 м). Наблюдательный пункт для обозрения Выйского района города отличный. Но вот только наблюдения лучше всего проводить после полудня, потому что утром солнце слепит в глаза со стороны Выи, делая её невидимой. Зато противоположные окрестности в это время просматриваются хорошо. Отсюда, с вершины горы, как на ладони открывался замечательный вид на невысокую гору, густо покрытую хвойным лесом. По словам Владимира Георгиевича именно этот лес скрывает старинный рудник, цель нашего путешествия. Мы зашагали к нему, через Выйское поле, по старой брусчатой дороге.

Гора, на которой расположился рудник, была невысокой, приблизительно той же высоты, что и Андреевская гора. Я, признаюсь, отправляясь в эту экспедицию, ожидал увидеть обыкновенную круглую выработку, больше похожую на большую яму, постепенно поглощённую древесной и кустарниковой растительностью. Но то, что предстояло мне увидеть в этом скромном, на первый взгляд, леске, сперва приятно удивило меня, а затем и вовсе, поразило моё искушённое воображение.

Преодолев небольшой участок соснового леса, поднимавшегося на невысокую горку, мы остановились на краю лесного обрыва. Перед нашими глазами открылась панорама скалистого ущелья, напоминающего каньон с террасами. Внизу, на его дне, в горах каменных осыпей, то здесь, то там, торчали глыбы, окрашенные зелёным, и даже откровен-

но синим налётом, верным признаком содержания в породах медной руды. У подножия правого склона ущелья зловещими глазницами, напоминающими глазницы черепов и дьявольски искривлённые пасти, на нас неприветливо смотрели штольни, пробитые в твёрдой породе демидовскими горняками около двухсот лет назад коваными каёлками и кирками. Таким предстал перед нами один из старейших на Урале медных рудников, названный Полевским его основателем, горным инженером Швецовым. Медная руда, добываемая здесь, шла на производство меди, которую выплавлял Выйский медеплавильный завод, находящийся на другой стороне Выйского поля. Но по мере разработки этого месторождения выработки стали заполняться водой, и дальнейшая добыча медной руды стала невозможной. Фураж на содержание лошадей, приводивших в движение машины для откачки воды, стоил дорого, а медное месторождение по своим запасам заметно уступало богатствам Меднорудянского рудника. В 1831 г. Полевской рудник по причинам выше названным решено было закрыть.

В этой истории до сих пор не понятно одно. Главной причиной закрытия рудника была вода, значит, выработки должны быть заполнены водой. А мы воды здесь не встретили. Может быть, это не Полевской рудник, а как раз тот, Андреевский?! Вопросы есть, но ответов пока нет. Рудник вытянулся полумесяцем на расстоянии не более 500 метров. За изгибом этого рукотворного ущелья, который образовала округлая скала, напоминающая остатки шихана, каменистое дно как будто скатывалось вниз. Действительно, за шиханом находилось самое глубокое место рудника. Подтверждение этому обнаруженный здесь колодец-зунф, служивший для сбора верховой воды. Всё дно ущелья, как по спиралевидной лестнице скатывалось именно в эту нижнюю точку. Колодец, был большей частью завален каменными породами, тем не менее, остатки деревянного сруба, сплошь покрытого зелёным мхов и медных соединений, ещё были различимы.

Самое низкое место ущелья, где находился зунф, упиралось в монолитные скалы, сплошной отвесной

стенной возвышающейся более чем на 20 метров. Наше внимание привлекли вертикальные рубцы, просматривающиеся по всей ширине и высоте скалистых стен рудника. Эти рубцы ни что иное, как следы бурения породы для раскалывания и отделения огромных каменных блоков. Невольно вспоминаются методы древних египтян по откалыванию блоков от скальной поверхности. Строители пирамид забивали длинные деревянные клинья в щели уже имеющиеся в скале, или в предварительно просверленные отверстия. А затем поливали эти клинья водой. Дерево разбухало, увеличивая размер трещины, и каменный блок, теряя сцепление с материнской породой, откалывался от скалы на радость древним строителям. Судя по следам на стенах рудника, демидовские горняки использовали тот же способ, что и древние египтяне. Эпохи разных тысячелетий, а методы одни!

Но больший интерес для нас представляли зияющие пасти шахтёрских штолен, говорящих о том, что наряду с открытыми методами добычи медной руды, горняки производили закрытые, шахтные работы. Они как кроты вгрызались в каменистые породы, проделывая в них настоящие подземные коридоры. Стены восточного склона рудника имеют целых пять таких штолен. Причём три из них соединены между собой, образуя подземную галерею длиной более двадцати метров.

Наше воображение поразило то, как в таких твёрдых породах люди смогли выдолбить целые коридоры. А ведь это не крымский известняк, в котором греческие монахи тысячу лет назад выдалбливали свои пещерные монастыри. Уральская медь повсеместно залегает в породах, содержащих железную руду. Такое странное соседство меди с железом давно замечено геологами, но так до сих пор толком не объяснено. А долбить известняк или железо – это не одно и то же!

Весь рудник с его разрезами, штольнями и горизонтальными террасами отлично просматривался с вершины одного скалистого утёса, выдающегося в центральной его части, придавая этому рукотворному ущелью форму полумесяца. Этот утёс представлял собой обнажив-

шуюся в результате горных работ каменную сердцевину горы, которую вскрыли рудокопы в поисках медной руды. То есть, как вы правильно поняли, данный рудник находился на горе, которую мы ранее приметили с вершины соседней Андреевской горки. С нашей лёгкой руки, эту гору мы решили назвать горой Швецова. (Поразительно, что как окажется позже, эту гору местные жители почти так и называют – Швецовской. Сами того не зная, мы дали повторное название одному и тому же объекту. Вот только местные жители связывают название горы с якобы имевшейся у её подножия дачей Фотия Ильича, а не из-за рудника, основанного им на этой горе). Быть может, 180 лет назад выдающийся минералог и горный инженер, стоя на этой вершине, наблюдал за ходом производимых у её подножия работ по добыче меди. Тогда ему было, ни много ни мало, всего 25 лет от роду. Фотий Ильич Швецов недавно вернулся из заграничной командировки, длившейся более семи лет и закончившейся окончанием Парижской горной академии – лучшего учебного заведения Европы в области геологии, геогнозии и минералогии. По словам отечественных и зарубежных специалистов горного дела, Швецов признавался едва ли не самым способным и талантливым горным инженером на уральских заводах.

Вот только заводское начальство не хотело этого признавать. Причиной такого недоверия к новому инженеру, быть может, стал его слишком юный возраст, а может быть простая человеческая зависть. Потомственные «заводские господа» не терпели возле себя подобных «выскочек из народа», из крепостных, да ещё получивших разностороннее европейское образование. Швецова долгое время намеренно не допускали до работы, ссылаясь на то, что его теоретические знания и изысканные манеры далеки от практических реалий грубой горнозаводской жизни. Деятельная натура молодого инженера не привыкла долго находиться без дела: Швецов добивается разрешения вести разведывательные работы, и повёл разведку новых месторождений «в соответствии с горными правилами».

К таким новым месторождениям относится Полевской медный рудник.

Впервые Швецов упоминает о нём в своём письме П.Н.Демидову в его Петербургскую контору от 18 января 1829 г. Помимо основанных новых платиновых приисков, Швецов даёт описание и нового медного рудника на Выйском поле. С момента возвращения Фотия Ильича на Урал из заграничной командировки (в августе 1828 г.) до открытия нового медного рудника – менее полугода. Таким образом, Полевской рудник для Швецова стал одним из его первых детищ, где он впервые на практике применил свои знания, приобретённые в Европе. Новый медный рудник явился, своего рода, экспериментальной площадкой, на которой молодой инженер осуществлял свою «пробу пера», непосредственно как специалист по горному делу. Практический опыт, приобретённый Швецовым на Полевском руднике, пригодился ему в дальнейшей работе уже на знаменитом Меднорудянском руднике, главным управляющим которого он вскоре становится. Так что путь Фотия Швецова к большому малахиту начинался здесь в «Ущелье полумесяца» – Выйском Полевском руднике.

Спустившись с горы Швецова, мы обнаружили ещё одну искусственную выработку в северной части от рудника. Она представляла собой глубокую продолговатую яму, заросшую хвойным лесом. Здесь царил полумрак и сырость, от которых привольно расползлись по каменистым россыпям пушистые мхи. Дикость и заброшенность, в сравнении с соседним рудником, заставили нас вскоре покинуть это неприветливое место.

Наша маленькая экспедиция, казалось, подходила к концу. Изучив главную достопримечательность этого района – Полевской рудник, мы отправились в обратный путь. Так и закончилось бы наше путешествие, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что я и Владимир Георгиевич относимся к той категории людей, на которых распространяется два железных правила: «Если есть дыра – в неё нужно залезть», и второе правило – «чем выше, тем интереснее». Обхо-

дя с восточной стороны медный рудник, я заметил идущий от него небольшой подъём, за которым не просматривался горизонт. Движимый интересом, я окликнул Владимира Георгиевича, и мы, руководствуясь «вторым железным правилом», направились вверх в надежде увидеть недостающий горизонт.

То, что мы увидели через минуту, поразило нас не меньше, чем героев Конан Дойла в романе «Затерянный мир». Земля буквально ушла у нас из-под ног. В одно мгновение мы оказались на краю огромной пропасти. Дух захватило от увиденного. Мы побросали сумки на землю и стояли как замороженные. От кончиков наших ботинок, нависших над пропастью, до самого горизонта, на многие десятки километров раскинулась широкой панорамой изумительная по красоте картина уральской природы. Голубые озёра, отражающие плывущие по небу облака; горная река, зажата отвесными скалистыми берегами; таёжные леса, одетые еловым бархатом, пестрели на солнце золотом осенних лиственниц; а на горизонте волнами поднималась цепь горного хребта. Урал, во всём своём величии, суровой красоте и освежающем просторе предстал перед нами! Создавалось такое ощущение, что этот пейзаж вобрал в себя все красоты Урала. Любопытный путешественник, посетивший наши края, смог бы отыскать на этой картине те пейзажи уральской природы, которые составляют его гордость и сделали ему имя: здесь и Чусова, и Черноисточинский пруд, и долина Мартыяна, ...и даже норвежские фьорды с горами Скандинавии.

А между тем, это всего лишь Верхне-Выйский пруд и его окрестности с высоты птичьего полёта. Но какой эффект неожиданности! Кто бы мог подумать, что за этим небольшим лесистым холмиком, который мы утром рассматривали с вершины Андреевской горы, скрывается целый мир – затерянный мир Старой Вьи, красивой и таинственной страны со своими загадками истории.

Как часто мы, любители путешествий и приключений, стремимся в далёкие неизведанные края, не замечая, что *Terra Incognita* и «затерянные миры» находятся, буквально, за порогом нашего дома.

Каньон-фьорд.

Штольня Улыбка.

Штольня Пасть.

Горнозаводская изба на ул. Заречной.

Общий вид рудника.

Затерянный мир Старой Выш

Ущелье полумесяца.

Портрет интеллекта

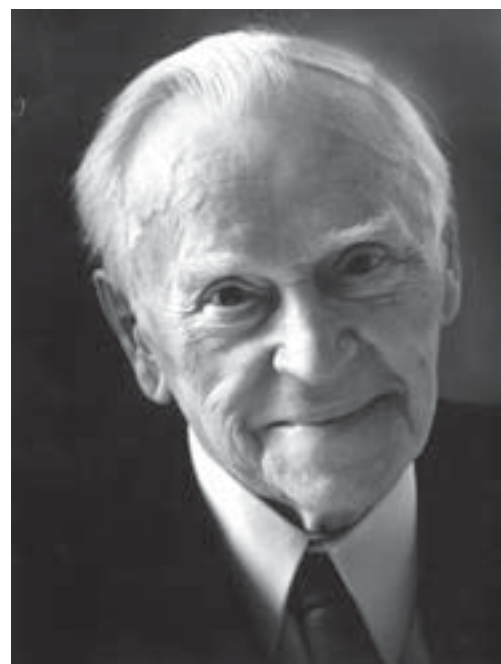
Лауреаты Демидовской премии (1994 г.)

Раушенбах Борис Викторович (1915–2001)

Академик. Российский физик-механик, один из основоположников российской космонавтики. Более 20 лет заведовал кафедрой Московского физико-технического института. Автор книжных бестселлеров по вопросам зрительного восприятия изображений и теории перспективы в искусстве, в частности – историографии. Был председателем Научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», возглавлял движение российских немцев за национальное возрождение. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Демидовской премий. Демидовская премия вручена в 1994 г. за выдающийся вклад в развитие механики и теории управления.

Баев Александр Александрович (1904–1994)

Академик РАН и РАСХН. Советский врач, выдающийся учёный. Основные труды по молочной биологии: клеточному дыханию, химическому строению и функции транспортёрки РНК и др. Инициатор создания и руководитель государственной программы «Геном человека». В 1937 г. необоснованно репрессирован, провёл в заключении 12 лет. 40 лет (1954–1994) проработал в Институте молекулярной биологии АН СССР. Государственная премия СССР (1969), Герой Социалистического Труда (1981). Награждён золотой медалью им. В.А.Энгельгардта (1994). Демидовская премия вручена в 1994 г. за выдающиеся достижения в области химии и биологии.

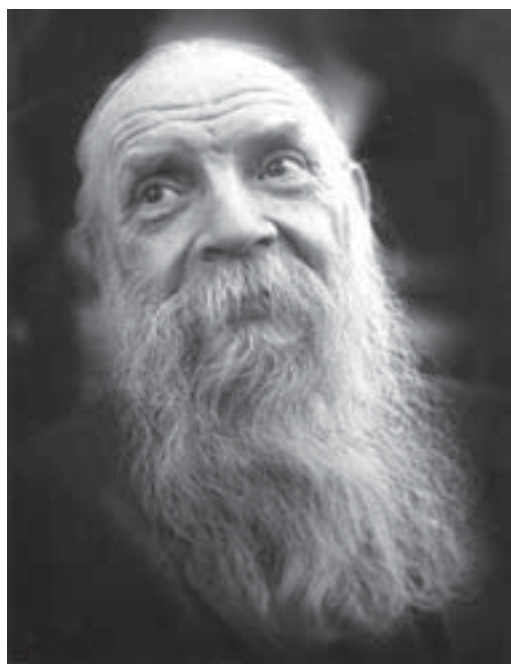
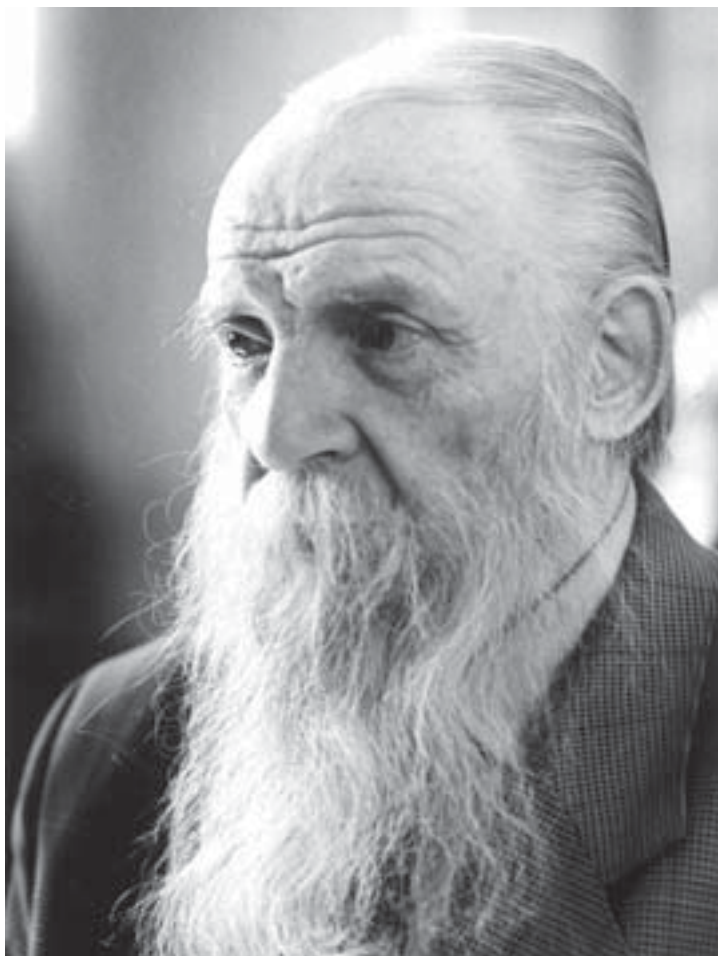
Кропоткин Пётр Николаевич (1910–1996)

Академик. Крупный учёный-геолог и геофизик. Основные исследования связаны с вопросами региональной геологии (Казахстан, Дальний Восток) и геотектоники (тектоническое развитие земной коры и Земли в целом, дрейф материков, связь гранитного магматизма с тектоническими процессами).

Происходит из старинного княжеского рода. Кропоткины-Рюриковичи, в прошлом князья Смоленские. Внучатый племянник теоретика анархизма Петра Алексеевича Кропоткина. Заведующий тектоно-геофизической лабораторией Геологического института АН СССР (с 1959). Демидовская премия вручена в 1994 г. за выдающиеся достижения в области наук о земле.

Толстой Никита Ильич (1923–1996)

Академик. Выдающийся славист, исследователь народной духовной культуры, филолог – специалист по истории славянских литературных языков, славянской диалектологии и семасиологии, основатель русской этнолингвистической школы. Правнук Льва Толстого. Был членом Президиума РАН, почётным членом многих академий мира. Возглавлял Советский, а затем Российский комитет славистов. В 1990 возглавил редколлегию ПСС Л.Н.Толстого. В 1993–1996 гг. являлся главным редактором основного лингвистического журнала страны – «Вопросы языкознания». Демидовская премия вручена в 1994 г. за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук.

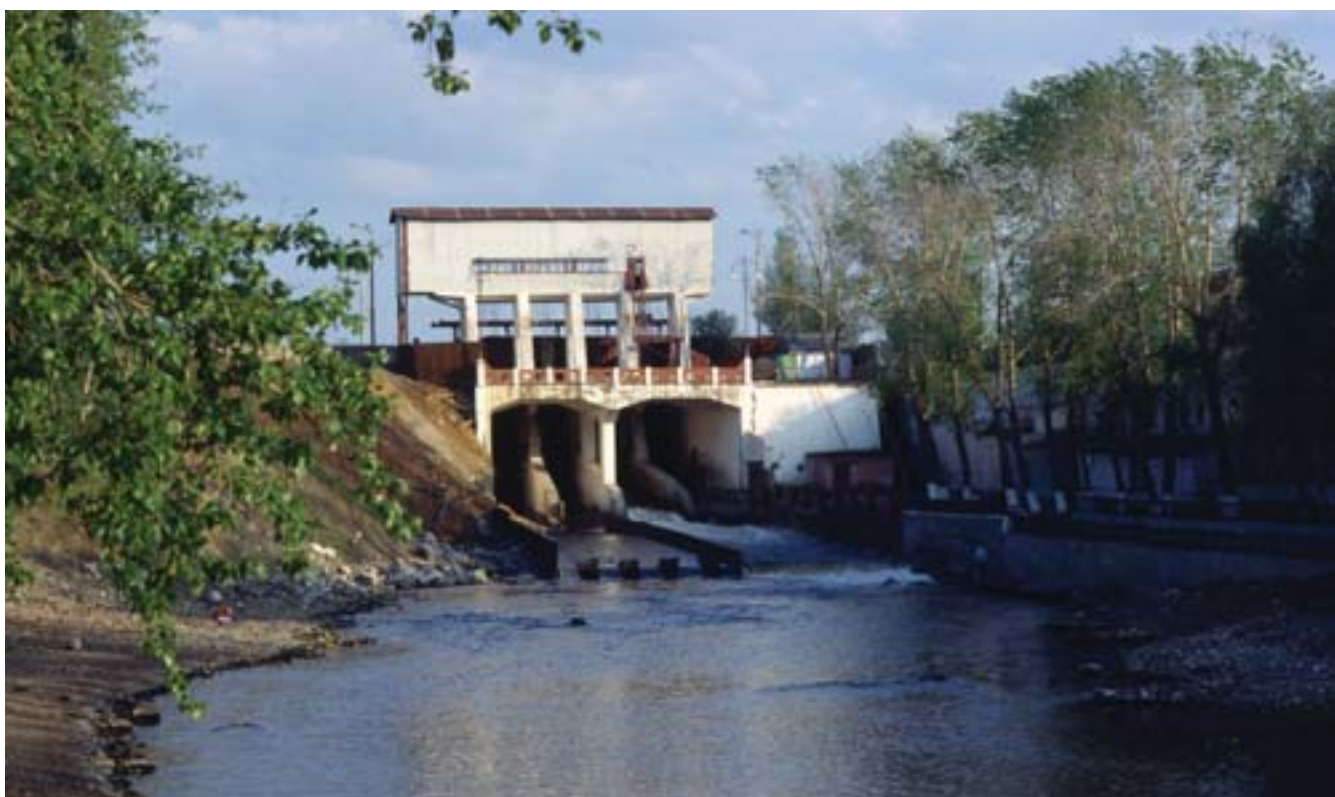

Панорама исторического центра города Нижний Тагил.

Музей-завод. Вид с Лисьей горы.

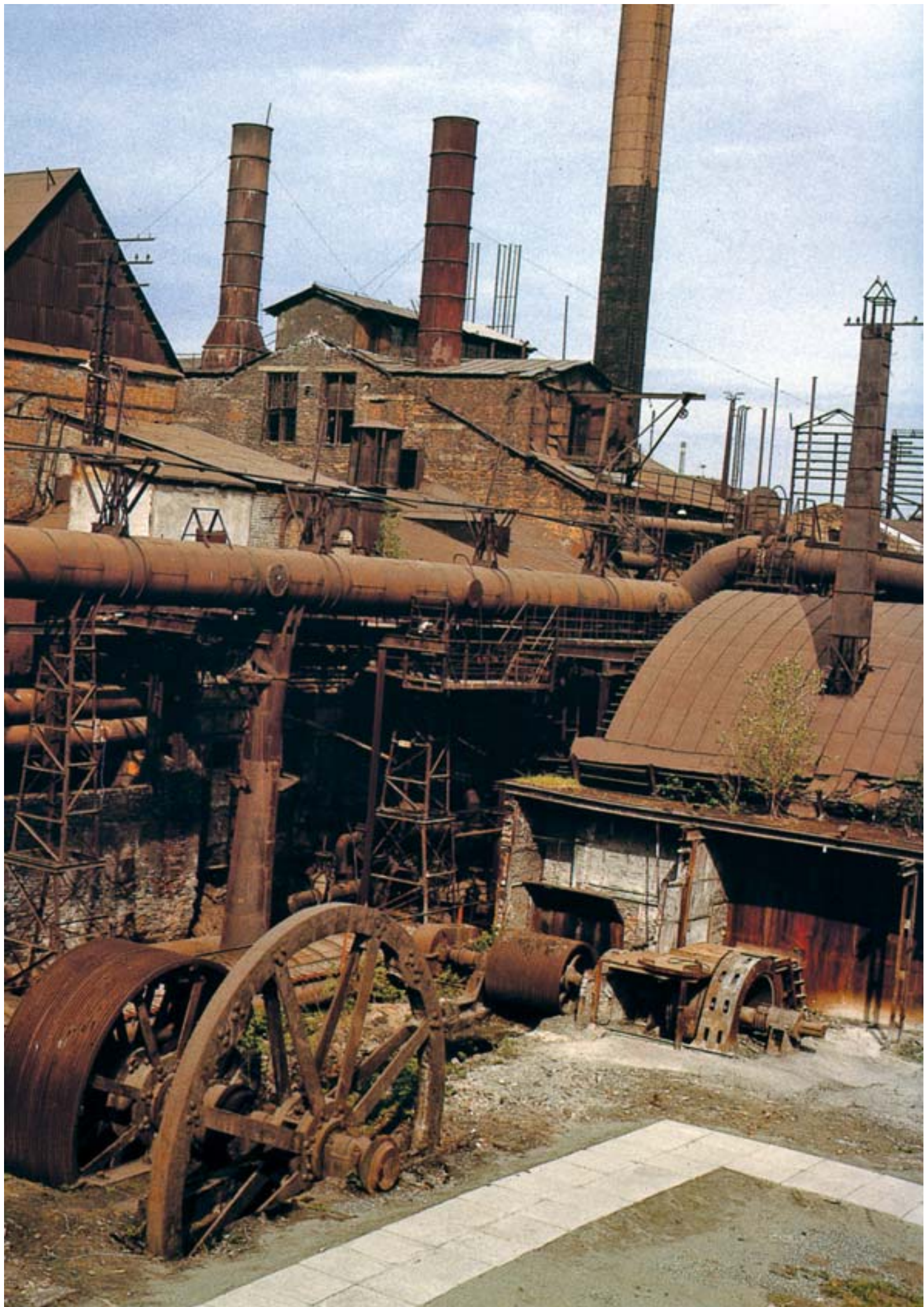

Плотина. Вешнячий прорез. Подъемно-шлюзовое оборудование. Современный вид.

Чижене-Тлагильский музей-завод

Здание механического цеха, 1870 г.

МУЗЕЙ-ЗАВОД: ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА

Анатолий КУРЛАЕВ,

аспирант сектора методологии
и историографии
Института истории
и археологии УрО РАН.
г. Екатеринбург

Одной из наиболее важных составляющих историко-культурного богатства Урала является промышленное наследие. Уникальные архитектурные формы, вмещающие особую индустриальную эстетику, достижения технологической и научной мысли, воплощённые в гигантских железных конструкциях, символизирующие целый этап истории человечества, а также формировавшийся веками ритм заводских будней, образ жизни и мысли рабочего, индустриальный ландшафт стали для жителей городов неотъемлемой частью их малой родины.

Наш регион, славящийся своей индустриальной мощью, на протяжении последних десятилетий испытывает значительные трудности в этой отрасли экономики. На переходном экономическом этапе 1980–90-х гг. многие из предприятий, возведённых на территории края, оказались несостоятельными. Производство промышленной продукции на заводах малых городов оказалось экономически невыгодным, предприятия остановились. В итоге жители многих населённых пунктов лишались единственного его сердца – градообразующего предприятия.

Среди промышленных предприятий определились лидеры и аутсайдеры. Для лидеров необходимым условием стало их постоянное переоснащение и модернизация заводских площадей. Аутсайдеры вынуждены выжимать из имеющихся материальных ресурсов все соки, находясь в ситуации выбора между жизнью и смертью. Правила игры стали диктовать принципы естественного отбора в условиях рынка. Жертвой этой

игры при любом раскладе становилось индустриальное наследие.

Выдающимся, вселяющим надежду примером должного отношения к наследию промышленности является создание музея-заповедника в г. Нижнем Тагиле – единственная в своём роде попытка комплексного сохранения индустриальной фактуры города, история которого в большинстве своём определена историей его заводов.

Датой основания музея принято считать 1841 г., однако уже в 1837-м была открыта выставка образцов продукции завода, специально подготовленная к приезду в город будущего императора Александра II. Среди основных экспонатов созданного музея были предметы из фамильной коллекции Демидовых. В дальнейшем же фонды обогащались образцами руд и минералов, заводской продукцией, в том числе заготовками¹. За многие десятилетия в музее скопилась коллекция, каждый из предметов которой является символом становления не только Нижнего Тагила, но и всего Урала.

Музей-заповедник включает в себя не только традиционные экспозиционные помещения и предметные коллекции. В 1980-х гг. коллектив сотрудников музея осознал необходимый вектор развития своего промышленного музея, а именно – музеефикацию закрывающихся цехов устаревших металлургических предприятий Нижнего Тагила и его окрестностей. Частью музейного комплекса стал старый металлургический завод – в том виде, в котором он был остановлен в 1989 г. Так, стараниями коллектива был образован первый в стране музей-завод под открытым небом².

Особый интерес представляет созданная и проработанная в 1980–90-е гг. концепция музея-заповедника горнозаводского дела. К её разработке привлекались учёные институтов Уральского региона: архитекторы, историки, металлурги, горняки. Концепция была утверждена в 1987 г., и предусматривала объединение в рамках музейного комплекса 30 специализированных музейных объектов в Нижнем Тагиле и других городах Урала. При проектировании учёные опирались на оригинальную схему, по которой развивались многие заводские города Урала: строительство завода начиналось с плотины и пруда, в непосредственной близости которых располагались цеха, и далее, вокруг – жилые кварталы. Сформулированная в едином проекте концепция стала передовой не только в России, но и в мире³.

Однако размах идей и творчества авторов проекта были скорректированы действительностью. Обширные пространства, по которым были разбросаны заводы, упадочное состояние городов и заводов, а также многие другие факторы рассеивали перспективы проекта. Для реализации идей требовались значительные финансовые вложения, которые бюджеты всех уровней не готовы были осуществлять. Бизнес-инвестиции, в свою очередь, требовали прибыли, однако туристическое использование этих территорий не имело на тот момент осязаемых перспектив.

Коллективу музея удалось музеефицировать лишь один из центральных объектов комплекса – музей-завод под открытым небом. Однако посетитель вряд ли сможет удивляться уникальности и богатству музея-завода. Спустя почти четверть века после остановки металлургического завода мало что

изменилось. Музейный статус лишь позволил зданиям, конструкциям оставаться на своих местах. Немалая территория музея-завода довольствуется лишь одним строением, который вряд ли способен успевать следить за всеми объектами.

Пробраться на территорию музея легко, чем и пользуются похитители цветных металлов. Усугубляет ситуацию расположение на

Заводская домна.

территории музея действующих цехов одного из заводов. Это означает, что люди, для которых музейные объекты не представляют никакой ценности, имеют к ним доступ. В то же время рельсы, балки, кирпичи и многие другие элементы недействующих заводов воспринимаются как дешёвый строительный материал для дома или гаража, и такая ситуация характерна для всего Урала. Быстро и бесконтрольно развивается бизнес по при-

ёму и переработке чёрных металлов – одна из самых значительных угроз сохранности индустриального наследия.

Между тем, при должном финансировании работа по охране памятников промышленности может быть организована. Сеть научно-технических музеев России, частью которой является и Нижнетагильский музей-заповедник, уже имеет мощную методологическую базу для своей деятельности, а также значимый практический опыт по работе именно с промышленными экспонатами.

Публикации политехнического музея – основного научно-технического музея страны, содержат значительный массив информации об особенностях работы по пополнению, содержанию (сохранению) его фондов. Так, в помощь научным сотрудникам научно-технических музеев страны была издана серия методических рекомендаций по научному описанию музейных предметов. Издания содержат исчерпывающую информацию о классификации музейных предметов, предлагают чёткие схемы и формы составления их паспорта, а также словарь и историческую справку⁴.

Отдельно стоит отметить методику оценки значимости экспонатов, разработанную сотрудниками политехнического музея⁵. Созданная система выявления и ранжирования экспонатов музеев науки и техники предлагает работнику любого музея дать в соответствии с чётко оговоренными критериями оценку музейному предмету. Оценка обязательно сопровождается текстовым обоснованием исторической, технологической ценности предмета. Итоговый балл определяет ранг предмета, причём присвоение первого ранга подразумевает заполнение

дополнительных форм и дальнейшее проведение экспертизы с целью присвоения объекту статуса памятника науки и техники.

Система оценки имеет внушительную теоретическую подоснову. Множество работ научных сотрудников и директора института Г.Г. Григоряна посвящено интерпретации науки и техники в общекультурном контексте⁶, что в итоге позволило сформулировать понятие памятника науки и техники⁷. Итоговое решение о присвоении такого статуса выносит экспертный совет, который собирается каждый год либо раз в два года. Представленные на рассмотрение музейные предметы обсуждаются советом, и, в случае вынесения положительного решения, готовится сертификат, информация о предмете заносится в базу данных и публикуется в иллюстрированном альбоме.

Таким образом, формируется четкий алгоритм идентификации памятника и его оценки. Сохранение же предмета – непосредственная задача музея как государственного института, которая подкрепляется законом «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».

На сегодняшний день необходима разработка и внедрение аналогичной системы идентификации и оценки недвижимых памятников промышленности. Система позволит не только оптимизировать усилия на сохранении наиболее значимых объектов, но и более аргументировано отстаивать право на сохранение тех или иных конструкций, строений на территории действующих предприятий. Методики работы традиционного научно-технического музея могут быть оптимизированы для работы с движимыми памятниками. Работа в этом направлении уже проводилась сотрудниками Нижнетагильского музея, в том числе в рамках проекта создания «Энциклопедии памятников индустриальной культуры Свердловской области».

Оптимизм активистов музея-заповедника внушает надежду в будущее комплекса. При активной поддержке крупного бизнеса рож-

даются новые инициативы развития комплекса. Музей стремится отвечать вызовам времени, и быть не просто экспозицией, а многофункциональным культурным объектом – центральным объектом крупного города. Проект создания эко-индустриального технопарка «Старый демидовский завод» продолжает и развивает инициативу сохранения индустриального пространства, начатую ещё в 1980-е гг. На территории завода, в соответствии с новым проектом, органично расположится культурно-досуговый комплекс для жителей города. Он будет включать выставочные залы, концертные площадки, кафе. Посетители будут иметь возможность не только насладиться привычными формами отдыха, но и дополнить их разнообразной культурной, экскурсионной программой, экстремальными развлечениями. Окружение индустриальной ауры сможет передать людям совершенно иное, неизведанное отношение к жизни промышленного города, его пейзажам.

Коллектив пытается отвечать вызовам времени, и пытается действовать как грамотный менеджер, предлагая конкретные, реализуемые инициативы, обосновывая значимость поставленных целей перед элитой и обществом. Одно из последних мероприятий, проведенное музеем, показало: власть и бизнес готовы финансировать проекты, не рассчитывая на сиюминутную прибыль. Но, помимо концептуализации и проектирования, со стороны инициаторов необходимы сметы и конкретные планы, сроки реализации замыслов. Опыт Тагильского музея доказывает, что при грамотном, комплексном и последовательном движении к цели масштабные проекты по сохранению индустриального наследия реализуемы, несмотря на неблагоприятную конъюнктуру: музейный комплекс был создан в один из самых непростых экономических периодов – на рубеже 1980-х и 90-х гг. Создание и презентация проектов развития, включающих в себя бизнес-планы, чертежи, иллюстративные материалы – именно такой язык общения наиболее понятен

государственным и бизнес структурам, находит их поддержку и уже привёл к определённым результатам.

Копилка практического опыта работы с памятниками промышленности Нижнетагильского музея может быть дополнена инициативами архитекторов и историков, что в конечном итоге формирует значительный потенциал для новых инициатив в сфере выявления и сохранения памятников индустриального наследия.

Примечания:

¹ Семёнов И.Г. Нижне-Тагильский Музей-завод как модель музеефикации крупных промышленных объектов // Сохранение индустриального наследия: Мировой опыт и российские проблемы: материалы международной научной конференции ТИССИ. Нижний Тагил; Екатеринбург, 8–12 сентября 1993 г. Екатеринбург, 1994. С. 215–221.

² Музей горнозаводского дела. Нижний Тагил. Екатеринбург, 1995. С. 31.

³ Национальный Горнозаводской парк. Структура, задачи, перспективы создания. Сборник научных статей. Нижний Тагил, 1998; Национальный Горнозаводской парк Среднего Урала: зонирование, памятники промышленности, архитектуры, истории и культуры, музейное строительство. Екатеринбург, 2000.

⁴ Методические рекомендации. Разработка типологических схем описания предметов коллекций вещевого фонда по истории науки и техники. М., 2000; Научное описание фотографических материалов: Методические рекомендации. М., 2004; Типологическая схема описания дискретных счётных приборов в паспорте музейного предмета: Методические рекомендации. М., 2005 и др.

⁵ Методические рекомендации «Выявление и ранжирование памятников науки и техники» вещевые источники-подлинники: http://eng.polymus.ru/rv?s=34&d_id=560

⁶ См.: Особенности и специфика экспозиционной деятельности в научно-техническом музее. М., 2000; Проблемы культурного наследия в области инженерной деятельности: Сборник статей. Выпуск 1. М., 2000; Выпуск 2. М., 2001; Выпуск 3. М., 2002.

⁷ Григорян Г.Г. О работе секции научно-технических музеев Российского комитета ИСОМ по сохранению культурного наследия в области науки и техники // Сохранение индустриального наследия: Мировой опыт и российские проблемы: материалы международной научной конференции ТИССИ. Нижний Тагил; Екатеринбург, 8–12 сентября 1993 г. Екатеринбург, 1994. С. 99–101.

ТРУДНОЕ РОЖДЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ГИГАНТА: ТАГИЛЬСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В БИОГРАФИИ СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС АВЕРКИЯ АРИСТОВА*

Андрей СУШКОВ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
сектора локальной истории и
истории повседневности
Института истории
и археологии УрО РАН.
г. Екатеринбург

Использованы фотографии, находящиеся на хранении в Центре документации общественных организаций Свердловской области, Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал», Нижнетагильском городском историческом архиве и Музейно-выставочном центре Евраз НТМК.

Аверкий Борисович Аристов (1903–1973) – видный советский партийно-государственный деятель, член высшего руководства СССР во времена правления Н.С.Хрущёва. В 1957–1961 гг. А.Б. Аристов занимал сразу несколько ключевых постов в советском высшем руководстве: члена Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС и заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР – фактического руководителя самой крупной в Советском Союзе республики.

Средний Урал занимает особое место в биографии Аверкия Аристова. Со Свердловской областью были связаны восемь лет его жизни, насыщенных многочисленными событиями, кардинально изменившими его судьбу и, в конечном счёте, вознёсшими его на самую вершину власти одной из крупнейших мировых держав. Инже-

нер-металлург по образованию, в Свердловск А.Б.Аристов приехал осенью 1935 г. в составе группы преподавателей Ленинградского индустриального института, направленной на Урал для укрепления научно-преподавательского состава местного индустриального вуза. В Уральском индустриальном институте он проработал четыре года, в 1939-м защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук, и в конце того же года был выдвинут на руководящую партийную работу – заведующим промышленным отделом Свердловского обкома ВКП(б). Приехав на Урал ассистентом кафедры института, А.Б.Аристов покинул Свердловск в середине войны, в 1943 г., став к тому времени вторым секретарём обкома ВКП(б), иначе говоря – вторым лицом в руководстве области...

С первых дней работы в Свердловском обкоме ВКП(б) внимание Аверкия Борисовича Аристова было приковано к проблемам, связанным с окончанием строительства и вводом в строй большого металлургического завода в Нижнем Тагиле. Первый секретарь обкома В.М.Андрианов справедливо рассудил, что такая задача может быть по плечу инженеру-металлургу, кандидату технических наук, имеющему опыт инженерной и руководящей работы на строительстве ленинградского завода «Центролит». Правда, заводы в Ленинграде и Нижнем Тагиле

* Автор выражает признательность за консультации кандидату технических наук, главному металлургу Уралмашзавода (1976–1986 гг.), директору Центрального научно-исследовательского института металлургии и материалов Министерства тяжёлого машиностроения СССР (1986–1995 гг.) Валерию Николаевичу Захарову.

Панорама строительства Новотагильского металлургического завода. 1938 г.

были несопоставимы по своим масштабам.

Строительство Новотагильского металлургического завода и технологически связанных с ним коксохимического и огнеупорного заводов началось в конце 1930 – начале 1931 гг. Согласно первоначальному проекту, металлургический завод должен был стать одним из крупнейших в мире и по своим масштабам уступать лишь Магнитогорскому комбинату. Проектом предусматривалось внедрение всего самого лучшего и совершенного, что только имелось в мировом промышленном арсенале. Предполагалось, что завод будет работать на местной руде и кизеловском коксе и обеспечивать прокатом крупнейшие предприятия региона, включая Уралмашзавод в Свердловске и вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле¹.

К окончанию 1932 г. в доменном цехе были подготовлены бетонные фундаменты под первые две доменные печи, а на заводе огнеупоров было возведено здание периодических печей, закончены фундаменты под печи и под здания цехов, построена дымовая труба. Для заводской теплоэлектроцентрали (ТЭЦ) были подготовлены фундаменты и установлена часть колонн. Пуск первой очереди завода был намечен на середину 1934 г.²...

А вот как А.Б.Аристов описывал то состояние, в котором завод пребывал спустя восемь лет после начала строительства: «...Безжизненная стройка являла собой печальное зрелище заброшенности и запустения. По всей немалой территории зияли котлованы и каналы, частью осыпавшиеся, частью залитые водой. Уныло торчали остовы коксохимического завода, доменной печи, мартеновского цеха. Вольготно себя чувствовали в недостройках лишь свившие здесь гнёзда грачи»³.

В январе 1938 г. увидел свет приказ наркома тяжёлой промышленности СССР Л.М.Кагановича «О строительстве Новотагильского металлургического завода». В приказе категорически утверждалось, что затягивание строительства завода произошло вследствие «вреди-

тельства, имевшего место в планировании, проектировании, организации и ведении работ». Констатирующая часть приказа звучала как приговор:

«Строительство и ввод в эксплуатацию Новотагильского металлургического завода преступно затянулись.

Вредительское размазывание средств и бесхозяйственность строительства привели к тому, что при затратах в 325 млн руб. за 6 лет строительства в эксплуатацию

А.Б.Аристов.

введён только один производственный бандажный цех в 1937 году, стоимостью 28 млн рублей.

Многочисленные изменения состава проекта завода и вредительская система планирования капиталовложений прежнего руководства ГУМПа (Гуревич, Каннер, Точинский и б[ывшие] руководители стройки) срывали нормальный ход развития строительства и повлекли неэффективные затраты и громадные убытки.

Результатом вредительского руководства проектированием явилось 7 генпланов завода и аннулирование более 50 тыс. штук чертежей на общую сумму 12,5 млн рублей.

Технические сметы и проекты имели многочисленные грубейшие ошибки.

Из-за дефектности смет затрудились финансирование строи-

тельства. На стройке широко практиковалось бывш[им] руководством разбазаривание средств и грубейшее нарушение финансовой дисциплины.

Трест Тагилстрой в результате резкого невыполнения плана, убытков, затоваривания и несвоевременной оплаты счетов за произведённые работы находится в тяжёлом финансовом положении, парализующем стройку.

Руководители стройки и участков свыклись с имеющими место недисциплинированностью и расхлябанностью и не ведут борьбы за укрепление трудовой дисциплины»⁴.

В приказе были прописаны организационно-технические мероприятия по скорейшему окончанию строительства, и названы конкретные, с указанием точных дат сроки пуска основных агрегатов завода. Первые две доменные, две мартеновские печи и ТЭЦ должны были заработать осенью того же 1938 г. Одновременно предполагалось ввести в эксплуатацию две коксовые батареи.

Приказ Л.М.Кагановича так и остался на бумаге. Ни в 1938-м, ни в следующем году эти объекты в состав действующих не вошли...

У Аристова сложилась своя точка зрения на причины затягивания строительства Новотагильского завода. По его мнению, в том не было чьей-либо злой воли, а просто желание превысило возможности. «Для создания одновременно трёх металлургических гигантов – Магнитки, Кузнецка и Нижнего Тагила – не хватило ни средств, ни рабочих рук, ни оборудования, – отмечал он. – Пришлось придержать строительство одних предприятий, временно поступиться ими, чтобы быстрее ввести в строй другие и получить от них отдачу»⁵.

Мнение известного специалиста по истории уральской индустрии С.В.Устьянцева отчасти созвучно с доводами А.Б.Аристова: «Страна фактически не имела сил для одновременного возведения нескольких металлургических гигантов. Достройка Магнитогорского и Кузнецкого заводов потребовала гораздо больших средств и ре-

сурсов, чем планировалось. В этих условиях тагильские новостройки, за исключением Уралвагонстроя, стали обеспечиваться по остаточному принципу. Уже в середине 1932 г. сокращение квартальных лимитов вынудило приостановить возведение доменного цеха, а к концу года – законсервировать его. То же самое произошло и со строительством ТЭЦ»⁶.

Вместе с тем С.В. Устьянцев признаёт, что не хватало не только средств, но и умения правильно их распределять: «...Реально выделенные государственные средства, по копейкам собранные у загнанных в колхозы крестьян и из скромных зарплат рабочих, на многие годы омертвляли без малейшей пользы, в буквальном смысле зарывались в землю». Что решение о создании завода было принято без тщательного изучения местных условий, особенно в части снабжения его рудой и топливом: «Развёртывать строительство крупного металлургического завода, оставляя в стороне вопрос рудной базы, – ошибка поразительная. Чтобы избежать её, не обязательно иметь специальное образование. Достаточно здравого смысла». И что в Нижнем Тагиле в полной мере проявилась ведомственная разобщённость: «Добычей руды заведовала Главруда, выплавкой металлов – Главное управление металлургической промышленности, коксом – Главкокс, огнеупорами – Главогнеупор, производством вагонов – Главвагон и т.д. У каждого из главков были свои интересы и приоритеты в направлении капиталовложений, никоим образом не согласуемые с другими главками – так и хочется сказать «баронствами»»⁷.

К вышесказанному можно добавить, что немалая ответственность за ход строительства лежала на городских и областных органах партийно-государственной системы власти. Именно партийные органы, в чьих руках сосредотачивалась немалая власть, были обязаны подняться над узковедомственными интересами, компетентно отстаивать в центральных и высших органах власти интересы

регионального развития, грамотно осуществлять контроль над использованием выделенных материально-технических ресурсов.

Но кто в те годы стоял у партийного руля Тагила и области?

В 1929–1937 гг. Уральский, а затем – Свердловский обком ВКП(б) возглавлял член ЦК партии Иван Дмитриевич Кабаков. Родился он в 1891 г. в крестьянской семье в деревне Княж-Павлово Княжинского уезда Нижегородской губернии. Там же окончил церковно-приходскую школу, безуспешно пытался учиться в местном министерском училище, в 1913 г. устроился слесарем на Сормовский завод Нижнего Новгорода. Более успешно для Ивана Кабакова складывалась партийная и революционная деятельность. Октябрьская революция вознесла слесаря в органы власти в Нижнем Новгороде и губернии, в Гражданскую войну в качестве командира отряда Красной Гвардии он участвовал в боевых действиях в районе Воронежа, после чего остался в Воронеже председателем горсовета. С 1921 г. находился на ответственной партийной работе: работал председателем комиссии по пересмотру, проверке и очистке партийных рядов в Башкирской АССР, в 1922 г. был назначен сразу ответственным секретарём Ярославского губкома РКП(б), с 1924 г. работал в Тульском губкоме партии: пару месяцев – заведующим орготделом, затем – ответственным секретарём. На Урал, в Свердловск И.Д. Кабаков приехал весной 1928 г. в качестве председателя Уральского облисполкома, а в начале следующего 1929 г. с назначением первым секретарём обкома ВКП(б) возглавил огромную Уральскую область, площадь которой была больше площади Германии, Франции, Италии и Англии вместе взятых. В 1934 г., когда трудноуправляемая Уральская область была разукрупнена, Кабаков возглавил Свердловский обком ВКП(б)⁸.

Работа Кабакова на Урале по времени совпала с грандиозными переменами в стране. С вступлением региона в эпоху индустриализации на его территории стали воз-

водиться сотни промышленных предприятий, среди которых выделялись металлургические и машиностроительные гиганты, составлявшие гордость советской индустрии, создавались новые отрасли промышленности. И.Д. Кабаков много ездил по новостройкам, произносил речи. Вникать в детали производственных и строительных технологий ему, получившему лишь церковно-приходское образование, даже при всём желании было весьма непросто. Зато подхалимы не замедлили провозгласить его вождем уральских большевиков. Уже спустя три года, как Кабаков появился на Урале, его имя стал носить вступивший в эксплуатацию Магнитогорский рудник. Спустя ещё три года в честь нового уральского вождя были переименованы г. Надеждинск и район, центром которого он являлся: отныне они стали Кабаковским и Кабаковским районом, заодно его имя было присвоено старому Надеждинскому заводу. Кроме того, именем Кабакова были названы металлургический и педагогический институты в Свердловске, строительный техникум, верхнеосетинский металлургический и синарский труболитейный заводы, колхозы и совхозы, улицы, спортивные сооружения и дома культуры в городах и посёлках⁹.

С начала строительства тагильских гигантов и до конца «эпохи Кабакова» у партийного руля Тагила сменилось несколько руководителей: П.И. Тиунов (1930–1933 гг.), М.В. Кузнецов (1933–1935 гг.), Ш.С. Окуджава (1935–1937 гг.), Л.Н. Пальцев и Г.С. Богачёв (два последних – по несколько месяцев в 1937 г.). Всех этих руководителей объединяло наличие лишь начального общего образования, специальное было не у всех и только партийное, все они имели опыт партийно-пропагандистской и организационно-партийной работы, некоторые работали в комсомоле. На заводах, если и работали, то в юные годы и на рабочих местах, к тому же весьма непродолжительное время по сравнению с работой партийной. Ни инженеров и техников, ни опытных хозяйственников

среди тагильских заместителей Кабакова не было¹⁰.

Основная масса партийных руководителей первой половины 1930-х гг. фактически представляла собой пропагандистов, умевших произнести яркую зажигательную речь. И свои функции они видели в том, чтобы зажечь в трудящихся массах огонь энтузиазма, мобилизовать, направить и т.д. Как правило, они не были в состоянии разобраться в нюансах промышленного производства, тонкостях строительства и транспорта, в экономических проблемах. Призывы И.В. Сталина к овладению техническими знаниями они игнорировали, опыта работы на хозяйственных должностях не имели. При этом ревностно охраняли вверенные им партийные структуры власти от технарей, небезосновательно подозревая в них своих потенциальных конкурентов.

Поэтому неудивительно, что в первой половине 1930-х гг. партийные инстанции сумели лишь развернуть вокруг строительства Новотагильского завода грандиозную пропагандистскую шумиху и даже нанять специального литератора для написания славной истории становления металлургического гиганта¹¹ ...

Фактическим началом строительства Новотагильского завода А.Б.Аристов считал 1939 г. Действительно, темпы строительства завода в том году значительно выросли. Стройка, наконец, вступила в период монтажа основных агрегатов первой очереди завода – доменной печи № 1, мартеновских печей, ТЭЦ. План капитального строительства завода в 1939 г. впервые за последние несколько лет был выполнен почти на 91 %¹².

Что же изменилось в 1939 г.? Что способствовало достижению столь высоких результатов?

Межведомственная несогласованность никуда не исчезла. Так, Главснаб в 1939 г. сорвал плановые поставки на строительство НТМЗ необходимого электрооборудования и различной аппаратуры. Главруда всё так же обвинялась в «недопустимом отставании в подготовке сырьевой базы (железная

В.М.Андрянов.

руда, известняк) для вновь пускаемых цехов». А Главтрансупр затянул с организацией транспортного хозяйства завода, с его укомплектованием железнодорожным подвижным составом. Не ушла в прошлое и чехарда с проектами завода: Главное управление металлургической промышленности в феврале 1940 г. констатировало «совершенно неудовлетворительное состояние с техническими проектами, рабочими чертежами и сметами второй очереди завода, в результате чего строительство но-

В.М.Овчаренко.

вых объектов в 1940 г. <...> находится под угрозой срыва». И потребовало подготовить новый (уже который по счёту?!) генплан¹³.

Главные изменения, которые произошли к 1939 г., заключались в другом. В том, что к руководству всеми звеньями огромной управленческой машины пришли новые люди. Те, что заняли ключевые административно-хозяйственные и партийно-государственные посты, ставшие вакантными в ходе массовых репрессий 1937–1938 гг. Важнейшим итогом сталинской кадровой революции стало резкое повышение образовательного и профессионального уровня партийно-государственной номенклатуры.

Безусловно, говорить исключительно о позитивных изменениях в социально-профессиональном портрете носителей власти было бы неверным. Тот же А.Б.Аристов неоднозначно оценивал влияние политических событий второй половины 1930-х гг. на уровень профессионализма управленческого корпуса. Говоря о себе как относительно молодом партийном работнике, Аверкий Борисович отмечал: «Молоды были и другие секретари и руководящие работники обкома. В силу известных трагических событий тридцать седьмого года молодые были и руководители заводов. Иные чересчур молодые и зачастую малоопытны. Одни излишне самоуверенны, другие, напротив, из опасения повредить делу, излишне осторожны. Известный тезис Сталина о сочетании старых и молодых кадров «в одной упряжке» оставался мудрой, но мало реализованной мыслью»¹⁴.

Тем не менее не вызывает сомнений, что на пленумах партийных комитетов, партийных собраниях и производственных совещаниях партийные руководители и хозяйственники заговорили на одном языке – языке специалистов. Если судить исключительно по их выступлениям, не всегда можно было с уверенностью сказать, кто именно стоит на трибуне: директор завода, управляющий трестом, председатель исполкома или секретарь парткома.

Кроме того, трагическая судьба, постигшая их предшественников, пусть безграмотных и элементарно некомпетентных, заставляла молодое поколение управленцев с большей ответственностью относиться к порученному делу.

Нижнетагильский горком ВКП(б) с мая 1938 г. возглавлял бывший главный механик Уральского вагоностроительного завода Ф.Е.Трохов. Ровесник века, в 1935 г. Фёдор Ефимович окончил Бежицкий машиностроительный институт по специальности инженер-механик-технолог, и по распределению приехал в Нижний Тагил, на Уралвагонзавод. На заводе работал конструктором, мастером, механиком цеха, с 1937 г. – главным механиком завода. Ф.Е.Трохов имел опыт партийной работы на низовом уровне: на рабфаке и в институте являлся членом бюро партячейки, полгода возглавлял институтскую парторганизацию, на заводе стал пропагандистом, членом парткома и даже недолгое время работал секретарём парткома завода. Тем не менее, отсутствие малейшего опыта руководящей партийной работы хотя бы районного масштаба негативно сказалось на эффективности его руководства крупным промышленным центром¹⁵.

В октябре 1939 г. Ф.Е.Трохова сменил выпускник Уральского индустриального института, инженер-строитель по образованию 35-летний Михаил Иванович Горбунов. Простой деревенский парень, без образования, в юности он устроился грузчиком на один из ижевских заводов, работал там черноработчим, землекопом, бетонщиком, плотником, затем – старшим рабочим и помощником прораба. За восемь лет работы строителем Михаил Горбунов сумел одновременно окончить школу взрослых повышенного типа, курсы по подготовке во втузы и три курса строительного техникума, а в 1932 г. поехал в Свердловск поступать в строительный институт. «Стойкому, выдержанному и политически грамотному члену партии», активному общественнику и передовику в учёбе М.И.Горбунову парторганизация института (в руководство

которой с 1935 г. входил А.Б.Аристов) поручила направлять работу кружков по изучению текущей политики и истории ВКП(б), в 1936 г. утвердила парторгом строительного факультета. Талантливого студента в конце 1937 г. заприметили в Свердловском обкоме ВКП(б) и взяли к себе на работу инструктором промышленного отдела. Но это не стало для него поводом забросить институт и посвятить себя партийной карьере. Пусть через шесть лет после поступления, но М.И.Горбунов сумел стать дипломированным специалистом-строителем. А спустя ещё полтора года был утверждён первым секретарём Нижнетагильского горкома

И.П.Бардин.

ВКП(б)¹⁶. Кто как не строитель по образованию и опыту работы, успевший окинуть взглядом промышленность с высоты областной колокольни, мог уверенно и со знанием дела возглавлять город, представлявший собой гигантскую стройку?

Приказом наркома тяжёлой промышленности СССР Л.М.Кагановича от 3 июня 1938 г. директором Новотагильского металлургического завода был назначен двадцативосьмилетний Василий Моисеевич Овчаренко, инженер-доменщик по образованию, в 1931 г. окончивший Днепродзержинский металлургический институт. Дип-

лом института оказался в руках В.М.Овчаренко не только благодаря целеустремлённости его обладателя, но и в силу необычного стечения обстоятельств. В 1927 г. выпускник таганрогской школы-семилетки Василий Овчаренко решил поступать в Новочеркасский горный институт, но завалил экзамен по математике. Чтобы не терять время, он подал документы на металлургическое отделение Таганрогского индустриального техникума, куда и был зачислен. Однако по истечении трёх лет обучения произошло непредвиденное: в 1930-м индустриальный техникум было решено реорганизовать в авиационный. Учащихся металлургического отделения распределили между Днепропетровским и Днепродзержинским металлургическими институтами. Весной следующего года с дипломом Днепродзержинского института молодой инженер был направлен на Макевский металлургический завод, где был назначен сменным инженером доменного цеха, через полтора года перешёл на ту же должность на Металлургический завод имени Фрунзе в Сталино (Донбасс). Время показало, что диплом инженера оказался не в случайных руках. В.М.Овчаренко достаточно быстро удалось продемонстрировать как свои профессиональные, так и неординарные организаторские способности. И он стремительно стал продвигаться по административным ступеням: сначала был назначен заместителем начальника, затем – начальником доменного цеха. 1938 г. стал для него судьбоносным: в апреле Овчаренко был утверждён главным инженером завода имени Фрунзе, а уже в июне возглавил строящийся Новотагильский завод¹⁷.

Состав областного руководства кардинальным образом изменился после того как в последних числах 1938 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) первым секретарем Свердловского обкома партии был утверждён Василий Михайлович Андрианов.

Необходимо заметить, что Андрианов, как ни рвался, так и не сумел получить высшего образова-

ния. Дважды на протяжении 1930-х гг. он совершал отчаянные, правда, безуспешные попытки получить вузовский диплом. В августе 1931 г. только что закончившего первый курс Московского института имени К.Либкнехта Василия Андрианова, успевшего зарекомендовать себя на партийной работе в качестве секретаря парткома института, забрали в Бауманский райком ВКП(б) г. Москвы заместителем заведующего орготделом. Спустя три года, став инструктором Московского горкома ВКП(б), тридцатидвухлетний Василий Андрианов предпочитает партийной карьере учёбу на механико-математическом факультете знаменитого МГУ. И вновь неудача: студента-четверокурсника в ноябре 1937 г. партийные кадровики отлучают от учёбы и направляют из столицы в Ивановскую область первым секретарём Ковровского горкома ВКП(б)¹⁸.

Эти обстоятельства, однако, не помешали В.М.Андрианову сразу по прибытии в Свердловск сделать ставку именно на специалиста высшей квалификации, разумеется, носивших в карманах партийные билеты. Первый секретарь обкома не опасался окружать себя более квалифицированными специалистами, нежели он сам: интересы дела новый руководитель области ставил превыше личных. При комплектовании руководящими кадрами партийно-государственных структур он, прежде всего, обратил свой взор в сторону хозяйственников с высшим (реже – незаконченным высшим) техническим образованием, и преподавательский состав вузов. Предпочтение отдавалось специалистам с опытом работы хотя бы в низовых партийных организациях, ячейках: это не только лишний раз свидетельствовало о присутствии у них организаторских способностей, но и наличии хотя бы минимальных представлений о принципах функционирования партийно-государственной системы власти. Немаловажным было и то обстоятельство, что анкетные данные таких кандидатов на должности неоднократно проверялись и перепро-

верялись в ходе чисток 1936–1938 гг.

На остававшийся длительное время вакантным пост председателя облисполкома Андрианов выдвинул горного инженера по образованию, директора Свердловского горного института И.Л.Митракова. Место третьего секретаря обкома ВКП(б) (вторым был аграрник) занял выпускник этого же института, недавний инструктор в аппарате обкома партии и первый секретарь Надеждинского горкома ВКП(б) А.С.Некрылов (правда, с Некрыловым Андрианов не сработался и вскоре заменил его инженером-металлургом, выпускником Ленинградского индустриального института П.Н.Иванищевым). В конце 1939 – начале 1940 гг. Андрианов «обескровил» Уральский индустриальный институт – забрал на руководящую партийную работу молодых кандидатов наук доцентов А.Б.Аристову, Н.М.Лапотьшкіна и П.А.Жукова¹⁹.

Именно этим руководителям предстояло координировать работу среднеуральской промышленности, нести колоссальную ответственность за её состояние и пути дальнейшего развития...

Заинтересованность областного руководства в возведении Новотагильского завода обуславливалась наличием на территории области крупных металлоёмких производств, среди которых выделялись флагманы советской индустрии – Уральский завод тяжёлого машиностроения и Первоуральский новотрубный завод. В Нижнем Тагиле, по соседству с НТМЗ располагался огромный Уральский вагоностроительный завод. Эти и другие предприятия постепенно наращивали своё производство и, соответственно, испытывали всё большую потребность в металле. Металл же приходилось завозить за сотни километров – с Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов. Железная дорога, особенно в зимнее время, с трудом справлялась с возрастающими перевозками. «В простейшее, как в школьной задачке, условие: «Из пункта М в пункт К вышел поезд...» – врывались внезапные морозы, бураны, в пути возник-

кали непредусмотренные остановки, и их тотчас болезненно чувствовали в Первоуральске или на Уралмаше, – вспоминал А.Б.Аристов. – В обкоме начинали тревожно звонить телефоны: «Нет металла!..» Хочешь, не хочешь, приходилось подключаться, приходиться на помощь заводам». Всё острее вставал вопрос о строительстве вторых путей на наиболее загруженных магистральных направлениях²⁰.

Эти обстоятельства вынуждали руководителей Свердловского обкома ВКП(б) требовать от вышестоящих инстанций санкции и средства на продолжение строительства Новотагильского металлургического завода.

Не все разделяли мнение Свердловского обкома партии, имелись и противники строительства Новотагильского завода. Наиболее влиятельным среди них, пожалуй, был академик АН СССР, председатель президиума Уральского филиала Академии наук СССР пятидесятипятилетний Иван Павлович Бардин. В металлургической отрасли Иван Павлович был столь же значительной фигурой, что и в академической науке. С 1937 г. он занимал руководящие посты в системе чёрной металлургии: работал в Наркомате тяжёлой промышленности СССР сначала главным инженером Главного управления металлургической промышленности, затем – председателем технического совета наркомата, в 1939 г. был утверждён заместителем наркома чёрной металлургии СССР. В Академии наук СССР с 1939 г. И.П.Бардин возглавлял созданный им Институт металлургии.

Новотагильский завод был запроектирован как гигант коксовой металлургии с большими доменными печами и мартенами с основной футеровкой. Металл из сернистых руд, выплавленный на минеральном топливе, должен был использоваться для проката грубых массовых изделий – рельсов, балок, швеллеров и т.д. Бардин же был последовательным сторонником развития традиционной для Урала древесноугольной металлургии. Иван Павлович был уверен, что потребность советской индустрии

Ручная погрузка руды на Высокогорском железном руднике.

Середина 1930-х гг. Фото В.С.Соловьёва.

в древесноугольном чугуна будет возрастать с каждым годом, что страна чрезвычайно нуждается в качественной стали, которая должна выплавляться на чистом древесноугольном чугуна. Выплавленный из чистых руд на древесном угле чугун идеально подходил для изготовления качественных отливок: деталей машин и станков, колёс Гриффина. Высококачественная древесноугольная сталь предназначалась для выделки оружия, инструментов, шарикоподшипников. Академик считал, что на Урале есть все возможности для расширения сырьевой базы древесноугольной металлургии, для чего требовалось энергично продолжать промышленную разведку, в первую очередь чистых железных руд и одновременно вести исследовательскую и экспериментальную работу по изысканию оптимальных методов обогащения этих руд²¹. Бесспорным являлся и тот факт, что древесноугольная металлургия на Урале имела прочную топливную базу.

«Мы несколько страдаем от «гигантомании» и чрезмерно больших

масштабов, не всегда применимых в условиях Урала, – предупреждал И.П.Бардин в 1939 г. – Многие металлурги, техники и экономисты пытаются сравнивать работу уральской металлургии с Магнитогорским комбинатом или Кузнецким, причём это сопоставление делают чисто механически, без учёта ряда факторов, и в этом заключается основная ошибка»²².

Учёный призывал вкладывать средства в техническое перевооружение древесноугольной металлургии, в механизацию трудоёмких процессов, в строительство новых железнодорожных путей, необходимых для обеспечения металлургического производства дровами.

И.П.Бардин считал недопустимой сложившуюся практику, когда значительная часть уральских древесноугольных чугунов подвергалась переделу в основных мартеновских печах. «Это – в корне неправильно, – отмечал академик. – Надо качественные уральские чугуны переделывать преимущественно на кислой подине; в частности, шарикоподшипниковая

сталь, выплавляемая на кислой подине мартеновских печей, получается более высокого качества, чем даже в электропечах. Так, шарикоподшипниковые заводы фирмы СКФ в Швеции работают исключительно на кислой мартеновской стали, а у нас это пока неразрешённая проблема»²³.

Для противников строительства НТМЗ были очевидны слабость его рудной базы и экономическая нецелесообразность снабжения топливом из Кузбасса. Их мнение было созвучно с точкой зрения выдающегося учёного-металлурга В.Е.Грум-Гржимайло, высказанной им ещё в середине 1920-х гг.: «Постройка заводов у Благодати и Высокой для меня совершенно не ясна. Рудники совсем не исследованы. <...> О заводе-гиганте здесь думать рано. Мы можем для него выбрать место неудачно и погубить дело, даже не начав. <...> К сожалению, уральцами овладела мания величия. Дело не в величине завода, а в его роли в жизни страны и доходности»²⁴.

Несмотря на столь авторитетные мнения, Свердловскому обко-

му ВКП(б) удалось отстоять в высших властных инстанциях продолжение строительства завода. Первый секретарь обкома ВКП(б) В.М.Андрианов и нарком чёрной металлургии СССР Ф.А.Меркулов с трибуны XVIII съезда ВКП(б) в марте 1939 г. говорили о вводе в строй Новотагильского завода как о вопросе уже решённом. «В ближайшее время будет пущен Нижнетагильский металлургический комбинат, который по своему объёму будет не меньше Магнитогорского», – заверял делегатов съезда Андрианов. Завершение строительства завода в третьей пятилетке было зафиксировано и в принятой на съезде резолюции²⁵.

Строительство Новотагильского металлургического завода было взято Свердловским обкомом ВКП(б) под неослабное наблюдение. По образному выражению А.Б.Аристова, «на ноги было поднято всё». Крупнейшие в области капиталовложения пошли на Тагильский и Ревдинский (где возводился Среднеуральский медеплавильный завод) промышленные узлы²⁶.

Имея на руках решение съезда ВКП(б), Свердловский обком партии мог рассчитывать на «зелёный свет» в самых различных властных инстанциях, где приходилось разрешать многочисленные проблемы строительства гигантского завода. К примеру, по признанию управляющего трестом «Тагилстрой» А.С.Вишневого, однажды трест «проморгал» часть оборудования для НТМЗ, и оно не было включено в специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Чтобы достать необходимое оборудование пришлось приложить немало усилий²⁷. Вне всяких сомнений, трудности были бы несоизмеримо большими, если бы не состоялось решение съезда партии, обязательного для всех властных структур.

Немаловажное внутриобластное значение имели постановления «местного партийного съезда» – Свердловской областной конференции ВКП(б). Правда, в своём докладе на состоявшейся в марте 1940 г. V областной партконферен-

ции В.М.Андрианов не уделил много места строительству Новотагильского завода (как, впрочем, и другим тагильским предприятиям). На это ему не преминул возможностью попенять с трибуны первый секретарь Сталинского райкома ВКП(б) г. Нижнего Тагила М.В.Ковалюх: «...В отношении Тагила, Новотагильского металлургического завода тов. Андрианов ограничился тем, сказав: «Нужно мобилизовать партийную организацию Тагила на пуск Новотагильского металлургического завода и коксохимического завода». Это совершенно недостаточно». Отдав должное «большевистской напористости» при постановке проблем в центральных органах власти – ЦК ВКП(б) и Экономсовете, Ковалюх упрекнул Андрианова в отсутствии непосредственной оперативной помощи Нижнетагильской парторганизации в деле пуска металлургического завода. Андрианов, пытаясь переложить основную тяжесть ответственности с обкома на Тагил, парировал: «Там большевики – крепкие». Но М.В.Ковалюх настаивал на своём: «Этот момент должен быть изжит новым составом бюро областного комитета партии и в особенности секретарями областного комитета партии...». А в качестве отрицательного примера привёл секретаря

обкома по кадрам Попова, побывавшего в Тагил лишь раз, когда в этом городе его избирали депутатом областного совета²⁸.

Первый секретарь Нижнетагильского горкома М.И.Горбунов согласился с Ковалюхом, что, несмотря на высокий «удельный вес» тагильских предприятий в промышленности области, в докладе Андрианова Тагил занял последнее место. Вместе с тем Горбунов снял с первого секретаря обкома обвинения в недооценке Нижнего Тагила: «Я не хочу этим сказать, что товарищ Андрианов не знает Тагила, товарищ Андрианов недавно был в Тагиле, был на ряде предприятий, знает предприятия, а вот товарищи, которые готовили материал для доклада, мне кажется, не знают Тагила. Поэтому получилось, что в докладе Тагил остался почти незамеченным». Как бы между прочим Горбунов поправил Ковалюха и в отношении частоты визитов в Тагил секретаря обкома по кадрам: «Товарищ Попов, когда приехал второй раз к нам в Тагил, он сказал: «Да, я теперь понял, что представляет Тагил»»²⁹.

Горбунов весьма гибко и дипломатично подошёл к тому, что ряд вопросов требует своего разрешения исключительно на уровне обкома ВКП(б). Начал он с того, что отметил заслуги обкома партии и

Экскаватор на погрузке руды на Высокогорском железном руднике. Середина 1930-х гг. Фото В.С.Соловьёва.

Строители на одном из объектов НТМЗ. Середина 1930-х гг.

персонально В.М. Андрианова в ускорении строительства завода: «При помощи обкома партии, я бы сказал, лично товарища Андрианова, неплохо сработали наши строители Новотагильского металлургического завода в 1939 году. Вы знаете, что в основном домна готова, находится накануне пуска и ТЭЦ». Но далее, в порядке критики и самокритики, отметил: «Нельзя не остановиться на том, что домна Новотагильского металлургического завода сейчас готова, можно её пускать, но нет кокса, а без кокса домну не пустишь, коксохимический завод резко отстаёт от строительства домны и ТЭЦ. Необходимо отметить, что областной комитет партии недостаточно уделял внимания и помогал городской партийной организации в части подтягивания этого участка работы. Несмотря на то, что было специальное решение областного комитета партии о Коксохимстрое и неоднократно вопрос ставился перед Наркомстроем и его главками, однако резкого сдвига, резкого улучшения работы пока мы не наблюдаем. <...> Тагильская партийная организация не разрешила вопрос в отношении рудной базы для НТМЗ. Было специальное решение областного комитета партии, однако воз поныне там. Я считаю, товарищ Андрианов, что трест «Уралруда» этим вопросом не занимается, а этим вопросом надо заниматься. Ибо, если мы в этом году не построим Лебяжинскую обогатительную фабрику и резко не увеличим мощность наших рудников, то мы придём с нулевыми остатка-

ми к началу 1941 года, тем самым поставим под угрозу работу Новотагильского и других заводов. Поэтому вопрос создания рудной базы для Новотагильского завода надо решать немедленно»³⁰.

В.М. Андрианов и без выступлений тагильских руководителей прекрасно осознавал, что развязать тугой узел проблем, связанных с пуском Новотагильского металлургического завода, «по зубам» только партийным работникам областного уровня, обладающим специальными знаниями в области металлургического производства и наделённым широкими властными полномочиями. Такие надежды он связывал с третьим секретарём обкома ВКП(б) П.Н. Иванищевым и новым заведующим промышленным отделом обкома А.Б. Аристовым. Безусловно, решающая роль в этом тандеме была за секретарём и членом бюро обкома ВКП(б), а заводделом отводилась вторая позиция. Работы, правда, хватало всем сполна.

Аристову на областной партконференции слово предоставлено не было. А Иванищев в своём выступлении ни одной из проблем, связанных со строительством и пуском НТМЗ, не уделил ни слова, упомянув завод лишь раз, да и то далеко не в деловом формате: «Я недавно был на Новотагильском металлургическом заводе, ознакомился со строительством, с оборудованием, которое туда завезено с Уралмаша на доменную и мартеновскую печь, и радуется душа, что мы делаем такое сложное и ответственное оборудование»³¹.

В резолюции конференции, обнародованной в местной печати, указывалось: «Конференция обращает особое внимание обкома ВКП(б) на необходимость повседневного контроля и руководства делом подготовки и ввода в эксплуатацию Новотагильского металлургического и коксохимического заводов и обеспеченности их рудной базой»³².

Рудная база была «ахиллесовой пятой» не только ещё не введённого в строй Новотагильского завода, но и большинства других заводов чёрной металлургии. В 1939 г. Верхнесинячихинский, Нижнесергинский и Теплогорский металлургические заводы имели простой из-за отсутствия руды. Начальник областного УНКВД И.В. Иванов на областной партконференции констатировал, что добытой в 1939 г. руды хватило только потому, что трест «Тагилстрой» не уложился в установленные Правительством сроки пуска Новотагильского металлургического завода. Руководители Серовского металлургического завода и Серовского горкома ВКП(б) всерьёз опасались, что с пуском Новотагильского завода и без того тяжёлая ситуация с их обеспеченностью рудой значительно усугубится. Даже при выполнении ближайшими Богословскими железными рудниками производственной программы Серовский завод мог рассчитывать на 160 тыс. тонн руды, тогда как четыре действующих доменных печи требовали до полумиллиона тонн³³.

Рудная база будущего гиганта стала непреходящей «головной болью» областного руководства. В.М. Андрианов и А.Б. Аристов выезжали на железные рудники и на месте знакомились с обстановкой. Лишь 37 % руд, добываемых на ближайшем к Новотагильскому заводу Высокогорском руднике, считались пригодными для проплавки, ещё 25 % требовали промывки, 37 % можно было применять только после магнитного обогащения. Подобная картина была характерна для всех рудников Тагило-Кушвинского района: основная часть добываемых железных руд нуждалась в значительной

предварительной подготовке. Особые надежды партийные и хозяйственные руководители связывали со строившейся в Нижнем Тагиле Лебяжинской обогатительной фабрикой (об этой фабрике на областной партконференции говорил тагильский секретарь М.И.Горбунов). Печальная судьба её строительства во многом повторяла судьбу строительства Новотагильского завода, для которого она предназначалась: острая нехватка финансирования, рабочих рук, бесконечные изменения технического проекта. В начале 1940 г., когда стройка отметила своё десятилетие, готовность Лебяжинской фабрики составляла всего 15 %. Очередной срок её сдачи в эксплуатацию – май 1940 г. – был сорван. Несмотря на катастрофическое положение, все рабочие с «Лебяжки» были брошены на другой «горящий» объект, на котором были сконцентрированы все материальные и людские ресурсы, – доменную печь НТМЗ. Из персонала на фабрике остались лишь 12 человек пожарной охраны. Первый заместитель наркома по строительству СССР П.А.Юдин с нетерпением ожидал пуска доменной печи, чтобы перебросить все силы на «Лебяжку». Дата ввода в строй фабрики была перенесена на ноябрь месяц³⁴.

Завод ждать столько времени не мог. Для составления рудного баланса Новотагильского завода была образована специальная правительственная комиссия. Решением комиссии основная тяжесть по обеспечению рудой завода, только одна доменная печь которого почти удваивала выплавку чугуна в Свердловской области, ложилась на Высокогорский рудник. Такое решение больно ударило по другим основным потребителям этого рудника – нижнетагильскому имени В.В.Куйбышева и нижнесалдинскому металлургическим заводам. Сбылись и мрачные предчувствия серовчан: некоторую часть руды с Высокогорского рудника получал Серовский завод. Кроме того, страдали другие заводы: трест «Уралруда» был вынужден запланировать завоз на Новотагильский завод свыше 200 тыс.

тонн руды с отдалённого Бакальского рудника. НТМЗ, в свою очередь, заявлял о притязаниях не только на Высокогорский, а на всю группу тагило-кушвинских рудников³⁵.

Директор НТМЗ В.М.Овчаренко не скрывал своего торжества. Стоя на трибуне пленума обкома 15 июня 1940 г. он, с позиций капитана металлургического гиганта, не без некоторого высокомерия предупредил своих «младших братьев» – директоров старых заводов, и в первую очередь – имени Куйбышева и нижнесалдинского, что с пуском НТМЗ они останутся без руды и известняка: «Поэтому целый ряд заводов, которые получают известняк с Ивановского карьера и руду с Высокогорского рудника, пусть твёрдо запомнят, что с пуском Новотагильского завода им не будет хватать камня, потому что в этом камне нуждается и Новотагильский завод. А старые заводы его иметь не будут». На пленуме он мог позволить себе проявлять озабоченность показателями всей чёрной металлургии области: «...У нас создаётся такая угроза, что при работе нового тагильского завода могут ухудшить работу старые металлургические заводы, и вместо прироста выплавки металла мы можем остаться на одном и том же уровне». Ему вторил управляющий трестом «Тагилстрой» А.С.Вишневицкий: «Очевидно, известняк будет на нашем заводе,

а мелкие заводы будут пищать и сидеть без известняка, если об этом не беспокоятся»³⁶.

Заносчивые высказывания тридцатилетнего директора НТМЗ вызвали на пленуме негативную ответную реакцию. Директор одного из «мелких» заводов – имени Куйбышева – Н.И.Гончаренко возражал: «...Пуск Новотагильского завода должен быть обеспечен рудами высококачественными, но не должен идти в ущерб старым заводам». Резко против перераспределения рудного баланса области в пользу исключительно НТМЗ высказывался управляющий трестом «Уралруда» А.И.Измоленов: «Это [было бы] большой ошибкой: Новотагильский завод будет обеспечен рудой, а другие заводы не будут получать». Измоленов решительно отметал претензии Овчаренко на все рудники Тагило-Кушвинского района³⁷.

Молодой амбициозный директор НТМЗ не мог тогда знать, что уже в недалёком будущем ему уготовано возглавить один из старых уральских заводов. А пока областными руководителям, включая А.Б.Аристову, предстояло подняться над межхозяйственными спорами и решить трудноразрешимую задачу: пустить гигантский завод, и при этом не дезорганизовать работу остальных предприятий...

Другой наболевшей проблемой, ставшей серьёзным препятствием на пути развития металлургичес-

Барак № 7 в посёлке Домнострой, в котором проживали 28 семей строителей НТМЗ. Середина 1930-х гг.

Строительство доменной печи № 1 НТМЗ. 1939 г.

кой промышленности, была проблема кадровая. Мало кто из руководителей промышленных предприятий и строительных организаций не жаловался на нехватку рабочих и инженерно-технических кадров. К примеру, директор старого Нижнетагильского металлургического завода имени Куйбышева всерьёз опасался, что с пуском Новотагильского завода он совсем останется без кадров – все перейдут на НТМЗ как более современное и технически лучше оснащённое предприятие³⁸. Поэтому неслучайно своё выступление на пленуме обкома в июне 1940 г. А.Б.Аристов начал с проблемы нехватки рабочей силы и путей её разрешения.

Строительство НТМЗ и сам завод в это время также страдали от кадровых проблем. Со всей остротой на повестку дня стала борьба с огромной текучестью кадров. Только за 1939 г. со стройки уволились 5247 человек, а были приняты – 5211. Строительство при этом остро нуждалось еще в 2,5 тысячах рабочих. На заводе при среднесписочном составе рабочих в 794 человека в том году уволились 1392, и были приняты 1556, то есть состав рабочих обновился в течение года трижды. Немалые трудности возникали с закреплением на стройке и заводе более квалифицированных кадров. По решению ЦК

ВКП(б) в трест «Тагилстрой» перебрасывались 15 специалистов при том, что по подсчётам руководства треста на строительстве не хватало в общей сложности 35 специалистов с высшим образованием³⁹. Но многие вновь прибывавшие рабочие и инженерно-технические работники стремились покинуть стройку. Причины тому секретом ни для кого не являлись.

Если план капитального строительства завода в 1939 г., как уже говорилось, был выполнен почти на 91 %, то план постоянного жилищного строительства – лишь на 23,8 %, районных водопровода и канализации – на 28,8 %. Жилища на новых предприятиях возводились преимущественно временного барачного типа. Но и тех катастрофически не хватало. Первый секретарь обкома В.М.Андреанов и председатель облисполкома И.Л.Митраков, приехав в Тагил, явились свидетелями острых столкновений между хозяйственниками при распределении мест в новых бараках. «Вопрос в том, что жильё не строим, – наставлял тагильских руководителей председатель облисполкома. – Людей нужно расселить, а строительство жилья забросили»⁴⁰.

Действительно, сконцентрировав силы и внимание на вводе в строй промышленных объектов,

руководители города и предприятий упустили из вида бытовые условия проживания рабочих и специалистов, соцкультбыт, городское благоустройство. На всё просто не хватало ни средств, ни сил.

Жильё к зиме 1939–1940 гг. было подготовлено крайне плохо, в бараках было холодно и грязно. Город оставался неблагоустроенным. «Водопровод и канализация отсутствуют, всё загажено...», – информировал областное руководство директор одного из тагильских заводов. Дороги находились в запущенном состоянии, трамвайной линией Уралвагонзавод, новотагильский и 63-й механический заводы, Рудник имени III Интернационала связаны не были (только в марте 1940 г. был пущен трамвай из центра города на Уралвагонзавод). Городская баня не могла удовлетворить всех желающих помыться, а закончить строительство бани на Вые у города не хватало сил. Театра в Нижнем Тагиле не было, действовавшие кинотеатры вместить всех стремящихся приобщиться к киноискусству возможности не имели. Случалось, что в холода городские больницы не отапливались по нескольку дней, температура в отделениях, в частности детском, доходила до +6 градусов. Больные к основному заболеванию добавляли воспаление лёгких. Обеспеченность бельём больниц составляла около половины требуемого, да и то было сильно изношено. В больнице на Тагилстрое больные мужчины вынуждены были одеть в женскую одежду. Новорожденных завёртывали в домашние тряпки. Врачи не выдерживали невыносимых условий и стремились покинуть город.

Поэтому неудивительно, что когда директор 63-го завода И.Д.Демидов увольнял за какие-то провинности одного инженера, тот выразил ему благодарность за предоставленную возможность выехать из Тагила⁴¹.

К этому остаётся добавить, что работы на стройке НТМЗ оставались тяжёлыми ручными, механизация строительства оставляла желать лучшего. «У нас на участке применяются большей частью

лопата и лом, которые стали высшим механизмом», – прямо заявлял на городской партконференции В.М.Овчаренко⁴².

Проблему острой нехватки рабочей силы А.Б.Аристов предлагал решать не только за счёт использования трудовых ресурсов Белоруссии, но и искать новых рабочих в местных районах. «В районах наших заводов имеется огромный запас неиспользованной рабочей силы», – говорил он на пленуме обкома в июне 1940 г. Его поддержал председатель облисполкома И.Л.Митраков. Андрианов, в свою очередь, поручил Аристову взять под личный контроль капитальное жилищное строительство⁴³.

А пока в Нижнем Тагиле поселился заместитель наркома по строительству СССР П.А.Юдин, который перебрасывал строителей с одного пускового объекта на другой. Для ускорения пуска Новотагильского завода он снял рабочих даже со строительства Уралвагонзавода и временно перевёл их в «Тагилстрой»⁴⁴.

...Наркоматы подгоняли тагильских строителей. Совместным приказом народные комиссары по строительству – С.З.Гинзбург, чёрной металлургии – Ф.А.Меркулов, электростанций – А.И.Летков обязали строителей металлургического и коксохимического заводов сделать всё от них зависящее, чтобы уже в конце мая заводы дали стране кокс и чугун. Выполнить этот приказ, однако, тагильчане возможности не имели. Даже на наиболее подготовленном к пуску объекте – доменной печи № 1 – эксплуатационники в середине мая насчитывали около двухсот недоделок⁴⁵.

Первой в строй должна была вступить теплоэлектроцентраль НТМЗ, без которой не могли быть пущены ни коксовая батарея, ни домна. В середине апреля ТЭЦ стала первым из пусковых объектов, где началось опробование и подготовительные работы к промышленной эксплуатации. В ходе опро-

бования энергетики столкнулись со множеством технических сложностей, на преодоление которых ушло почти два месяца. А из-за задержки с вводом ТЭЦ в эксплуатацию, ввиду отсутствия пара, задерживалась подготовка к загрузке коксовой батареи на коксохимзаводе⁴⁶.

9 июня, наконец, теплоэлектроцентраль НТМЗ дала первый промышленный ток и тем самым была официально введена в эксплуатацию. Следом в строй действующих

Строительство доменной печи № 2 НТМЗ.
Январь 1940 г.

предприятий вошёл Нижнетагильский коксохимический завод. Это случилось в ночь с 17 на 18 июня, когда коксовая батарея выдала первые тонны кокса. Сразу после этого на НТМЗ были ускорены приготовления к пуску доменной печи. В ночь на 20 июня завершились работы по загрузке печи шихтой, полным ходом велась загрузка коксом. Неожиданно 22 июня, когда в печь уже поступило около 400 тонн кокса, на ТЭЦ выявились новые неполадки, вынудившие ме-

таллургов притормозить задувку домны. Появившийся временной просвет был использован специалистами для проведения последней генеральной проверки всех агрегатов доменного цеха. 23 июня руководивший проверкой главный инженер Магнитогорского металлургического комбината, член правительственной комиссии на пуске новотагильской домны А.П.Гора оценил её результаты как прекрасные. Тем временем неполадки на ТЭЦ были быстро устранены, и работы по подготовке доменной печи к пуску вышли на финишную прямую⁴⁷.

Чтобы присутствовать при этом неординарном событии, знаменовавшем собою введение Новотагильского металлургического завода в строй действующих, в Нижний Тагил прибыли недавний нарком чёрной металлургии СССР, а ныне – заместитель наркома Ф.А.Меркулов, и областное руководство в лице первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андрианова и заведующего промышленным отделом обкома А.Б.Аристова.

24 июня в 17 часов 50 минут печь была задута. На следующий день в 15.45 местного времени по команде начальника доменного цеха В.П.Дембовецкого лётка была открыта, домна выдала первые тонны чугуна. Вечером того же дня на площадке у домны состоялся многолюдный митинг, посвящённый пуску домны. С трибуны митинга выступили Ф.А.Меркулов, В.М.Андрианов,

первый секретарь горкома М.И.Горбунов, председатель правительственной комиссии Ивановский, знатный доменщик И.Г.Коробов и др.⁴⁸

Пуск и освоение доменной печи прошли нормально, без каких-либо серьёзных осложнений. В июле печь выполнила план на 100 с небольшим процентов, в августе – на 111, в сентябре – на 106⁴⁹.

А.Б.Аристов продолжал решать проблемы, стоявшие перед Новотагильским заводом, но уже в ином

Перед выпуском плавки в мартеновском цехе НТМЗ. Сентябрь 1940 г.

качестве. Спустя два месяца после пуска завода В.М.Андреанов произвёл кадровую рокировку в областном руководстве. Вызывавшего всё большее раздражение у местного управленческого корпуса третьего секретаря обкома ВКП(б) П.Н.Иванищена Андреанов переместил партгором ЦК на Первоуральский новотрубный завод, а на его место поставил А.Б.Аристову⁵⁰.

Перед новым третьим секретарём и членом бюро обкома партии стояли невероятные по своим масштабам и сложности задачи. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) тагильские строители должны были достроить и к 15 июля пустить две мартеновские печи второго мартеновского цеха, к 15 августа – вторую доменную печь, в октябре – третью мартеновскую печь второго мартеновского цеха, в ноябре – Лебяжинскую обогатительную фабрику, в первом квартале 1941 г. – Лебяжинский известковый карьер. Помимо этого, уже в 1940 г. планировалось развернуть строительство первого мартеновского цеха с тремя печами, блюминга, крупносортового и колёсопрокатного станков, с тем, чтобы пустить их в 1941 г.⁵¹

Действительно, во второй половине 1940 г. в Нижнем Тагиле один за другим в строй действующих вступали крупные промышленные объекты. Правда, происходило это несколько позднее запланирован-

ных сроков. 23 сентября мартеновская печь завода выдала первую сталь. Спустя ещё месяц с небольшим, 1 ноября, заработала вторая по счёту коксовая батарея коксохимического завода. 11 декабря была произведена задувка домны № 2. Незадолго до нового 1941 г. сдана в эксплуатацию вторая мартеновская печь⁵².

С пуском новых объектов проблемой становилось не меньше. В октябре домну № 1 как будто сглазили: в этом месяце печь выполнила план только на 88 %, в следующем – ещё меньше. Мартеновскому цеху никак не удавалось избавиться от брака, особенно в производстве качественной бандажной стали: план по её выплавке в октябре был выполнен лишь на 44 %, но даже из этого количества 20 % после прокатки ушли в брак⁵³.

В.М.Овчаренко ссылался на качество кокса и руды; невыполнение плана мартеновским цехом объяснял острой нехваткой коксового газа, высокий процент брака по стали – отсутствием достаточного количества разливочных припасов. Приехавший в середине ноября на пленум Нижнетагильского горкома М.А.Юрьев – новый заведующий промышленным отделом обкома, ставленник и правая рука А.Б.Аристова, категорически заявил, что у самих руководителей завода нет ясности, почему плохо работает доменная печь. Он решительно рас-

критиковал ссылки на сбой в работе оборудования, негодное сырьё и плохой кокс, и выдвинул свою версию «прорыва» в работе: «Три месяца подряд, как только задули домну, печь перевыполняла план, а потом стало всё негодно. На самом деле, товарищи, дело не в турбовоздуходувке, и не в коксе, и не в руде. Надо прямо сказать сегодня, что у нас в доменном цехе низка производственная дисциплина...». Юрьев, сам инженер-металлург, бывший ученик Аристова, со знанием дела критиковал доменщиков. Главная проблема, по его мнению, заключалась в производственной и технологической дисциплине. «На заводе создалась излишняя демократия, – наставлял Юрьев. – Нужно безусловно выполнять распоряжения. У нас получается так. С мастером разговариваешь, так он папиросу в зубы и боком смотрит». Завотделом обкома потребовал от руководства завода и местного горкома ВКП(б) навести на заводе «крепкий порядок»⁵⁴.

Претензии М.А.Юрьева во многом были справедливы. Ещё летом 1940 г. прибывший в Свердловск заместитель наркома Ф.А.Меркулов приводил на пленуме обкома ВКП(б) примеры игнорирования рабочими и ИТР приказов директоров. «...Мы разболтали дисциплину на заводах, единоначалие разболтали форменным образом, – возмущался замнаркома. – Ведь дело дошло до того, что указание и распоряжение главного инженера и очень часто директора завода, не говоря о наркоме, не выполняется на заводах»⁵⁵.

В.М.Овчаренко на пленуме горкома был вынужден согласиться, что причины плохой работы Новотагильского завода кроются, в том числе, в несоблюдении твёрдой технологической дисциплины: «Эта технологическая дисциплина сплошь и рядом нарушается». С недисциплинированностью подчинённых ему пришлось столкнуться лично. Чувствуя за собой поддержку со стороны Наркомата чёрной металлургии и Свердловского обкома ВКП(б), в частности В.М.Андреанова, требовавшего

строгости соблюдения принципов единоначалия на заводах, Овчаренко перешёл к решительным действиям. 8 января 1941 г. он издал пространный приказ, посвящённый исключительно одному начальнику доменного цеха В.П.Дембовецкому, но который явно носил показательный характер и был адресован всему коллективу завода: «За систематическое и злостное нарушение технологии, небезопасность загрузки доменных печей, игнорирование моих указаний по этому вопросу, а также срыв работы коксового цеха из-за систематической остановки транспортёра, начальнику доменного цеха тов. Дембовецкому объявить строгий выговор с предупреждением. Предупредить тов. Дембовецкого, что если в течение трёх дней не будет наведён порядок в загрузочном хозяйстве, на транспортёрах и в технологии, мною будут приняты более строгие меры вплоть до предания суду». Хотя и не через три дня, а спустя месяц, но В.М.Овчаренко приказом от 4 февраля всё же снял Дембовецкого «как не справившегося с работой». Замнаркома Меркулов утвердил решение директора⁵⁶.

Вместе с тем, сетования В.М.Овчаренко по поводу качества руды и кокса, бесспорно, также имели под собой основание. Доменщикам приходилось работать в невыносимых условиях: шли постоянные сбои с поставками руды, поэтому в ход пускались пылеватые и даже ранее забракованные высокосернистые руды. Вместо обещанного ноября 1940 г. Лебяжинскую обогатительную фабрику со множеством недоделок строители передали горнякам только в июне 1941 г. Кокс использовали высокосернистый и высокозольный, но и его не хватало, особенно после пуска второй домны. Недостачу приходилось покрывать поставками со стороны, в том числе переадресовками топлива, предназначенного для заводов имени Куйбышева и серовского⁵⁷.

А.Б.Аристов как мог помогал Новотагильскому заводу. К проведению научно-исследовательских работ, направленных на устране-

ние причин низкой производительности металлургических агрегатов, он привлекал учёных, о которых знал не понаслышке.

В 1940–1941 гг. на доменной печи № 1 НТМЗ работала бригада, состоявшая из учёных Ленинградского индустриального института и Уральского научно-исследовательского института чёрных металлов, с участием сотрудников Восточного углехимического института. Самой большой проблемой, которую пытались разрешить учёные, было использование в доменном производстве кокса с содержанием кизеловских углей.

Тагильский коксохимический завод проектировался на базе местных кизеловских углей, обладающих повышенной зольностью и сернистостью, с добавлением 50 % высококачественных кузнецких. Предполагалось, что со временем количество дальнепривозных углей, идущих в шихту для коксования, будет сокращаться, а доля местных, соответственно, увеличиваться. К проведению работ по получению кокса при повышенном 70-процентном содержании кизеловских углей и осуществлению опытных доменных плавов на этом коксе бригада подключилась еще летом 1940 г. Однако на практике оказалось весьма проблематичным даже использование кокса с пятидесятипроцентным содержанием этих углей⁵⁸.

Группу ленинградцев возглавлял выдающийся учёный-металлург, академик АН СССР Михаил Александрович Павлов – автор многочисленных трудов по теории доменного процесса и расчёту доменных печей. А.Б.Аристов был хорошо с ним знаком, некоторое время в середине 1930-х гг. Аверкий Борисович работал заместителем М.А.Павлова – декана металлургического факультета Ленинградского индустриального института. Жили они в Ленинграде в одном доме, в соседях: Михаил Александрович на третьем этаже, Аристовы – этажом выше. У Аристовых часто дома бывали гости, случались вечеринки. Во время застолий пели, очень любил петь и хозяин квартиры. А наутро, смущаясь,

Аверкий Аристов извинялся перед своим учителем и непосредственным начальником, но в ответ слышал: «Что Вы, что Вы, я испытал такое удовольствие. Я люблю радость, а у вас именно радость и была!». Деликатность семидесятилетнего академика ещё больше смущала тридцатилетнего коллегу и соседа⁵⁹...

Исследовательскую работу, конечной целью которой являлось повышение производительности доменных печей НТМЗ до уровня плановых заданий, проводил доктор технических наук, профессор кафедры металлургии чугуна Уральского индустриального института Василий Александрович Сорокин. Профессору даже был придан статус уполномоченного Свердловского обкома ВКП(б). Поэтому неудивительно, что предложения В.А.Сорокина незамедлительно внедрялись в производство. Доменная печь № 2, в частности, приказом директора НТМЗ от 28 февраля 1941 г. была переведена на рекомендованный Сорокиным технологический режим работы⁶⁰.

Общими усилиями учёных, инженеров, рабочих, партийных и хозяйственных руководителей положение на Новотагильском заводе в 1941 г. постепенно стало выправляться. Правда, в январе на работе доменного производства негативно сказывались отсутствие кокса и смерзание в бункерах печей мелких руд, из-за чего печи шли на замедленном либо тихом ходу, и даже в общей сложности около суток были вынуждены простоять. Но с приходом весны ситуация изменилась в лучшую сторону. Снабжение коксом и рудой наладилось, и середину года доменный цех встретил 90-процентным выполнением полугодичного плана. С февраля 1941 г. уверенно пошли вверх показатели работы мартеновского цеха. Сталеплавильщикам, наконец, удалось совладать с капризной бандажной сталью. К концу полугодия мартеновцы смогли подойти даже с лучшими показателями, чем доменщики – с уверенным перевыполнением полугодичного планового задания. Улучшение показателей в сталеплавиль-

ном производстве не замедлило отразиться на результатах работы бандажепрокатного цеха: бандажный стан беспрестанно обеспечивался металлом и работал с перевыполнением месячных планов⁶¹.

Сводки о выполнении заводом плановых заданий по чугуно, стали и прокату за подписью заместителя главного инженера Г.С.Герасимчука регулярно ложились на стол А.Б.Аристову. В марте 1941 г. с учреждением в Свердловском обкоме ВКП(б) отраслевых секретарей А.Б.Аристов был утверждён секретарём обкома по чёрной металлургии. В.М.Андрианов сохранил за Аристовым членство в бюро обкома ВКП(б), хотя остальные «отраслевики» не были наделены такими полномочиями⁶². Членство в обкомовском бюро при Андрианове было не только большой честью, но и возлагало тяжёлую, не всем посильную ношу обязанностей и ответственности.

Секретари и члены бюро Свердловского обкома партии часто говорили между собой о неотвратимо грядущей войне. «Мы не желали её, но понимали её неизбежность, — вспоминал А.Б.Аристов. — И всегда повторяли как заклинание: «Только бы не сейчас!» У каждого из нас не всё ещё было сделано, не всё к ней готово. Так хотелось, чтоб она, проклятая, началась как можно позже»⁶³. И всё же, как Аристов ни готовился к войне, известие о её начале явилось для него полной неожиданностью...

Примечания:

- ¹ Три столетия «старого соболя». Екатеринбург, 2005. С. 58–62.
- ² Там же. С. 62.
- ³ Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 4.
- ⁴ Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.
- ⁵ Аристов А. Незабываемое... С. 4–5.
- ⁶ Три столетия «старого соболя»... С. 62.
- ⁷ Там же. С. 60, 64, 70, 74.
- ⁸ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991: Биографический справочник. Екатеринбург, 2003. С. 24–25; Валеев Р.Р., Карманова Е.В., Козлов А.В., Косиков Н.А. Уральская область // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н.Бочкарёв. Челябинск, 2008. Т. 6. С. 755.
- ⁹ Погорельцев Г. Рудник имени Кабакова // Магнитогорский рабочий. 2011. 17 февраля; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3316. Оп. 30. Д. 20; УГТУ–УПИ: Люди. Годы. Управле-

ние. Вуз и личность. Екатеринбург, 2001. С. 147.

¹⁰ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 4. Оп. 22. Д. 3433. Л. 1, 19; Оп. 22. Д. 3134. Л. 1, 6, 12; Оп. 20. Д. 2866. Л. 1, 4–5, 21; Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург, 2007. С. 42–43.

¹¹ Три столетия «старого соболя»... С. 58–60.

¹² Аристов А. Незабываемое... С. 4–5; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 65. Л. 1; Д. 75. Л. 1 об.

¹³ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об.–3.

¹⁴ Аристов А. Незабываемое... С. 3.

¹⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 24. Д. 2307. Л. 5–8, 13–14, 18, 20–27.

¹⁶ Там же. Оп. 78. Д. 157. Л. 3, 5–8; Бахтин. Верный сын партии и народа // Тагильский рабочий. 1939. 18 декабря.

¹⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 48. Д. 2101. Л. 3, 7–8, 10.

¹⁸ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области... С. 38–39.

¹⁹ Там же. С. 112–114; Сушков А.В. Руководители города Свердловска... С. 110–111; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 292. Л. 22, 79 об., 82–83.

²⁰ Аристов А. Незабываемое... С. 4–5.

²¹ Вопросы к Аверкию Борисовичу. Личный архив Г.З.Янговской. Л. 2; Бардин И.П. Важнейшие проблемы Урала // Вестник Академии наук СССР. 1939. № 8–9. С. 73; Три столетия «старого соболя»... С. 54.

²² Бардин И.П. Важнейшие проблемы Урала... С. 74.

²³ Там же. С. 75.

²⁴ Цит. по: Три столетия «старого соболя»... С. 54.

²⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 224, 358, 662.

²⁶ Аристов А. Незабываемое... С. 5; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 2а. Л. 5.

²⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 455.

²⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 35. Д. 2а. Л. 13–15.

²⁹ Там же. Л. 79–80.

³⁰ Там же. Л. 81–83.

³¹ Там же. Л. 162.

³² Там же. Д. 1. Л. 18.

³³ Там же. Д. 2а. Л. 214; Д. 2б. Л. 61.

³⁴ Три столетия «старого соболя»... С. 72; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 424, 438, 441, 455.

³⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 419, 510, 512; Полисюк М. Шедрые обещания и кучье дела // Уральский рабочий. 1940. 23 июня.

³⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 419, 456.

³⁷ Там же. Л. 430, 512.

³⁸ Там же. Л. 433.

³⁹ Там же. Л. 453; Ф. 483. Оп. 3. Д. 42. Л. 97; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 65. Л. 4 об.

⁴⁰ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 65. Л. 1; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 730.

⁴¹ ЦДОСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 42. Л. 17, 97, 115, 122; Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 435, 778, 780.

⁴² Там же. Ф. 483. Оп. 3. Д. 42. Л. 24.

⁴³ Там же. Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 628, 729–730, 758.

⁴⁴ Там же. Л. 424, 729.

⁴⁵ Кодратов Н., Огнев Л. Пусковой период затягивается // Уральский рабочий. 1940. 18 мая.

⁴⁶ Решающие дни на теплоэлектроцентрали // Уральский рабочий. 1940. 16 апреля; Быстрее ликвидировать недоделки // Уральский рабочий. 1940. 21 мая.

⁴⁷ Теплоэлектроцентрально Ново-Тагильского завода вступает в эксплуатацию // Уральский рабочий. 1940. 10 июня; Качев П. Есть тагильский кокс! // Уральский рабочий. 1940. 18 июня; Митинг на площадке Коксохимзавода // Уральский рабочий. 1940. 20 июня; Напряжённые часы // Уральский рабочий. 1940. 23 июня; Полисюк М. Доменщики ждут команды // Уральский рабочий. 1940. 24 июня.

⁴⁸ Полисюк М. Домна дала первый чугун // Уральский рабочий. 1940. 26 июня.

⁴⁹ ЦДОСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 44. Л. 70–71.

⁵⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 35. Д. 75. Л. 3.

⁵¹ Новая победа большевиков // Уральский рабочий. 1940. 27 июня; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 450.

⁵² Три столетия «старого соболя»... С. 66–68, 254–255.

⁵³ ЦДОСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 44. Л. 70–71, 75, 77.

⁵⁴ Там же. Л. 75, 153–159.

⁵⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 660.

⁵⁶ Там же. Ф. 483. Оп. 3. Д. 44. Л. 77; Ф. 4. Оп. 35. Д. 9. Л. 662; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116а. Л. 7, 14.

⁵⁷ Три столетия «старого соболя»... С. 66, 72.

⁵⁸ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 130. Л. 123, 155; Воднев Г. Ново-Тагильский коксохимический завод // Уральский рабочий. 1940. 10 июня; Освоение кокса из кизеловских углей // Уральский рабочий. 1940. 28 июня.

⁵⁹ Аристов А. Незабываемое... С. 28.

⁶⁰ НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116а. Л. 58–61.

⁶¹ ЦДОСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 63. Л. 14–18.

⁶² НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116в. Л. 186 об.; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 1. Л. 33.

⁶³ Аристов А. Незабываемое... С. 5.

Первая коксовая батарея Нижнетагильского коксохимзавода. 1940–1941 гг.

НЕПОКОРНАЯ БРОНЯ: ТАГИЛЬСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В БИОГРАФИИ СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС АВЕРКИЯ АРИСТОВА*

Андрей СУШКОВ,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
сектора локальной истории и
истории повседневности
Института истории
и археологии УрО РАН.
г. Екатеринбург

Ранним воскресным утром 22 июня 1941 г. секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по чёрной металлургии Аверкий Борисович Аристов возвращался из Нижнего Тагила в областной центр. Несколько дней он провёл на Новотагильском металлургическом заводе за изучением планов дальнейшего развития основного производства.

В июне 1941 г. Новотагильский завод представлял собой крупное современное предприятие в составе двух доменных и двух мартеновских печей, бандажепрокатного стана. Из вспомогательных цехов к тому времени действовали железнодорожный, ТЭЦ, временный литейный, сетей и подстанций, газовый. В планах на 1941 г. были завершение строительства и пуск третьего мартена, возведение колёсопрокатного и механического цехов, развёртывание строительства следующего этапа основных металлургических производств – блюминга и первого мартеновского цеха. В первую очередь Аристов беспокоила незавершённость металлургического цикла на НТМЗ: завод плавил чугун, начал давать сталь, но кроме железнодорожных бандажей проката ещё не выпускал¹.

Машину секретаря обкома, как ни старался шофёр, то и дело подбрасывало на колдобинах. «В голове роились цифры, обрывки бесед, не связанные друг с другом мысли, которым предстояло стать тезисами доклада на заседании бюро обкома, как обычно, во вторник», – вспоминал позднее Аристов. По дороге встречались многочисленные отдыхающие, спешившие вос-

пользоваться тёплым солнечным днём короткого уральского лета².

На берегу озера Балтым, что чуть севернее Свердловска, на обкомовских дачах отдыхала и семья Аверкия Борисовича. Младшему из троих сыновей, Анатолию, только что исполнился год. Аристов планировал провести этот единственный выходной день в кругу семьи. Дачи располагались как раз вблизи тагильского тракта. К ним, не заезжая в Свердловск, свернула обкомовская машина.

По дачам к тому времени уже разнеслись известия о событиях последних часов. Из дома навстречу вышедшему из машины отцу выбежал старший сын Геральд. От сына секретарь обкома впервые услышал страшную новость. Эта минута запечатлелась в его памяти на всю жизнь. «Гера прокричал испуганно: Папа, война! – вспоминал Аверкий Борисович. – Как ни готов я был когда-нибудь услышать это, известие меня потрясло. В голове пронеслось, отдалось тревогой на сердце: «Не успели!..» Ни с Тагилом, ни со вторыми путями. Портфель с расчётами по Тагилу оказался лишним. И ещё вспомнились недавно встреченные дорогой рабочие. Ничего не знают, веселятся... Захотелось вернуться, сообщить им страшную весть»³.

Аверкий Борисович тогда не знал, что скоро ему предстоит вновь выехать в Нижний Тагил. Но на этот раз – надолго и с крайне ответственной миссией, от выполнения которой во многом зависела его дальнейшая судьба...

С первых часов войны аппарат и руководство обкома партии по-

Использованы фотографии, находящиеся на хранении в Музейно-выставочном центре Евраз НТМК, Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» и Российском государственном архиве кинофотодокументов (г. Красноярск).

* Автор выражает признательность за консультации кандидату технических наук, главному металлургу Уралмашзавода (1976–1986 гг.), директору Центрального научно-исследовательского института металлургии и материалов Министерства тяжёлого машиностроения СССР (1986–1995 гг.) Валерию Николаевичу Захарову.

Термический пролёт бандажного цеха НТМЗ. 1937 г.

грузились в чрезвычайно напряжённую работу. Многочисленные инициативы, возникавшие на местах, заводах и фабриках, требовали согласования с партийными инстанциями. На фронт уходили многие ответственные работники партийно-государственных и административно-хозяйственных структур. Секретари обкома не успевали разбираться во всех кадровых изменениях, подбирать замену ушедшим.

В кабинете Аристовова не смолкали телефонные звонки, порой приходилось вести переговоры сразу по двум телефонам. Одних посетителей сменяли другие.

В одну из таких сверхнапряжённых минут позвонил В.М. Андрианов и сказал, что на вокзале их ожидает В.А. Малышев – заместитель председателя Совнаркома СССР, нарком среднего машиностроения. «Собирайся и захвати с собой сухари», – как обычно сострил Андрианов, когда нужно было куда-нибудь ехать⁴.

В вагоне кроме Малышева находилась группа руководящих специалистов-строителей, в т.ч. начальник Военстроя Г.М. Орлов. Выяснилось, что Малышев приехал в Свердловск с решением Политбюро ЦК партии о размещении на Новотагильском заводе толстолистового прокатного стана для производства танковой брони. На Кировском заводе в Ленинграде

уже спешно вели его демонтаж и грузили в вагоны.

Установить толстолистовой стан и наладить на нём прокат брони предстояло в немыслимо короткие сроки – в пять раз быстрее по сравнению с самыми жёсткими нормами мирного времени. «Срок нам устанавливался кратчайший – показалось, я ослышался: два месяца, – вспоминал Аристов. – Требовалось за это же время построить ещё одну мартеновскую печь, печи для нагрева слитков и термической обработки брони. В те же жёсткие, установленные правительством сроки, – два месяца»⁵.

Ответственность за ввод стана была возложена на заместителя народного комиссара чёрной металлургии Павла Ивановича Коробова. Аристову как секретарю обкома по чёрной металлургии Андрианов поручил на месте оперативно содействовать выполнению этого задания всеми силами и ресурсами области.

Между П.И. Коробовым и А.Б. Аристовым с первых минут знакомства установилась большая деловая дружба. В Нижнем Тагиле они поселились в одной комнате небольшого дома. Между собой договорились: Коробов занимается технологическими вопросами, а организация рабочей силы, создание необходимых бытовых условий для рабочих, контроль над местными партийно-государственными и хозяйственными органами, по-

мощь в изыскании строительных материалов – на Аристове.

На сон времени оставалось очень мало. Особенно поначалу, когда решались самые важные вопросы – где разместить стан и как быстрее подготовить под него фундамент⁶.

Выбрать и подготовить площадку для броневых стана Коробову с ведущими специалистами Наркомчермета и Аристову предстояло за тот отрезок времени, пока шёл его демонтаж и доставка из Ленинграда в Нижний Тагил. То есть время для раздумий было крайне ограничено.

Разместить и запустить сложное металлургическое оборудование с наименьшими временными затратами можно было только в однородных цехах. Единственным представителем прокатного производства на заводе был бандажный цех. По приблизительным расчётам габариты как самого цеха, так и фундамента действовавшего бандажного стана вполне подходили для толстолистового, а потому не нужно было тратить колоссальное время и силы на строительство специального корпуса и нового фундамента.

Чрезвычайные условия, стремление во что бы то ни стало уложиться в установленные сроки продиктовали решение сложной проблемы: установить броневой стан на месте бандажного. Руководители Наркомчермета и обкома ВКП(б) полагали, что им удалось найти идеальный вариант⁷.

Принятое ими решение нашло отражение в подписанном В.М. Андриановым постановлении бюро Свердловского обкома ВКП(б) «О производстве брони и танков КВ». Данный документ, датированный 1 июля 1941 г. и оформленный под грифом «особая папка», дублировал постановление Политбюро ЦК от 25 июня относительно броневых стана Кировского завода. С той лишь разницей, что в решении бюро обкома было указано будущее месторасположение стана в стенах НТМЗ и названы ответственные за его установку – директор завода В.М. Овчаренко и первый секретарь Нижнетагильского

горкома партии М.И.Горбунов. Бюро обкома обязало их в срок до 1 сентября 1941 г. установить броневой стан в бандажном цехе НТМЗ⁸.

Директор НТМЗ В.М.Овчаренко, в свою очередь, вызвал к себе начальника и старших мастеров цеха и сообщил им, что на днях из Ленинграда, с Кировского завода придёт оборудование для толстолистового стана, установить который необходимо на место бандажного. Овчаренко дал указание: «Бандажный – демонтировать. Работу начать немедленно. В октябре мы должны дать бронелисты»⁹.

Известие о демонтаже бандажного стана больно отозвалось в коллективе прокатчиков. Некоторые не могли сдержать слёз. «Бандажка» была первенцем НТМЗ, рабочие и инженеры приложили немало усилий по наладке её нормальной работы. «Легко сказать – демонтировать, взорвать, – вспоминала бывший начальник смены А.П.Дудина. – А для нас – что напололам себя перерезать»¹⁰.

Ещё совсем недавно, за несколько дней до начала войны тот же П.И.Коробов дал указание об освоении на НТМЗ производства бандажей для паровозов серий ИС и СО из собственно выплавленной легированной стали. На ближайшие недели были запланированы подготовительные работы в бандажном и мартеновском цехах¹¹. Но все планы перечеркнула начавшаяся война.

Для ускорения работ по демонтажу было принято решение организовать две смены по 12 часов. 28 июня бандажный стан прекратил свою работу, и в кратчайшие сроки, в течение недели, был произведён его демонтаж. Новый пресс усилием 3000 тонн был направлен на Уралмашзавод, часть мелкого оборудования (измерительные приборы, моторы и пр.) были переданы другим цехам НТМЗ. Оставшееся технологическое оборудование бандажного стана подлежало консервации на складах предприятия¹².

Однако вскоре стало очевидным: Коробов и Аристов ошиблись в расчётах. По прибытии из Ленинграда толстолистового стана

выяснилось, что подготовленное для него место не подходит, для фундамента бандажного стана он оказался слишком велик. Устанавливать броневой стан пришлось в другом пролёте бандажепрокатного цеха.

Когда выяснилось, что фундаменты бандажного стана не годятся для толстолистового, поступил приказ об их подрыве. По всей вероятности, чтобы они не становились помехой при подготовке новых фундаментов. Правда, по какой-то причине приказ остался невыполненным: персонал цеха просто засыпал фундаменты землёй из котлована, вырытого под броневой стан¹³.

Работы по монтажу броневое стана осуществлялись под руководством заместителя наркома П.И.Коробова, главного механика наркомата А.П.Горы и приехавших с ними специалистов. «Война заставила делать ещё недавно считавшееся невозможным, – отмечает кандидат исторических наук С.В.Устьянцев. – Всего год назад попытки вести промышленное строительство комплексным «скоростным» методом имели в тресте «Тагилстрой» в лучшем случае частичный успех, а вот летом 1941 г. сложнейшая строительная операция прошла практически идеально»¹⁴. «Проектирование и рабочие чертежи выполнялись на месте, – вспоминал А.Б.Аристов. – Ускорение достигалось и за счёт того, что многие работы велись параллельно. Рыли котлованы, а рядом, на бровке, вязали арматуру и готовили опалубку. Люди по несколько дней не уходили домой, немного передохнут – и продолжают работу. Если назвать, что было сделано тогда за два месяца, боюсь, многие не поверят. Я и сам порой себе не верю... Хотя бы один пример: за шесть смен в фундамент стана уложили три с половиной тысячи кубометров бетона. Почти вручную»¹⁵.

Параллельно с монтажом стана, нагревательных и отжигательных печей проводились работы по обеспечению газо-, водо- и энергоснабжения, усилению металлоконструкций здания цеха. «...Сроки дик-

В.М.Овчаренко.

товали обстоятельства, – вспоминал Аристов. – Но части стана от этого не становились легче, удобнее при установке, коммуникации – короче, проводка источников энергии – проще»¹⁶.

Высокую организацию работ по монтажу стана Аверкий Борисович ставил в заслугу специалистам Наркомата чёрной металлургии СССР. Среди них он особо выделял главного механика наркомата А.П.Гору, который годом ранее в составе правительственной комиссии участвовал в пуске первой новотажильской домны: «Блестяще организовал и провёл все работы главный механик наркомата А.П.Гора. Он всё продумал, собранно, целеустремленно осуществил свой график. В Александре Петровиче привлекали умение быстро ориентироваться, схватывать суть и принимать решение, а также сильная воля, которая ничем внешне не проявлялась; нужного он добивался порой шуточкой, хотя умел, когда надо, и поднять голос. Не знаю, унаследованные ли это черты характера или благоприобретённые за долгие годы заводской работы. Чего не повидал, не испытал он, прежде чем стал подлинным кладезем опыта и знания»¹⁷.

На строительство прокатного цеха была направлена дополнительная рабочая сила. Непосредственным руководителям монтажа

удалось загрузить всех, бездельничавшие не встречались. В случае если назревал простой, бригады обращались к А.П.Горе, П.И.Коробову и А.Б.Аристову¹⁸.

Успех, тем временем, обеспечивался не только высокой организацией, но и жёсткими административными мерами...

Для проверки выполнения графика работ и выработки экстренных мер по его обеспечению в соответствии с приказом по тресту «Тагилстрой» и Новотагильскому металлургическому заводу от 15 августа по окончании каждой смены – в 9 часов утра и в 9 вечера – учреждались оперативные совещания. «Предупреждаем, что за невыполнение сменных заданий в полном соответствии с графиком работ виновные в срыве работ по выполнению важнейшего правительственного задания будут привлекаться к строжайшей ответственности», – грозили директор завода В.М.Овчаренко и управляющий трестом А.С.Вишневский в совместном приказе¹⁹. Но ещё до выхода в свет данного приказа директор НТМЗ активно использовал имевшийся в его руках административный ресурс. Например, его приказом от 7 августа «за проявленную нераспорядительность при выполнении срочного заказа 3 августа, чем вызвана задержка монтажа на площадке прокатного цеха», начальнику ремонтно-механического цеха завода П.И.Занину был объявлен выговор. Приказ гласил: «Предупредить тов. Занина, что за задержку в выполнении работ для монтажа прокатного стана в дальнейшем будут приняты более строгие меры». Позднее, 1 сентября Овчаренко снял с работы начальника бандажного цеха В.Е.Краснова с формулировкой: «за безучастное отношение к строительству и пуску прокатного цеха». В тот же день «за срыв выполнения заказов для прокатного цеха и самовольное представление выходного дня в ремонтно-механическом цехе» заместитель главного механика завода П.Г.Чебанов был снят с работы, а начальнику цеха П.И.Занину был объявлен строгий выговор с предупреждением²⁰.

Подобными административными мерами сопровождались и проводившиеся параллельно работы по освоению выплавки броневой стали. Приказом Овчаренко от 11 июля был снят с работы начальник мартеновского цеха В.К.Прокопенко «как неспособный обеспечить руководство цехом». Приказ в тот же день утвердил замнаркома П.И.Коробов. Место Прокопенко спустя неделю занял приехавший из Ленинграда инженер Ижорского завода Г.А.Петров²¹.

Мартеновский цех, по образному выражению Аристова, «ещё не пережил все «детские болезни» освоения», «ему в пору набираться самого элементарного опыта на рядовом металле»²². Но... Уралвагонзавод, преобразованный в Уральский танковый завод № 183 им. Коминтерна, Уралмашзавод, Челябинский тракторный превратились в крупнейшие центры производства танков и самоходных пушек. И эти производства остро нуждались в специальном металле, прежде всего – броневом.

К началу войны НТМЗ не располагал ни необходимым оборудованием, ни квалифицированными кадрами для освоения выплавки брони. По довоенной технологии (дуплекс-процессом) броневая сталь выплавлялась в двух небольших мартенах с кислой футеровкой, так называемых кислых печах. Печи Новотагильского завода проектировались для производства рядовых марок стали, были крупными и имели основную футеровку.

Освоение производства броневых марок стали на НТМЗ потребовало проведения ряда сложных организационно-технических мероприятий. Третью мартеновскую печь, строительство которой велось форсированными темпами, решено было сделать кислой. С основной на кислую футеровку было решено перевести мартеновскую печь № 2, которая в это время стояла на плановом ремонте. Сделать это было непросто: работы по смене футеровки были технически сложными и весьма дорогостоящими.

Для освоения выплавки стали дуплекс-процессом в помощь ново-

тагильским металлургам нарком И.Ф.Тевосян направил бригаду опытных мастеров Ленинградского Ижорского завода. Из Уральского индустриального института на НТМЗ были командированы бывшие коллеги Аристова – профессор И.А.Андреев и доцент В.И.Явойский. Совместными усилиями на мартеновской печи № 3, пущенной в августе 1941 г., и реконструированной печи № 2 была освоена выплавка броневых марок стали. К сентябрю технология выплавки была уже отлажена. Качество выплавляемой брони было признано отличным²³.

Тем не менее, её количество не могло удовлетворить всё увеличивающиеся мощности производства бронетехники. По технологии дуплекс-процесса две печи давали только одну плавку, резко увеличить производство броневой стали данная технология не позволяла.

Тем временем на Магнитогорском металлургическом комбинате была разработана и освоена технология выплавки броневой стали в мощных мартенах с основной футеровкой. Внедрение новой технологии на НТМЗ обещало значительное увеличение выпуска броневых марок металла²⁴.

Спустя почти три десятилетия А.Б.Аристов вспоминал, как начальник мартеновского цеха Г.А.Петров решил попытаться сварить броневую металл в основной печи. Таковым на заводе оставался только первый мартен. На эксперимент дал добро И.Ф.Тевосян. Из Уральского научно-исследовательского института чёрных металлов в помощь Г.А.Петрову были вызваны научные консультанты. «Конечно, поначалу не заладилось, – вспоминал позднее Аристов. – А могло ли быть иначе? Мог ли едва научившийся стоять на ножках годовичок отправиться в поход и на первых шагах не споткнуться?»

Петров не сдавался, верил в успех, с ним были солидарны консультанты. И нам с Павлом Ивановичем оставалось только верить...

Однажды прихожу в мартеновский цех, вижу: в литейном пролёте собрался народ. Спрашиваю, что случилось. «Кажется, пошла...» –

Толстолистовой (броневой) стан. Первая половина 1940-х гг.

отвечают загадочно. Конечно, не трудно было догадаться, что пошло. К сожалению, не запомнились фамилии сталевара и мастера, совершивших этот подвиг»²⁵.

Решение последовало незамедлительно: вторую и третью мартеновские печи переделать на основную футеровку. Реконструкция третьего мартена была завершена в октябре, второго – в ноябре.

Но А.Б.Аристов эти работы уже не застал. Десятью днями позднее установленного бюро обкома партии срока, 10 сентября 1941 г., на броневом стане были прокатаны первые листы. Опробование стана велось на углеродистой стали. «Надо ли говорить, как все были рады, – вспоминал Аристов. – Павел Иванович сразу же доложил Тевосяну, и мы знали, что тотчас это станет известно ГКО»²⁶.

После установки и горячего опробования броневое стан Аверкий Борисович выехал в Свердловск. «Не стану скрывать, – вспоминал он, – я ждал минуты отъезда. Чем ближе мы подходили к цели, тем сильнее тянуло к постоянным обязанностям. Что там, как дела в области? Броневой стан в мыслях отходил на задний план. Дело сделано, задание выполнено – что впереди?»²⁷.

Первый секретарь обкома В.М.Андрианов остро нуждался в трудоспособном, энергичном, мо-

бильном помощнике, каким являлся А.Б.Аристов. Второй секретарь обкома Ф.Д.Навозов был аграрником по образованию и опыту работы. Несмотря на высокий статус второго лица в областном руководстве, ему было сложно решать вопросы, связанные с промышленным производством. Аристов же по прибытии из Тагила с ходу включился в тяжелейшую работу по размещению в области эвакуированных предприятий, налаживанию выпуска военной продукции и т.д. Тем более что с формальной точки зрения постановление ГКО в Нижнем Тагиле было выполнено. В Тагиле после отъезда Аристова оставались профессионалы своего дела, опытные практики, наркомчерметовцы. Особой нужды в постоянном присутствии на заводе одного из руководителей области не возникало.

Вместе с тем, фактическое состояние дел на Новотагильском заводе было далеко не радужным. Успехи новотагильских металлургов были серьёзно омрачены целым рядом обстоятельств...

Как показало время, демонтаж бандажного стана имел крайне негативные последствия. Острая нехватка бандажей стала угрожать железнодорожным перевозкам. В начале сентября 1941 г. Наркомат путей сообщения СССР затребо-

вал себе все остававшиеся на складах Новотагильского завода бандажки. Начавшиеся из США поставки бандажей не удовлетворяли потребностей железнодорожного транспорта ни по количественным показателям, ни по качественным. Американские бандажки не отвечали требованиям советского ГОСТа, не выдерживали суровых российских условий эксплуатации и на сильном морозе ломались. Кроме того, специалисты определили, что на бандажном стане можно катать поворотные круги для башен танков – стальные «погоны», на которых устанавливались башни»²⁸.

Вышеуказанные обстоятельства обусловили необходимость экстренного возобновления на НТМЗ бандажепрокатного производства. Соответствующее решение принималось на самом высоком уровне.

Во второй половине ноября 1941 г. Новотагильский металлургический завод получил постановление Государственного комитета обороны о восстановлении бандажного стана. Необходимые распоряжения по реализации постановления ГКО отдал Наркомат чёрной металлургии. На восстановление и пуск стана ГКО отпустил меньше месяца, установив крайней датой 15 декабря»²⁹.

Ф.Ф.Рязанов.

Тридцатидвухлетний Василий Моисеевич Овчаренко спустя несколько дней после пуска броневое стана был назначен директором Кушвинского металлургического завода – небольшого, но весьма значимого для обороны страны. Кушвинский завод был одним из старых, о которых ещё недавно пренебрежительно отзывался В.М.Овчаренко. И его директорство будет длиться долгих четыре с половиной военных года, против трёх с небольшим на НТМЗ³⁰.

Работы по восстановлению «бандажки» выпали на долю его преемника – сорокаоднолетнего Фёдора Фёдоровича Рязанова, бывшего директора одного из лучших в стране предприятий Наркомата чёрной металлургии СССР –

Криворожского металлургического завода³¹.

Кратчайшие сроки требовали принятия чрезвычайных мер. По приказу Ф.Ф.Рязанова был создан штаб строительства бандажного стана, который разместился в помещении заместителя начальника прокатного цеха. Ежедневно под председательством директора или начальника строительства проводились оперативные совещания, на которых проверялось выполнение посменного графика работ. Филиал Гипромеза организовал круглосуточную работу по изготовлению рабочих чертежей. Высококвалифицированные «бандажные кадры» в экстренном порядке возвращались из других цехов. Бывший начальник бандажного цеха Краснов был «реабилитирован»: приказом директора завода он был назначен начальником бандажного стана – на особом счету находился каждый специалист. На заводских складах началась расконсервация оборудования стана. Пресс «3000», лишь недавно доставленный на Уралмашзавод, был спешно направлен обратно в Нижний Тагил³².

Единственное, что радовало заводчан, – всё оборудование, – расконсервированное, возвращённое и новое, – можно было сразу устанавливать на уцелевшие по счастливой случайности фундаменты. Их предстояло лишь расчистить от земли.

Рязанов обязал все заводские цеха выполнять заказы для стана вне очереди. Основная тяжесть по восстановительным работам легла на прокатный цех, на территории которого устанавливался бандаж-

ный стан. Начальнику цеха И.З.Марковскому приказом директора было предписано всеми ресурсами цеха содействовать выполнению задания ГКО. Силами цеха был изготовлен весь инструмент и приспособления для прокатки нового профиля (стальных «погон» для танков). Для работ на бандажном стане цех откомандировал часть своих рабочих. Директор поручил Марковскому совместно с Красновым разработать режим по совместной работе броневое и бандажное станки, организовать набор и подготовку кадров для их обслуживания³³. И это притом, что прокатный цех сам находился в весьма тяжёлом положении. Работа толстолистного стана после сдачи в эксплуатацию была далека от совершенства...

Первая авария на стане произошла уже на следующий день после его пуска, 11 сентября. Хотя для расследования была сформирована специальная комиссия, поломки следовали одна за другой. В конце сентября вышла из строя паровая машина, 12 ноября – пресс, в конце ноября дважды ломались прокатные валки³⁴.

Искать первопричину нужды не было: стан был сильно изношенным – действовал с 1910 г. Наиболее уязвимым его местом являлась паровая двухцилиндровая машина мощностью шесть тысяч лошадиных сил, которую прокатчики ласково называли «Варварой». По мнению прокатчиков, за свой долгий век «Варвара» не знала, что такое ремонт, и потому «не тянула». Особенно это стало очевидным с зимним похолоданием, когда пар,

Общий вид доменного цеха НТМЗ. 1942 г.

прорываясь через неплотности, густой пеленой заволакивал цех настолько, что ничего не было видно. Череда аварий на паровой машине понудила наркомат специально прислать в Тагил опытного специалиста. Уже в его присутствии накануне нового 1942 г. вновь произошла поломка машины, в результате которой стан простоял без малого сутки³⁵.

Осенью 1941-го аварии преследовали не только тагильских прокатчиков брони. Вскоре после пуска в Магнитогорске броневых стан по вине машиниста паровой машины произошла поломка нижнего вала. Авария была серьёзной, ремонт затянулся до конца декабря. Лишь 1 января 1942 г. броневой стан Магнитогорского комбината возобновил свою работу. Но у магнитогорцев было несомненное преимущество: производство брони велось сразу на двух станах, обычном блюминге и специализированном броневом. И если один ломался, второй оставался в строю³⁶. Новотагильские металлурги такой возможности не имели.

Дирекция Новотагильского завода по своему пыталась решить возникшие проблемы. 17 октября Ф.Ф.Рязанов «в целях устранения серьёзных недостатков в работе прокатного цеха» назначил начальником цеха упоминавшегося выше И.З.Марковского, а бывшего начальника А.А.Иванова – начальником прокатного стана³⁷. Однако к концу года становилось всё более очевидным, что одними административными мерами, как и текущими ремонтами, ситуацию не изменить.

К слову сказать, не выдерживали напряжённой работы ни ме-

ханизмы, ни люди. Работать приходилось по двенадцать, а то и более часов в сутки, без выходных дней. В воспоминаниях о том времени то и дело мелькает: «Оба выбились из сил...», «мы, израсходовав силы, едва дошли домой», «порой, к концу смены они так выматывались, что едва держались на ногах от усталости», «...отчётливо сохранилось в памяти то, как

чальнику этого цеха П.И.Занину был объявлен строгий выговор с предупреждением³⁸.

Тяжёлое эмоционально-психологическое состояние переживали эвакуированные с Украины специалисты, столкнувшиеся на Урале с невиданными для них холодами, невыносимыми условиями труда и бытовой неустроенностью. Специалисты из Днепропетровска, Макеевки, Керчи не смогли сходу вписаться в новый коллектив, разлука с семьями и родными местами им казалась временной и порождала «чемоданное настроение». Некоторые рабочие прокатного, доменного, мартеновского и других цехов не выдерживали, бросали работу, кто-то пытался бежать из Тагила. Сразу три сварщика прокатного цеха 14 сентября 1941 г. «самовольно оставили работу» и попытались поездом выехать из города, но были задержаны органами милиции и привлечены к судебной ответственности. Следом в суд «за самовольное оставление работы» были переданы дела на шестерых горновых доменного цеха и ещё двух сварщиков прокатного цеха. 18 сентября два нагревальщика прокатного цеха не вышли на работу и «за прогул» были привлечены к су-

Разливка стали в мартеновском цехе НТМЗ.
1942 г.

мы недосыпали, недоедали, редко бывали дома...». Попытки среднего руководящего состава предоставить измотанным рабочим хоть один выходной день резко пресекались руководством завода. Достаточно вспомнить приказ директора от 1 сентября, которым «за самовольное представление выходного дня в ремонтно-механическом цехе» заместитель главного механика завода П.Г.Чебанов был снят с работы, а на-

дебной ответственности. В середине ноября, вероятно с тем, чтобы хоть как-то уменьшить поток дел в суды за прогулы, Рязанов разрешил «для устройства личных дел» предоставлять отпуска эвакуированным рабочим и служащим сроком до трёх дней³⁹.

...В начале 1942 г. помощник начальника прокатного цеха И.И.Молибога обратился к главному механику завода: «Помощь нужна. Наша «Варвара» заболела. Чихает

В.А.Малышев.

И.Ф.Тевосян.

С.И.Резников.

А.Б.Аристов.

и чихает. Надо лечить» – «У меня и без тебя есть о чём заботиться, – зло ответил главный механик. – Варвару лечить! Слава богу, у нас и своих баб хватает...». Но, вникнув в суть дела, главный механик доложил руководству завода о необходимости капитального ремонта и реконструкции листового стана и его паровой машины. После тщательной подготовки экстренно были проведены сложные ремонтные работы, стан на это время был остановлен. Ремонт и реконструкция позволили нормализовать работу прокатного оборудования. Помимо брони стан катал простой углеродистый и котельно-топочный лист⁴⁰.

Казалось, препятствия преодолены. Но... Испытания бронеплит на полигоне показали непригодность продукции НТМЗ. Камнем преткновения стала термообработка. Заводские специалисты не могли дать нужных рекомендаций. «Оказалось, что никто не знал, как придать бронелистам необходимые свойства, – вспоминал бывший начальник броневого стана Н.К.Рябокоть. – Инструкций и указаний на этот счёт получить было не у кого»⁴¹.

И ладно если бы дефекты выявлялись только на полигоне...

Броня не спешила покоряться новотагильским металлургам. Затратный перевод печей обратно с кислой на основную футеровку, внедрение магнитогорской технологии не оправдал надежд, не увеличил выплавку броневой стали. Выход был найден в переходе на упрощённый технологический

процесс. Но даже по упрощённой технологии трудности в производстве возникали немалые. Усугублялось положение тем, что на второй-третий месяц войны на фронт ушли многие опытные специалисты – мастера, сталевары, разлишники и машинисты кранов. Тем, кто их заменил, не хватало ни опыта работы, ни навыков⁴².

По настоятельной просьбе И.Ф.Тевосяна в ноябре 1941 г. В.А.Малышев, недавно назначенный наркомом танковой промышленности, утвердил облегчённые технические условия на поставку Новотагильским металлургическим заводом бронелиста для Уральского танкового завода № 183. Но, как впоследствии было установлено, НТМЗ не всегда мог удержаться даже в рамках облегчённых техусловий: за пределами допустимого находились такие показатели, как неоднородность металла по химическому составу, шиферность, расслоение, пониженная вязкость⁴³.

В Наркомате чёрной металлургии об этом знали. Информированным по должности полагалось быть и секретарю обкома ВКП(б) по чёрной металлургии А.Б.Аристову.

Поскольку В.А.Малышев рассматривал облегчённые технические условия как временные льготы НТМЗ на период освоения производства бронелиста, завод № 183 в январе 1942 г. предложил Наркомчермету утвердить новые, более жёсткие. Заместитель Тевосяна в Наркомате чёрной металлургии С.И.Резников, со своей стороны,

категорически отказался их утверждать, мотивируя, что Новотагильский завод не справляется с выполнением действовавших льготных техусловий. Последующие неоднократные попытки 183-го завода, Наркомата танковой промышленности, и, наконец, самого Малышева добиться перехода НТМЗ на новые техусловия успехом не увенчались. Пререкания между двумя заводами, двумя наркоматами продолжались вплоть до июня 1942 г. Всё это время, начиная с ноября 1941 г., НТМЗ поставлял 183-му заводу бронелисты.

В конце весны 1942 г. появились первые сообщения о том, что на фронт поступают танки Т-34 с трещинами в броне. В мае на завод № 183 из частей Красной Армии поступили рекламации на 13 танков, в июне – на 38, и лишь за первые 10 дней июля – на 72 танка. К расследованию подключилась Прокуратура СССР. Ход расследования контролировал лично член Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО В.М.Молотов, отвечавший за работу танковой промышленности.

Следствие установило, что Т-34 с трещинами на бронекорпусах стали выходить с конвейера 183-го завода, начиная с марта 1942 г. До этого времени завод пользовался имевшимся заделом из бронелистов, изготовленных бывшим Мариупольским заводом. Как только этот задел был исчерпан, завод перешёл на бронелисты, изготовленные Новотагильским заводом. И сразу на 183-й завод начали поступать массовые рекламации из армии. Прокурату-

ра установила причину брака бронелистов: «Выплавляемая на Новотагильском заводе сталь марки 8С отличается крайней неоднородностью по своему составу, главным образом по содержанию углерода, фосфора и кремния»⁴⁴.

Тевосян пытался взвалить вину на Наркомат танковой промышленности, на Малышева, утвердившего облегчённые техусловия, и на 183-й завод. К слову сказать, на заводе № 183 действительно имели место нарушения технологии обработки бронеплит. Однако, как установила Прокуратура СССР, эти нарушения не давали бы столь массового появления трещин бронекорпусов, если бы бронеплиты, поставляемые НТМЗ, были доброкачественными и отвечали бы техническим условиям. В письме на имя В.М.Молотова Малышев негодовал: «Доказано, что основной причиной плохого качества брони Новотагильского завода является исключительная технологическая распушенность, царившая на заводе, и нарушение самых элементарных правил изготовления брони на Новотагильском заводе»⁴⁵.

Прокуратура Союза в докладе В.М.Молотову в качестве доказательства систематического и грубого нарушения технологической дисциплины на НТМЗ привела сведения, что плавка металла в мартеновском цехе вместо установленных 14 часов продолжалась 15–18 часов.

Но всегда ли новотагильские сталевары были в силах выдержать регламентированное время плавки? «Очень долго, например, продолжалась разделка закозленного отверстия, – вспоминал о военном времени мастер мартеновского цеха Т.П.Давыдков. – Кислорода в баллонах не хватало, и люди вручную, ломиком и кувалдой разделявали отверстие. Помню, я и обер-мастер Неказов разбивали закозленное отверстие на третьей печи. Оба выбились из сил и не смогли открыть отверстие. Пришла новая смена Пологова и Шипигусева, и только они выпустили плавку. Мы, израсходовав силы, едва дошли домой»⁴⁶.

Жертвой обстоятельств стал директор НТМЗ Ф.Ф.Рязанов. Как

Продукция бандажного цеха НТМЗ. 1943 г.

не справившийся с работой он был снят с должности и отправлен в Узбекистан руководить небольшим металлургическим заводом, который ещё только строился. На его место Тевосян назначил своего заместителя С.И.Резникова⁴⁷.

Таким образом, даже спустя год с начала войны битва за качество броневой стали в Тагиле была далека от завершения. На укрощение брони будет потрачено немало сил учёных и заводчан, потребуется проведение сложных организационно-технических мероприятий...

Что же касается бандажного стана, то ценой невероятных усилий он был введён в строй несколькими днями позднее установленного ГКО срока: 18 декабря 1941 г. начала работу заводская комиссия по приёмке смонтированного оборудования стана. Бандажи для железной дороги и кольцевые опоры для башен танков в первое время производили по упрощённой технологии, а затем, когда достроили печной и отделочный пролёты, с полным технологическим циклом⁴⁸.

Решение о демонтаже бандажного стана, принятое в чрезвычайной спешке первых дней войны, нанесло военной промышленности ощутимый урон. Для устранения последствий этого просчёта понадобились, без преувеличения, трудовой героизм рабочих и инженерно-технических работников НТМЗ, а также существенные материально-технические затраты.

Правда, нужно сказать, непосредственные виновники всю жизнь

помнили о своей оплошности. «Встречаясь впоследствии с Павлом Ивановичем и вспоминая броневой стан, мы смущённо друг другу подмигивали, – признавался Аристов на склоне лет. – За всё остальное нам краснеть не приходилось»⁴⁹.

Война поставила точку в споре между сторонниками и противниками Новотагильского металлургического завода. После оккупации фашистскими войсками Украины и прекращения работы металлургических заводов в центре страны на Урал легла основная тяжесть по снабжению военно-промышленного комплекса металлом. Новотагильский завод явился уникальной площадкой для размещения и ввода в эксплуатацию эвакуированного сложного металлургического оборудования. В течение военных лет шло непрерывное наращивание производственных мощностей, были построены и введены в эксплуатацию ещё четыре мартеновских печи, пять вспомогательных цехов. Форсированными темпами в 1943–1944 г. была построена третья доменная печь. Принимала её в апреле 1944 г. правительственная комиссия во главе с заместителем наркома чёрной металлургии академиком И.П.Бардиным. Иван Павлович дотошно осмотрел весь комплекс домны, после чего собственноручно записал в акте приёмки: «Третья новотагильская домна построена отлично». Газета «Правда» опубликовала поздравление председателя ГКО И.В.Сталина в адрес новотагильских металлургов⁵⁰.

За время войны завод стал одним из крупнейших в отрасли. В течение 1940–1945 гг. он в 15 раз увеличил выпуск валовой продукции, в 5 раз – выплавку чугуна, в 15 – стали и в 23 раза – производство проката. 30 % всего броневое листа, поставленного в течение войны на танкостроительные заводы, поступило с Новотагильского металлургического завода⁵¹. Огромный вклад завода в Победу, несмотря на все имевшиеся сложности в производстве, неоспорим...

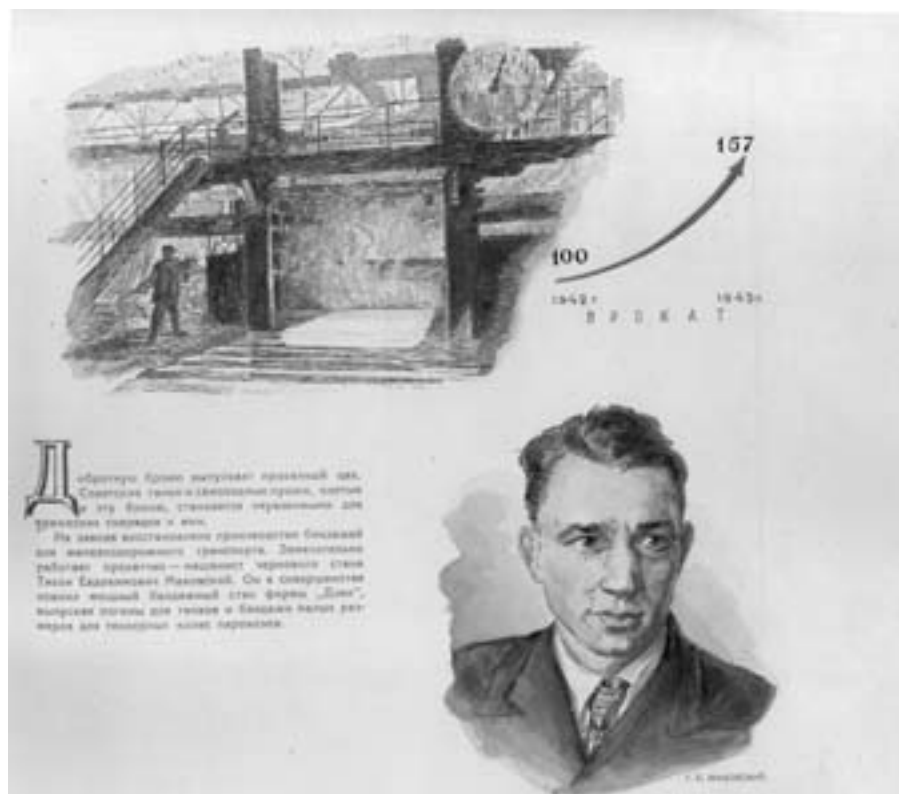
Толстолистовой стан-труженик после войны ещё долгие годы служил на Нижнетагильском металлургическом комбинате. Даже в центре Нижнего Тагила можно было слышать, как без усталости пыхтит его паровая машина. Стан был остановлен только в 1997 г., после чего он стал экспонатом Нижнетагильского музея-завода. Бандажный стан английской фирмы «Дэви» – самый первый объект основного металлургического производства – действует на комбинате и поныне.

Примечания:

- 1 Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 7; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя». История трудового коллектива Нижнетагильского металлургического комбината. Свердловск, 1990. С. 156.
- 2 Аристов А. Незабываемое... С. 7.
- 3 Аристов А. Незабываемое // В тылу, как на фронте / сост.: З.А. Янговский. Свердловск, 1986. С. 13.
- 4 Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 7–8.
- 5 Там же. С. 8; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 148.
- 6 Аристов А. Незабываемое... С. 8.
- 7 Там же. С. 9.
- 8 Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 139.
- 9 Фоменко А.А. В дни суровых испытаний (1941–1945 гг.) // В строю гигантов. Свердловск, 1966. С. 30; Рябоконт Н. «Одежда» для танков // Тагильский рабочий. 1985. 26 февраля; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 146.
- 10 Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 146–147.
- 11 Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116в. Л. 156.
- 12 Рябоконт Н. «Одежда» для танков... Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 147; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116г. Л. 28.
- 13 Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 147; Рябоконт Н. «Одежда» для танков...
- 14 Три столетия «старого соболя». Екатеринбург, 2005. С. 76.
- 15 Аристов А. Незабываемое... С. 9.
- 16 Там же; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116а. Л. 181.
- 17 Аристов А. Незабываемое... С. 9.
- 18 Там же.

- 19 НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116а. Л. 153.
- 20 Там же. Л. 136, 164–165.
- 21 Там же. Л. 125, 132; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 145.
- 22 Аристов А. Незабываемое... С. 9.
- 23 Давыдов Т.П. Тагильская броня // В строю гигантов. С. 38–39; Три столетия «старого соболя»... С. 76; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 144–145.
- 24 Носов Г.И. Сталинская Магнитка // «Неустанно двигаться вперед...» / сост.: А.М. Лапин, Н.Г. Пукаляк, Т.В. Фатина, С.А. Рухмалев. Магнитогорск, 1995. С. 139–141; Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 124.
- 25 Аристов А. Незабываемое... С. 9–10.
- 26 Там же. С. 10; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 148; Три столетия «старого соболя»... С. 76.
- 27 Аристов А. Незабываемое... С. 10.
- 28 Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 147; Три столетия «старого соболя»... С. 66, 76; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116г. Л. 84.
- 29 НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116в. Л. 46.
- 30 ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 48. Д. 2101. Л. 9–10.
- 31 Там же. Оп. 28. Д. 1995. Л. 3 об.; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116в. Л. 46–47; Три столетия «старого соболя»... С. 80–81.
- 32 НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116в. Л. 46–47, 77.
- 33 Там же; Рябоконт Н. «Одежда» для танков...
- 34 НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116в. Л. 4, 21, 65, 70; Д. 116г. Л. 105.
- 35 Рябоконт Н. «Одежда» для танков... НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116в. Л. 94, 114–115.
- 36 Богуж Е.Л., Рагозин В.А., Стоякин И.В. Аварии и катастрофы на Южном Урале // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 21; Носов Г.И. Сталинская Магнитка... С. 196; Дымшиц В.Э. Магнитка в солдатской шинели. М., 1995. С. 73–76; Кучер

- В.Н. Магнитка в 1941–1945 годах. Подробности. Факты. Документы. М., 2010. С. 54.
- 37 НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116а. Л. 256.
 - 38 Давыдов Т.П. Тагильская броня // В строю гигантов. С. 40; Есин В.Д. По-фронтовому // В строю гигантов. С. 41; Рябоконт Н. «Одежда» для танков...; НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116а. Л. 165.
 - 39 НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116г. Л. 115–116, 119, 123, 125, 128, 135–136, 141, 151, 205; Рябоконт Н. «Одежда» для танков...
 - 40 Григорьев Н.А. Бойцы глубокого тыла // В строю гигантов. С. 44; Фоменко А.А. В дни суровых испытаний (1941–1945 гг.) // В строю гигантов. С. 31; Рябоконт Н. «Одежда» для танков...; Три столетия «старого соболя»... С. 96.
 - 41 Рябоконт Н. «Одежда» для танков...
 - 42 Давыдов Т.П. Тагильская броня // В строю гигантов. С. 40.
 - 43 Жирнов Е. «В армию поступают танки Т-34 с трещинами бронекорпусов» // Коммерсант-Власть. 2011. № 37 (941). 19 сентября. С. 68–69.
 - 44 Там же. С. 67, 69.
 - 45 Там же. С. 68–69.
 - 46 Там же. С. 67; Давыдов Т.П. Тагильская броня // В строю гигантов. С. 40.
 - 47 ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 28. Д. 1995. Л. 8; Три столетия «старого соболя»... С. 80–81.
 - 48 НТГИА. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 116в. Л. 102; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 147.
 - 49 Аристов А. Незабываемое... С. 9.
 - 50 Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»... С. 160–161.
 - 51 Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 119, 130.

Фрагмент страницы альбома «Нижний Тагил о выполнении обязательств уральцев товарищу Сталину. 1943».

ПРОФАШИСТСКИЕ ЛИСТОВКИ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

Владимир КАШИН,

сотрудник отдела в городе
Нижнем Тагиле УФСБ России
по Свердловской области.
г. Нижний Тагил

Ослабленная предвоенными репрессиями крестьянская по составу и духу Красная Армия несла колоссальные потери в начальный период Великой Отечественной войны. Тяжёлое катастрофическое положение на фронте летом-осенью 1941 г. в результате агрессии фашистской Германии и стратегических просчётов советского руководства в части выборов союзников, оценки начала агрессии и характера войны, ставило одной из главных насущных задач превращение в чрезвычайно короткие сроки Урала в основную базу оборонного комплекса страны.

В Нижнем Тагиле до войны имелось 33 промышленных предприятия различной мощности. С началом военных действий в город срочным порядком было перемещено сорок заводов из западной части страны. Это составило пятую часть принятых Свердловской областью эвакуированных предприятий.

Всё трудовое население города стало работать для фронта. На Нижне-Тагильском металлургическом заводе им. Куйбышева (до 1917 г. — принадлежал наследникам П.П.Демидова, князя Сан-Донато) наладили производство гранат и стабилизаторов реактивных снарядов «катюш», даже воспитанники детдома в учебных мастерских производили кожухи для гранат. В значительной степени успехи танкостроителей обеспечили поставщики металла. Хотя на Уральский танковый завод (завод № 183, ныне Уралвагонзавод) бронелист поступал с различных предприятий, поставки Ново-Тагильского металлургического и завода им. Куйбышева (старого демидовского) были определяющими.

Нижний Тагил дал в годы войны около трети всей танковой брони Советского Союза.

Ранним утром 19 сентября 1941 г. спешившие на рабочие места тагильчане опешили, увидев издалика на телеграфных столбах и зданиях листовки с фашистскими свастиками. После того как известия о них дошли до сотрудников НКВД и НКГБ, десяток таких листовок удалось обнаружить и изъять в центральной части города.

Ко времени наступления бабьего лета на Урале уже пали под фашистскими ударами крупные советские города: Киев, Минск и Смоленск. Враг рвался напрямую к Москве, взяв в кольцо Ленинград, но отказался штурмовать в лоб обречённую (на его взгляд) бывшую резиденцию русских царей. В условиях ограниченной информации о положении в стране и на фронтах нетрудно представить замешательство и смятение тех тагильчан, кто успел ознакомиться с убийственно-разящим текстом вывешенных на всеобщее ознакомление фашистских листовок.

Что было в тех листовках? По крайней мере, два варианта их содержания сохранились в материалах уголовного дела № 1114\ -1941. Некий «полковник Скрижалъ» лично обратился к горожанам с ВОЗЗВАНИЕМ (!) «встать на защиту обездоленного русского народа от шайки бандитов-коммунистов, возглавляемых обер-бандитом Сталиным...»¹.

По данным автора воззвания, «...красная армия разбита, фронты западный и южный прорваны, бывший конокрад советский маршал Будённый окружон и прижат

Использованы фотографии, находящиеся на хранении в Государственном архиве административных органов Свердловской области.

к морю». В листовке была вознесена хвала «нашим избавителям немцам». Последние, по представлению возвысившего одинокий глас «полковника», «...самый культурнейший народ. Они крепки не только оружием, но и единством. Гитлер всегда с народом и армией. Народ, армия всегда с Гитлером...».

Второй вариант листовки того же автора, озаглавленной «ВНИМАНИЕ!» (также со знаками свастики), позволим процитировать подробнее в той части, где полковник Скрижаль изложил свою программу помощи агрессору и избавления от Советской власти.

«...Действительность такова: фронт прорван, красная армия

разбита, ведёт лишь партизанскую войну, но не в тылу, а здесь, у себя. В тылу у немцев никаких партизан нет. Население считает себя счастливым, что избавилось от коммунистов, этих паразитов-минеток.

Занятые немцами города – русские празднуют своё счастливое освобождение от совет. власти.

Что нужно сделать нам, русским людям, чтобы избавиться от коммунистов, а, следовательно, и от советской власти?

Ответ: Смотреть на немцев, как на единственных своих избавителей, всячески им помогать. Эти люди ради нашего спасения жертвуют своей жизнью.

Вредить всякими способами коммунистам, их советской власти.

Индивидуальные интересы населения соблюдать и охранять.

Пишите на столбах, на заборах на всяком клочке бумаги: по две – по три буквы сокращенные слова. Например:

«Д.К.» – долой коммунистов

«Д.С.В.» – долой советскую власть

«Д.З.П.Н.С.» – да здравствует партия национал-социалистов и т.д.

Возможно меньше работайте на оборону, не помогайте большевикам. Сейчас опять весь снятый урожай хлеба увозят в Америку и Иран.

Надеюсь на вашу отзывчивость.

Полковник [подпись] Скрижаль².

Из истории Великой Отечественной войны известно, что большие специалисты мощной пропагандистской машины фашистской Германии подготовили сотни и тысячи различных газет и листовок, печатая их на русском языке миллионными тиражами. Листовки с фотографией захваченного в плен сына Сталина в окружении ладно одетых немецких офицеров, воззвания и обращения бывшего генерала Власова, и многие другие печатались на оккупированной территории. Захваченные типографии немедленно восстанавливались и использовались для «промыывания мозгов» населения и бойцов Красной Армии. Подобную нацистскую продукцию строжайшим образом предписывалось изымать и уничтожать.

Однако забросить на Урал в рюкзаке или раскидать с самолета хотя бы небольшой тираж фашистских газет или листовок по ведомству министра пропаганды Геббельса было невероятно трудно в силу удалённости от линии фронта³.

Распространённый в центре России текст со свастиками был написан от руки печатными буквами (что осложнило впоследствии идентификацию автора). Каждая листовка писалась автором пером и чернилами индивидуально на

Листовка, расклеенная в Нижнем Тагиле в сентябре 1941 г.

обёрточной бумаге, вероятно, не в одну ночь. Это не тиражирование образца, а кропотливая и осознанная работа, поэтому листовки отличались содержанием одна от другой. Однако направленность всех обнаруженных в одно утро листовок совпадала в осуждении Советской власти, ожидании немцев-избавителей, призывах помощи врагу, подписью и... использованием вышедших из употребления старорежимных словесных окончаний, отменённых одним из первых декретов РСФСР⁴.

Мы сегодня долго можем рассуждать и удивляться политической наивности автора, утверждавшего, что «через несколько месяцев немцы будут здесь, они несут нам сытую свободную и счастливую жизнь», а в условиях войны такая позиция каралась жестоко, вплоть до высшей меры наказания. Надеюсь, что действительные планы Гитлера в отношении судьбы покорённых народов Советского Союза когда-нибудь стали известны представителю и защитнику «русского» народа и раскрыли ему глаза на бесчеловечный характер фашизма.

Тагильским чекистам удалось расшифровать загадочного полковника, пожелавшего остаться на скрижалях истории⁵. Автором антисоветского воззвания к уральским рабочим, интеллигенции и воинству оказался инженер-конструктор Нижне-Тагильского металлургического завода им. Куйбышева Алексей Дудников. Его задержали в октябре 41-го.

Следствие, по меркам военного времени, длилось долго – полтора года. За этот период специалистами Свердловска и Москвы были

проведено четыре неоднозначных по выводам графологические экспертизы текстов и почерка изъятых листовок.

В феврале 1943 г. Особым Советом НКВД СССР А.Н. Дудников был осуждён по статье 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация) к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Никогда более «полковник Скрижаль» не появлялся с воззваниями к русскому народу и населению Нижнего Тагила в пользу фашистов.

Алексей Дудников родился в 1898 г. в Санкт-Петербурге в семье помещика, заводчика и дворянина. Его отец – Николай Николаевич

хозяйством, но и наболевшими политическими проблемами общества. В период с 1907 по 1912 г. он состоял депутатом Государственной думы Российской империи от Херсонской губернии по списку партии Октябристов, получившей большинство в Госдуме III созыва.

По семейным преданиям, дед Алексея (по матери) – адмирал русского флота Григорий Иванович Бутаков (1820–1882) отличился ещё в русско-турецкую войну тем, что в 1853 г. в ходе первого в истории боя паровых кораблей захватил 10-пушечный турецкий пароход «Перваз-Бахри», за что был произведён в капитаны 2-го ранга, награждён орденом Св. Георгия. Кроме того, за доставку трофея в Севастополь тридцатилетний офицер получил дворянский титул и значительные «призовые», на которые были удачно приобретены имения в Херсонской и Саратовской губерниях, а также несколько винных заводов.

Самый младший в семье Алексей Дудников никакими имениями, мастерскими и заводами не владел. Не успел вступить во владение – революция аннулировала все накопления и приобретения предыдущих поколений. Накануне Февральской революции студент второго курса Санкт-Петербургского политехнического института был призван на военную службу по студенческой мобилизации против собственного желания. Шла кровопролитная Первая мировая война, которая требова-

ла снарядов и «пушечного мяса». Избегая отправки на передовую, недоучившийся студент предпочёл поступление в Одесское военное училище, а по окончании ускоренного курса новоиспечённый прапорщик был направлен Времен-

Схема обнаружения в Нижнем Тагиле листовок в сентябре 1941 г.

Дудников (1865–1921) окончил в свое время юрфак Харьковского университета, что позволило ему занять должность земского начальника. Получив в качестве приданного в удачном браке 4000 десятин пахотной земли, активно занимался не только помещичьим

ным правительством на службу в крепостную артиллерию Выборга.

Когда в революционном порыве команда гарнизона «брала» зимние дворцы Петрограда, его не было с матросами. В своей непродолжительной службе Алексею довелось увидеть ужасные картины расправы с неугодными офицерами флота, которых связанными сталкивали со скал в море. Среди жертв революции оказались и его бабушка Амалия Арсеньевна Бутакова (урождённая Рождественская) и дядя контр-адмирал Александр Григорьевич Бутаков, расстрелянные большевиками в Кронштадте на берегу Финского залива.

В начале 19-го младший флотский офицер, прикрываясь неразберихой на флоте и приказом о всеобщей демобилизации, самовольно оставил часть и уехал в имение отца, чтобы никогда больше не возвращаться на военную службу.

Вскоре, пользуясь слабостью России, Германия оккупировала Украину. Семье Алексея Дудникова власти и немецкое командование оказали помощь в возвращении земли и имущества, экспроприированные комитетами бедноты. Хозяин поместья с тремя сыновьями в свою очередь оказали радужный приём офицерам вермахта, оставив их на постой. Обиженные крестьяне в отместку устраивали ночные налёты, выкуривая «красным петухом» помещика с распаханной и засеянной ими пашни. Семья Дудниковых вынуждена была переехать в Одессу. В портовом городе отец выхлопотал за взятку младшему наследнику паспорт на имя греческого подданного Дудникоса, по которому Алексей перебрался в Турцию, чтобы избежать призыва в армию Деникина (а позднее и в Красную).

Только после окончания боевых действий и прочного установления новой власти на Юге России Алексей вернулся в Советскую Россию. Его старший брат к тому времени погиб, сражаясь в рядах Белой армии.

В 1921 г. чекисты Николаевской губернии задержали отца и сына Дудниковых. Отца расстреляли за контрреволюционную деятельность, припомнив ему притеснения

крестьян, а Алексей постановлением Коллегии ЧК был освобождён за недоказанность совершения преступлений против власти. В начале 22-го брата Алексей и Григорий вернулись в родной Питер, где добывали хлеб насущный на рабочих местах, а затем поступили учиться на «красных» инженеров. В 1930 г. «потомственному дворянину» Алексею Дудникову удалось всё-таки окончить политехнический институт, в котором он учился с перерывом на русско-германскую и Гражданскую войны с 1915 г. Дипломированный инженер-механик работал на заводе, а затем исполнял обязанности доцента Ленинградского электротехнического института. Казалось, всё образумилось и жизнь понемногу налаживается.

Подвела Алексея «политическая близорукость» и излишняя конспирация. Переписка с немецким офицером, одним из тех, кто жил в отцовском имении, после прихода национал-социалистов к власти в Германии вызвала подозрение органов ОГПУ-НКВД. К тому же свои письма к брату до востребования и без обратного адреса он заканчивал неременным условием – «по прочтению сожги». Весной 1935 г., вскоре после убийства С.М.Кирова, сына помещика, дворянина и депутата имперской Госдумы, как социально-опасного элемента осудили к 5 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией личного имущества⁶.

Дудников отбыл пять лет в уральских лагерях и к началу войны работал инженером-конструктором на заводе им. Куйбышева в Нижнем Тагиле. Так, Советская власть записала дезертира и аполитичного инженера в свои враги, выслав его из Ленинграда на жительство и прозябание в далёкий Нижний Тагил. По свидетельству сотрудника, проводившего обыск в его небольшой съёмной комнате в доме № 4 по улице Бригадной, одинокий интеллигент жил в крайне стеснённых условиях, не имея постельного белья. В вынесенном обвинении ему припомнили слова, сказанные как-то сторяча квартирной хозяйке Федосии Бушиной:

«Пожрать нечего, когда всё кончится, вот до чего дожили».

После досрочного освобождения (ввиду ударного труда в сибирских лагерях) Дудников работал на инженерных должностях в Кемеровской области. В середине 1950-х он подал заявление о пересмотре обоих приговоров, отмечая, что следствие в период военных действий велось недозволенными методами. После XX партсъезда Алексея Николаевича Дудникова реабилитировали по обоим приговорам – 1935 и 1943 гг.

Нам неизвестно, приезжал ли после этого инженер Дудников в Нижний Тагил, с которым были связаны тяжёлые страницы его жизни, смог ли вернуться в родной город на Неве. Мы же, в свою очередь, должны отметить в заключение: по мере того как народы Советского Союза осознавали, что фашисты напали с тем, чтобы убивать «русское воинство», грабить и порабощать население, война приобретала характер народного общественного отпора, и никакие профашистские листовки не смогли бы изменить волю россиян к защите Отечества от внешнего врага.

Примечания:

¹ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 20051. Л. 121.

² Там же. Л. 117–117 об.; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Документы и материалы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. Т. 2. С. 18–20.

³ Более подробно см.: Кашин В. На службе у государства. Органы госбезопасности города Нижний Тагил: люди, судьбы, факты. Нижний Тагил, 2008. С. 203–249.

⁴ Пунктом № 7 декрета Наркомата просвещения от 23 декабря 1917 г. «О введении нового правописания» предписывалось в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений писать -ого и -его вместо -аго и -яго. Так, вместо «русского и угнетенного» следовало писать «русского и угнетенного». Нормы указанного декрета, исключившие буквы «фита», «i» и «ъ» в конце слова, как правового акта, действуют в Российской Федерации до настоящего времени.

⁵ Скрижали истории (переносное значение) – то, куда заносятся важные события, даты, имена.

⁶ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20051. Материалы следственного дела № 1114/1941.

ПОЧЕМУ ДИВЕРСАНТЫ СКОРЦЕНИ НЕ ДОШЛИ ДО НИЖНЕГО ТАГИЛА И СВЕРДЛОВСКА

(из архивов контрразведки)

Владимир КАШИН,

сотрудник отдела в городе
Нижнем Тагиле УФСБ России
по Свердловской области.
г. Нижний Тагил

Согласно плану «Барбаросса», утверждённому Гитлером в декабре 1940 г., германский вермахт должен был разбить вооружённые силы Советского Союза в ходе кратковременной кампании. После завершения блицкрига на линии Волга – Архангельск военное командование планировало обустроить заградительный барьер против азиатской России, а индустриальный Урал должен быть сокрушён и парализован массированными авиационными ударами

бомбардировщиков дальнего действия.

Однако фашистский план молниеносной войны, составленный без учёта реальной мощи и резервов СССР, потерпел крах. Война с самого начала приняла ожесточённый и затяжной характер. Под влиянием данных о массовой эвакуации советской военной промышленности на Восток задачи вермахта дополнились уничтожением уральского промышленного потенциала путём крупной экспедиции на Урал силами двенадцати танковых и моторизованных дивизий. Опасения германского Генштаба в отношении важности уральских заводов были обоснованы.

Танковая промышленность Советского Союза за четыре военных года выпустила 98 тысяч единиц бронетехники. При этом только с конвейера Уральского танкового завода в Нижнем Тагиле сошло 27 тысяч «тридцатьчетвёрок»¹, что позволило СССР в конечном итоге обогнать Германию и её сателлитов в производстве бронетехники, а также не зависеть от поставок союзников. Благодаря чёткой работе танкового конвейера в Нижнем Тагиле, к 1944 г. Кировский завод (Челябинск) и Уралмаш (Свердловск) были освобождены от планов по производству средних танков в пользу тяжёлых и самоходных артиллерийских установок.

Важным условием наращивания военной продукции стала недосыгаемость Урала для вражеской авиации. Новые немецкие бомбардировщики Юнкерс-88 и Хейнкель-111 имели возможность отбомбить Урал в период 1942–1943 гг. и вернуться на базовые аэродромы в междуречье Дона и Волги. Но только без истребительного сопровождения. Бытует утверждение, что якобы Гитлер давал указание маршалу авиации не жалеть бомб для уральских заводов

Трофейная карта.

и рудников, но Геринг за весь период военных действий на Восточном фронте не рискнул осуществить подобные фантазии фюрера, резонно опасаясь массовых потерь самолётов в русском тылу. Ни одна вражеская бомба так и не взорвалась на Урале.

* * *

Смелый и весьма опасный проект с условным наименованием «Ульм» по уничтожению оборонной промышленности Урала родился в недрах Главного управления безопасности рейха (РСХА) когда со всей очевидностью провалился и сам план «Барбаросса», и всякие дополнения к нему. Когда реально встала угроза существования самого «тысячелетнего» рейха. После проигранных сражений под Сталинградом и Курском в полосе 45⁰–36⁰ восточной долготы ведомство рейхсфюрера СС Гимmlера, осознав стратегически решающее значение военно-промышленного комплекса Урала, разработало план проведения широкомасштабных диверсий на 60-м меридиане. Первоочередными целями должны были стать танковые, боеприпасные и металлургические заводы Урала. С учётом того, что указанные предприятия усиленно охранялись ВОХР и частями НКВД, подрыву подлежали в первую очередь электростанции и магистральные ЛЭП, с тем, чтобы надолго обесточить производство военной продукции. По данным бывшего диверсанта Павла Соколова: «По замыслам нашего руководства, группе «Ульм» ставилась задача десантироваться с воздуха на Урале, мелкими группами разойтись по намеченным маршрутам, держа связь с Центром по радио, а затем в назначенное время, одновременно вывести из строя линии высокого напряжения, питающие энергией промышленность Уральского региона. Это должно было вызвать не только временную остановку заводов, но и выход из строя многих производств металлургического профиля»².

В августе 43-го в недрах «Цепелина»³ семьдесят отобранных агентов приступили к специальной подготовке в местечке Освитц в пригороде города Бреслау. Кандидатов в спецотряд отбирали среди военнопленных, бывших военнослужащих Красной армии, но стержнем проекта должны были стать полтора десятка идейных противников больше-

виков из числа белоэмигрантов и их потомства. Каждому курсанту выдали «айнзатцбух» (служебное удостоверение) VI отдела РСХА с личной фотографией в форме СС. Тридцать наиболее успешных диверсантов в конце 43-го прибыли в село Печки близ древнего русского города Псков для завершения подготовки, во время которой тщательно изучали подробные цветные карты Урала. Если на теоретических занятиях диверсантов обучали специфике подрыва мостов и высоковольтных ЛЭП, паровых турбин и другого оборудования электростанций, то на Псковщине они опробовали новые виды пластичной взрывчатки при подрыве железнодорожной инфраструктуры.

По свидетельству бывшего наёмника Соколова, во второй половине 1943 г. всю группу «Ульм» представили штурмбанфюреру СС Отто Скорцени: «...к нам вышел рыжий молодец со шрамами на щеке, подержался за руки, задал пустые вопросы, и на этом аудиенция закончилась». Действительно, исполнение амбициозного проекта было возложено на лучшего диверсанта Германии, который спустя тридцать лет похвалялся: «Спланированная рейхсфюрером СС Гимmlером операция «Ульм» была нелёгкой. Речь шла об уничтожении больших доменных печей Магнитогорска, а также одной или двух электростанций, снабжающих электроэнергией громадные металлургические и химические комбинаты этого региона... Что касается Магнитогорска, то именно благодаря «Цепелину» я смог воссоздать план города и главных промышленных комбинатов [Урала]...»⁴.

Передовая (Северная) группа парашютистов-диверсантов из семи человек под руководством 35-летнего белоэмигранта И.Н.Тарасова имела задание приземлиться «в 80-м квартале Свердловской области, восточнее города Кизела». Взглянем на карту: если от Кизеловских угольных копей преодолеть 100–150 км уральского плоскогорья, то попадём на равнину в районе Нижней Туры и Верхотурья с удобными выходами на старую Горнозаводскую железнодорожную магистраль Пермь – Нижний Тагил. В лесах и на железной дороге диверсантам предписывалось проводить диверсионно-террористическую деятельность, опираясь на «многочисленных красно-

армейцев-дезертиров и немецких военнопленных».

Северная группа на специально подготовленном трёхмоторном самолёте с дополнительными топливными баками вылетела с рижского военного аэродрома. В Пскове его дозаправили под завязку. Через семь часов полёта на Восток агентов-парашютистов сбросили ночью 18 февраля 1944 г. в лесной чаще⁵.

Вновь обратимся к воспоминаниям члена Южной диверсионной группы бывшего обершарфюрера (фельдфебеля) Соколова.

«Наш вылет должен был состояться через двое суток. Где-то часа в три пополудни, мы облачилились в тёплую одежду: меховые штаны, куртки, белые маскхалаты, надели парашюты и погрузили на автомашину заранее упакованные грузы (10–12 мест). На аэродроме нас подвезли к «Юнкерс-252», который был значительно больше типового транспортника «Ю-52», имел другие моторы, а главное, десантирование производилось не через боковую дверь, а через аппарель в нижней части фюзеляжа, в открытом состоянии отвисавшую, подобно нижней челюсти крокодила. Посредине «челюсти» проходил отполированный жёлоб, по которому спускались грузы и люди. Ухватиться за что-либо было нельзя, задержаться тоже, и севший, или лёгший на брюхо в этот жёлоб, катился до самого вылета в пространство. Перспектива неприятная, так как этот жёлоб был длиной метров пять, а путь в «никуда» составлял не короткое мгновение прыжка из люка, а несколько секунд томительного страха. Мы быстро занесли по трапам аппарели свои грузы и сели на скамейки, находившиеся вдоль бортов, в центральной части фюзеляжа. Начался прогрев двигателей. Моторы неоднократно запускались, затем глохли, запускались снова. Затем наступила довольно длительная пауза, пилот объявил о неполадках в одном из двигателей и переносе вылета на следующий день. Грузы оставили в самолёте, а люди вернулись обратно. Было уже темно, в кузове грузовика мы изрядно продрогли, несмотря на тёплое обмундирование. Командир группы Ходолей по этому случаю приготовил «гrog», израсходовав на это фляжку спирта из НЗ и где-то сохранившийся стручок жгучего балканского перца. Всё это, раз-

Страницы паспорта П.П.Андреева.
Архив УФСБ РФ по Свердловской области.

Страница паспорта П.П.Андреева с пропиской.
Архив УФСБ РФ по Свердловской области.

бавленное несколько водой и подогретое до 50°, представляло адскую смесь, после принятия которой, пациенты почувствовали себя, как в бане на верхней полке, и рухнули в беспробудном сне. Спали мы довольно долго. Я проснулся от того, что на меня вскочил верхом какой-то человек и начал на мне гарцевать. Я сразу ничего не мог понять. Когда я пришёл в чувство, то узнал в моём наезднике Ходолея. Смеясь и подпрыгивая, он объявил, что пришло распоряжение прекратить операцию «Ульм» и немедленно выехать в Германию. Так мы и не узнали причину столь неожиданного финала нашей авантюры, не узнали ничего и о судьбе группы Тарасова. Скорее всего, её провал и стал для нас спасительной соломинкой⁶.

Вылет Южной группы, одетой в форму младших командиров Красной армии, под руководством 40-летнего хауптшарфюрера СС Бориса Ходолея планировался сразу после приёма радиogramмы из советского тыла от передовой группы с задачей десантироваться на 200–400 км южнее «северных» для уничтожения заводов Свердловска, Челябинска...

К слову сказать, сын полковника Русской императорской армии Павел Павлович Соколов (1921–1999), поступивший на службу к немцам по согласованию с болгарскими коммунистами, рвался на Родину и намеревался перейти к русским сразу после заброски. Однако в его случае СМЕРШ перехватил инициативу, и Соколов угодил в руки военной контрразведки сразу после приземления на парашюте в конце 44-го под Архангельском. После отбытия 10 лет в исправительно-трудовых лаге-

рях Соколов, повинувшись выстраданному душевному стремлению, принял советское гражданство, окончил Иркутский институт иностранных языков и четверть века преподавал в школе, оставив подробные воспоминания о том времени. Тогда же, в начале 44-го, всем членам Южной группы неожиданно предоставили внеплановые отпуска с записью: Die Ausreise ist vom Reichsfuehrer SS genehmigt (по личному распоряжению рейхсфюрера СС), тем самым стыдливо прикрывая провал авантюры, именуемой «Ульм»⁷.

С 26 по 29 февраля радиоконтрразведка Уральского военного округа зафиксировала безответные позывные немецкого разведцентра, Северная группа диверсантов провалила задание полностью, её члены не смогли сообщить даже о своём приземлении.

По-видимому, не зря в Нижнем Тагиле затемнение домов и предприятий действовало до окончания войны. У населения в 41-м были изъяты электролампы средней и большой мощности, ограничено их количество и применение в быту. На семью полагались один электропатрон и маломощная лампа, пользоваться которой можно было только при плотно завешанных окнах. За нарушение светомаскировки следовали жёсткие санкции. Тем временем, 28 февраля начальник Нижне-Тагильского отдела НКГБ полковник А.Ф.Сененков получил циркулярное указание №3\19080.

«Управление НКГБ своим № 21890 от 13 октября 1943 г. ориентировала Вас о том, что немецкая разведка в Берлине подготавливает для заброски в наш тыл диверсион-

ную группу «Ульм». Состав группы комплектуется из военнопленных-электротехников и электромонтажников, родившихся или хорошо знающих Свердловск, Нижний Тагил, Кушву, Челябинск, Златоуст, Магнитогорск и Омск.

По этому поводу нами получены от НКГБ СССР дополнительные указания о том, что 8 февраля 1944 г. участники группы «Ульм» из Германии доставлены в город Ригу. Руководителем этой группы является некий Семёнов⁸.

Участники группы «Ульм» снабжаются ядом, отравленными коньяком и папиросами, а также получают маски, предохраняющие от мороза, резиновые перчатки, кремни, батареи и лампочки, по-видимому, для карманных фонарей.

Возможно, что сама группа или груз для неё будет перевезён на самолётах, так как для них были заказаны ящики и парашюты для сбрасывания груза.

Заброска диверсионной группы «Ульм» намечается в северные районы Советского Союза.

Ориентируя Вас о вышеизложенном, предлагаю принять самые активные меры розыска и своевременного изъятия участников группы в случае появления их на территории Свердловской области, а также усиления охраны и пропускного режима на промышленных предприятиях и охраны пищевых блоков...

С настоящим указанием ознакомить первых секретарей райкомов ВКП(б)...

Начальник Управления НКГБ по Свердловской области
Комиссар ГБ 3 ранга \Борщев\»⁹

Сей документ свидетельствует о том, что советская контрразведка своевременно получала данные об общих целях и задачах подготавливаемых врагом диверсий в глубине России. Пройдёт время и, может быть, мы узнаем, как и какими действиями советских разведчиков внутри немецких цитаделей сверхсекретная операция «Ульм» обрекалась на провал.

Только спустя три месяца оставшиеся в живых диверсанты узнали от чекистов, что их сбросили в Юрлинском районе Молотовской области (54⁰ вост. д., ныне Пермский край). Возможно, что пилоту не хватило топлива на триста километров до расчётной точки, или он просто просчитался в условиях зимней ночи. Однако, скорее всего, немецкий ас запаниковал и испугался «точки невозврата», не дотянув даже до Камы.

18 февраля 1944 г. в Приуралье разыгралась настоящая трагедия. Сброшенных на парашютах диверсантов и их грузы раскидало по тайге в радиусе нескольких километров. Первым в ту ночь погиб радист Юрий Марков из белоэмигрантов. Запутавшись в крошечной тьме в ветках деревьев, он намертво затянул петлю парашютных строп на своём теле.

Командир Южной группы Игорь Тарасов приземлился на родную

землю жёстко и обездвиженный вскоре обморозил ноги. Боясь окончательно замёрзнуть, он стал усиленно согреваться спиртом. От полного бессилия и одиночества решил отравиться приданным штатным средством, но после спирта смертельный яд даже двойной дозы (вот, насмешка судьбы) действовал как... слабительное. Вконец измучившись от поноса, обезвоживания организма и головокружения, он застрелился, оставив записку с описанием своих страданий и пожеланием: «Пусть сгинет коммунизм. В моей смерти прошу никого не винить».

Бывший красноармеец-военнопленный, участник боевых действий на озере Хасан ранее трижды раненый Халим Гареев тоже сильно обморозился в ту ночь и застрелился в одиночестве. Четвёртый диверсант, он же второй радист Анатолий Кинеев, дождался таёжного рассвета и даже пытался выйти на связь с разведцентром. Безрезультатно – немецкая техника не работала. Позже гангрена обмороженных конечностей и пуля «сердобольного» сослуживца оборвала его затянувшиеся мучения.

Оставшихся в живых диверсантов настиг голод. Чтобы найти друг друга в условиях глубокого снежного покрова, им понадобилось несколько суток. От безысходности ели трупное мясо. Первым нашли тело командира... Факты каннибализма

были задокументированы чекистами в ходе расследования. Иногда архивисты Свердловского Управления ФСБ между собой называют неординарные материалы с фотографиями человеческих останков делом «людоедов».

В начале июня, когда закончились все найденные немецкие консервы и подсохли лесные тропы, выжившие парашютисты потопали к жилью в юго-западном направлении. Настороженное местное население отказалось продавать «лесным» красноармейцам продукты даже за приличные деньги. Одичавшая и деморализованная троица вынуждена была сдать властям в Бисеровском районе Кировской области.

Проведённое отделом контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны Уральского военного округа расследование установило, что бывший подпоручик врангелевской армии и полицаи германских оккупационных сил Н.М.Стахов (1901–1950, умер в лагере), бывшие военнопленные Андреев, Грищенко и их погибшие сослуживцы являлись теми самыми «долгожданнами» диверсантами Скорцени из ведомства Гимmlера.

В ходе следственных действий арестованные показали свердловским чекистам останки погибших парашютистов, схроны с тротилом, оружием и радиями. К уголовному делу было приобщено значительное количество взрывчатки, бикфордова шнура, взрывателей и боеприпасов, вполне бы удовлетворившее какой-нибудь партизанский отряд в лесах Белоруссии. Исследуя взрывчатку и взрыватели, эксперты НКГБ сделали вывод о приготовлении к «подрыву и поджогу крупных объектов».

Следователи СМЕРШ отметили, что Северная группа была продумана и отлично экипирована, от саней, лыж и валенок до аптек и альпийских защитных очков. Главное, что заброшенные диверсанты были адаптированы к работе с населением и властями. Каждый был снабжён комплектом добротных фальсифицированных советских документов, красноармейских и трудовых книжек, справок фронтовых госпиталей. Изъятый «общак» включал около полумиллиона рублей. Напомним, что тогда за сотню на рынке можно было купить буханку хлеба, а в дальнем селе и не одну.

Коллектив Нижнетагильского отдела НКГБ. Март 1944 г. Архив отдела в г. Нижнем Тагиле УФСБ РФ по Свердловской области.

Фрагмент обвинительного заключения по следственному делу. Декабрь 1944 г. Архив УФСБ РФ по Свердловской области.

По разработанной в разведцентре легенде, «военнослужащие Красной армии» добирались домой после излечения в госпиталях на законных основаниях. У одного из них был паспорт с тагильской пропиской со штампом от 2 марта 1943 г. Рядовой красноармеец Андреев должен был убедить патрули, что направляется после ранения к месту жительства в Нижний Тагил для окончательного выздоровления. В немецкой спецшколе чувашскому колхознику оставили даже прежнюю фамилию, благо она одна из самых распространённых в России.

Приобщённые к уголовному делу изготовленные немцами паспорта хорошо сохранились. Настолько качественно они были изготовлены, что даже спустя 70 лет не удалось найти следов ржавления под скрепками. Хотя исключительная немецкая рациональность подводила, да попросту «палила» заброшенных агентов. Все советские документы, как правило, носимые у сердца, скреплялись обычными стальными скобами. Такое крепление от пота и атмосферного воздействия через некоторое время оставляло на документах неизгладимые следы ржавчины. А немецкая сталь не ржавела.

По замыслу организаторов одним из диверсантов Северной группы

должен был стать «настоящий» тагильчанин, который до призыва в Красную армию и пленения на фронте работал на строительстве Уралвагонзавода. Но «ульмовец» Капинос не добрался до Пскова, будучи отчисленным с тремя другими несостоявшимися агентами-парашютистами в концлагерь, якобы по причине чрезмерного увлечения спиртными напитками.

Выжившие в зимней приуральской тайге горедиверсанты были

осуждены на 15, 10 и 8 лет за «измену Родине» и принадлежность к немецко-фашистским диверсионно-разведывательным органам как составной части армии противника. После отбытия наказания вышедшие на свободу П.А.Андреев и Н.К.Грищенко просили власти о реабилитации, однако им в этом было отказано.

Организатор и руководитель ряда эффективных акций немецких частей специального назначения Отто Скорцени спустя годы всё же был вынужден признать операцию «Ульм» «абсурдной», так как у него «не было возможности быстрого уничтожения чего-нибудь в районе Урала»¹⁰.

Таким образом, открытые и изученные материалы позволяют исследователям Отечественной войны считать, что заброска Северной диверсионно-террористической группы по плану «Ульм» явилась одной из наиболее дальних (восточных) точек на континенте¹¹. Однако низкий уровень идейной подготовки диверсантов, набранных из военнопленных Красной армии и белоэмигрантской среды, а также незнание реалий советского тыла привели операцию по проникновению агентов-парашютистов немецко-фашистских спецслужб в глубокий русский тыл с целью нанесения значимого ущер-

ба военно-промышленному комплексу СССР к полному краху¹².

Примечания:

¹ В период с 18.12.1941 до 25.05.1945 на УТЗ (УВЗ) произведено 25,9 тыс. (15013 – Т-34-76 и 10890 – Т-34-85) танков, а к декабрю 1945 г. – 27 тыс. См.: История танкостроения на Уральском танковом заводе № 183 им. Сталина: [Рукопись] / Под редакцией Ю.Е.Максарёва // Музей ОАО «НПК «Уралвагонзавод». 1946. Т. 2. Кн. 2. С. 9, 14.

² Соколов П. Ухабы. Рукопись. Красноярск, 1991 // <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/sokolov/1-77.htm>.

³ Предприятие Цепелин (*Unternehmen Zeppelin*) – разведывательно-диверсионный орган гитлеровской Германии, созданный в марте 1942 г. в структуре VI управления РСХА по инициативе В.Шелленберга для работы в советском тылу с задачами: политическая разведка, диверсионная деятельность, создание сепаратистских национальных движений. Наибольшую известность получила подготовка покушения на Сталина в 1944 г.

⁴ Скорцени О. Неизвестная война. Минск, 2012. С. 262.

⁵ Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 170 (арх. № К-9017). Л. 70–92.

⁶ Соколов П. Ухабы. Рукопись. Красноярск, 1991 // <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/sokolov/34-35.htm>.

⁷ Там же.

⁸ Семёнов Михаил Александрович (1894–1965) – уроженец Санкт-Петербурга, окончил Павловское военное училище, адъютант командира лейб-гвардии Егерского полка, штабс-капитан в Добровольческой армии Деникина. В эмиграции возглавил отдел Союза русской национальной молодёжи монархической направленности, в период II мировой войны формировал славянские части вермахта и разведывательно-диверсионного органа РСХА «Цепелин» в г. Бреслау, за что отмечен высшими наградами Германии, штурмбанфюрер СС (полковник). После войны скрывался в Западной Германии и Бразилии.

⁹ Архив УФСБ России по Свердловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177. Т. 1. Л. 34, 34 об.

¹⁰ Скорцени О. Неизвестная война. Минск, 2012. С. 263.

¹¹ По данным УФСБ Республики Коми, в июле 1943 г. два немецких самолёта сбросили 12 парашютистов и 10 контейнеров с оружием в Кожвинском районе Коми АССР (570 в. д.) с целью уничтожения моста через Печору, освобождения немецких военнопленных. После сбора группы её руководитель белоэмигрант Николаев был убит в спину, а остальные сдались. Операция была подготовлена Абвером, руководитель которого адмирал Канарис был отстранён от службы в феврале 1944 г.

Интересно, что американские разведывательные самолёты длительное время безнаказанно совершали полёты на высоте 20 км. над территорией Советского Союза, пока части ПВО под Свердловском не сбили U-2 Ф.Пауэрса 1 мая 1960 г., тем самым остановив массовые нарушения государственной границы СССР в условиях холодной войны.

¹² Более подробно см.: Кашин В. На службе у государства. Органы госбезопасности города Нижний Тагил: люди, судьбы, факты. Нижний Тагил, 2008. С. 203–249.

«ПРОКЛЯТ ЭТОТ ТАГИЛ...»: НЕМЦЫ-СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ В ПЕРВОМ ПОСЛЕВОЕННОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ

Сергей РАЗИНКОВ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
документоведения и права
Нижнетагильской
государственной социально-
педагогической академии.
г. Нижний Тагил

Появление большого количества граждан СССР немецкой национальности в Нижнем Тагиле связано с мобилизациями советских немцев «для нужд народного хозяйства» в период Великой Отечественной войны. При этом мобилизованные сводились в рабочие колонны (отряды), сочетавшие элементы военной организации, производственной деятельности и лагерного режима.

По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 ноября 1941 г. строительство второй очереди Новотагильского металлургического и коксохимического заводов, осуществляемое трестом «Тагилстрой», было передано в систему Спецпромстроя НКВД. Для этой цели был образован Тагильский ИТЛ (Тагиллаг), включавший 9 производственных лаграйонов¹ (впоследствии их количество и нумерация неоднократно изменялись), в которые наряду с контингентами заключённых в начале 1942 г. были направлены и мобилизованные в трудовую армию советские немцы. Первый эшелон с ними прибыл в г. Нижний Тагил 17 февраля 1942 г., а уже 2 марта все трудармейцы были сведены в стройотряды: № 18-74 (входил в 8-й район, основным производственным заданием которого являлось строительство и эксплуатация подсобных предприятий) и № 18-75 (9-й район – лесозаготовительные работы)², через которые в 1942–1946 гг. прошло 6518 советских немцев³. Кроме того, вероятно в феврале 1943 г. на заводе № 63 Наркомата боеприпасов (Высокогорский механический завод, ВМЗ) была организована рабочая колонна из мобилизованных немцев (512 чел.), в основном женщин, которые кроме работы на основном производстве

были заняты на лесозаготовках в районе посёлка Висимо-Уткинск⁴.

Условия жизни и труда советских немцев-трудармейцев Тагиллага в 1942–1946 гг. подробно освещены в научных⁵ и публицистических работах, однако последующий 10-летний период их пребывания на спецпоселении остаётся практически неизученным. В данной статье затрагиваются проблемы, связанные с установлением численности, анализом нормативной базы и юридического статуса, характеристикой трудовой деятельности и образа жизни немцев-спецпоселенцев на примере Нижнего Тагила и прилегающих к нему территорий.

К концу войны режим содержания мобилизованных немцев начал постепенно смягчаться. Вооружённая охрана (наряду с плохим питанием и тяжелейшими условиями труда и быта), провоцировавшая возмущение в среде трудармейцев, была снята в феврале 1945 г., когда в соответствии с приказом начальника Тагиллага М.М.Царевского лагучастки мобилизованных немцев были переведены на самооборону. В декабре 1945 г. отдельным трудармейцам «в случае необходимости или в порядке поощрения» был разрешён выезд к семьям на время отпуска, а также для поездки за семьёй, переводимой к месту работы, во все районы СССР кроме Московской и Ленинградской областей, пограничных районов, а также территорий, находившихся под временной оккупацией немецких войск⁶.

Победа в Великой Отечественной войне способствовала росту у трудармейцев ожиданий скорой демобилизации и возвращения в места прежнего проживания, пе-

Использованы фотографии, находящиеся на хранении в лаборатории исторической информатики Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

ревода на работу по специальности или поступления в учебные заведения, которые, однако, не спешили сбываться. Надежды на изменение статуса мобилизованных советских немцев ярко выразил Э.Я.Ликай, один из трудармейцев Тагиллага, который в августе 1946 г. писал И.В.Сталину: «Я потерял за время войны родителей, потерял сестёр своих, сам трудился, имея среднее образование, на общих физических работах, потому что военная обстановка этого потребовала. А сейчас, спрашивается,

Немцы-спецпоселенцы на работах в песчаном карьере Шайтанка. Начало 1950-х гг.

почему я не могу работать по специальности, а должен сенокосить? Я считаю, я этим не даю Родине то, что мог бы дать. Я хочу усовершенствоваться, поступить в вуз, в Магнитогорске, имею ли я на это право и должны ли меня отпустить? Если должны, то почему отдел кадров не отпускает на учёбу»⁷.

Этот и другие подобные вопросы своих граждан советское правительство не оставило без ответа. С целью удержания депортированных народов в местах выселения во второй половине 1940-х гг. был установлен особый режим спецпоселения, который характеризовался запретом на перемену места жительства, административным кон-

тролем и регулированием деятельности некоторых категорий граждан и членов их семей. Официально статус спецпоселенцев за депортированными немцами был закреплён постановлением Совнаркома СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев», запрещающим самовольные отлучки за пределы района

расселения под угрозой лишения свободы на срок до 10 лет. Однако расписки бывших немцев-трудармейцев Тагиллага свидетельствуют, что ознакомление их с данным постановлением произошло только в августе 1948 г.

Ужесточение режима спецпоселения произошло по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны», согласно которого немцы

Немцы-спецпоселенцы на лесоповале.
Вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.

поселялись в местах своего нынешнего проживания навечно, а побег со спецпоселения карался двадцатью годами каторжных работ. К этому же периоду относится и выделение различных категорий учёта немцев-спецпоселенцев: «выселенные», «репатриированные», «мобилизованные» и «местные».

Выборочный анализ личных дел спецпоселенцев, хранящихся в архиве Информационного центра УВД Свердловской области (АИЦ УВД СО), показывает, что к категории «выселенных» относились все граждане СССР немецкой национальности, депортированные из европейской части страны в 1941 г.; к «репатриированным» – оказавшиеся в 1941 г. на оккупированной противником территории и прошедшие через сеть проверочно-фильтрационных лагерей после освобождения этих районов Красной Армией; к «мобилизованным» – советские немцы, не подвергшиеся депортации и мобилизованные в 1941 г. в Красную Армию или в 1942–1945 гг. в трудовые формирования; к «местным» – граждане, проживавшие, как это могло бы следовать из названия категории, не только в Свердловской области, но и во всей азиатской части СССР, избежавшие депортации и мобилизации.

Немки, мобилизованные в трудовую армию на завод № 63.

Любопытно, что в соответствии с указом 1948 г. «мобилизованные» и «местные» немцы, которые никогда не подвергались выселению, совершенно необоснованно были лишены права возвращения к прежнему месту жительства и требования своего имущества. Этот факт уже в 1954 г. сотрудники отдела спецпоселений Управления КГБ по Свердловской области расценивали как «нарушение социалистической законности»⁸.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1954 г. в режим спецпоселения вносились некоторые послабления: спецпоселенцам предоставлялось право проживания в пределах Свердловской области и право свободного

передвижения в любой пункт страны по служебным командировкам.

В Тагильском районе становление системы спецпоселения советских немцев началось несколько позже, чем в других регионах СССР. Только в марте 1946 г. из Тагиллага выделился строительно-монтажный трест «Тагилстрой», в состав которого был передан практически весь контингент мобилизованных немцев, насчитывающий к тому времени 4392 чел. При этом всех их ознакомили с содержанием указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. о том, что самовольный уход с предприятия будет рассматриваться как дезертирство, караемое лишением

свободы на срок от 5 до 8 лет. Несмотря на это, в 1946–1948 гг. каждый десятый работник треста «Тагилстрой» – бывший трудармеец – дезертировал с производства, не возвратившись из предоставленного ему отпуска (см. табл. 1).

Одновременно с отъездом бывших трудармейцев к своим семьям в Среднюю

Причины убыли немцев – работников треста «Тагилстрой» в 1946–1948 гг.*

Таблица 1

Причины убыли	Количество, чел.	%
Дезертировали	107	31,9
По семейным обстоятельствам**	67	20,0
По распоряжению органов МВД***	53	15,8
Перевод	34	10,2
По состоянию здоровья	29	8,7
Умерли	9	2,7
Арест	7	2,0
Прочие	29	8,7
Всего	335	100,0

* Подсчитано на основе выборки в 1063 чел. по картотеке архива ОАО «Тагилстрой».

** В первую очередь подразумевается выезд для воссоединения с семьями, оставшимися в местах депортации.

*** Предполагается санкционированное органами МВД воссоединение с семьёй, перевод на другое предприятие или арест.

Бывшие жители села Брабандер АССР немцев Поволжья на спецпоселении в Нижнем Тагиле. Начало 1950-х гг.

Азию или Сибирь происходил и обратный процесс – перевод членов семей спецпоселенцев в г. Нижний Тагил. Он наряду с естественным приростом приводил к постоянному увеличению численности немецкого населения в тагильском районе: в 1946 г. – около 5000 чел., в 1951 г. – 6927, к 1954 г. – около 7600 чел.

В 1946 г. бывшие трудармейцы стройотряда №18-74 размещались в 22 бараках на пяти лагерных участках и в 20 коммунально-бытовых зданиях⁹. Позднее были образованы спецкомендатуры, в которых немцам-спецпоселенцам необходимо было ежемесячно (с 1954 г. – два раза в год) регистрироваться. В тагильском районе к началу 1954 г. насчитывались 8 комендатур, включающих спецпосёлки Кирпичного завода, карьера «Зайгора», карьера «Шайтанка», ВМЗ, УВЗ, «I площадка», «II площадка» и леспромхоза «Каменка».

В этих посёлках к 1 января 1954 г. проживали 1980 семей (14,6 % всех не-

мецких семей, находившихся на территории Свердловской области). Это были 5116 взрослых немцев-спецпоселенцев, достигших 16-летнего возраста¹⁰, из них: высланных – 4536 (16,8 %), мобилизованных – 304 (6,1 %), местных – 149 (7,7 %), репатриированных –

127 (1,6 %). Кроме немцев в тагильском районе на спецпоселении проживали 78 выселенцев из Крыма, 1 «оуновец», 4 литовца, и 14 чел., учтённых по категории «другие»¹¹.

После передачи в трест «Тагилстрой» немцы-спецпоселенцы в основном были заняты на тех же производствах, что и в 1942–1945 гг. Бывшие трудармейцы стройотряда № 18-74 (в декабре 1945 г. их численность составляла 3934 чел., в том числе 963 женщины)¹² в основном трудились на подсобных предприятиях «Тагилстроя»: кирпичном заводе, щебёночном карьере «Зайгора», песчаном карьере «Шайтанка», деревообделочном комбинате, за-

воде металлоконструкций (ЗМК-2), ремонтно-механическом и шиноремонтном заводах, арматурном дворе, шлако-цементном и бетонно-асфальтовом комбинатах¹³. Рабочие расформированного отряда № 18-75 (в декабре 1945 г. – 208 чел.)¹⁴, размещённого в 38

Таблица 2

Распределение немцев-спецпоселенцев по предприятиям Нижнего Тагила в июне 1951 г.*

Отрасль промышленности	Предприятия и учреждения	Работает чел.	Проживает		В том числе:		
			семей	чел.	муж.	жен.	детей
Строительство предприятий тяжёлой индустрии	Трест «Тагилстрой»	2487	1069	4534	1673	1424	1437
Транспортное машиностроение	Завод им. Сталина (УВЗ)	700	213	1140	322	507	311
Чёрная металлургия и горнодобывающая промышленность	Завод им. Куйбышева, НТМЗ, Высокогорский и Лебяжнинский железные рудники	257	85	508	163	177	168
Сельскохозяйственное машиностроение и производство боеприпасов	Завод № 63	171	54	303	84	122	97
	Промкомбинат	85	83	442	141	173	128
	Завод № 1 треста № 5 Министерства авиационной промышленности	65					
	больницы	42					
	вузы и школы	26					
	прочие	44					
Итого:		3877	1504	6927	2383	2403	2141

* Таблица составлена на основе справки о количестве спецпоселенцев, расселённых в г. Нижний Тагил и районе на 1 июля 1951 г. // АИЦ УВД СО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 35–35 об.

Снятие ограничений режима спецпоселения с немцев, проживающих в Свердловской области*

Основание	Категория	Кол-во, чел.
Директива МВД и прокуратуры СССР № 86сс/58сс от 27.03.1954	Дети репатрированных, мобилизованных и местных немцев	7370
Директива МВД СССР № 44/4-19636 от 14.05.1954	Бывшие кулаки-немцы	1650
Приказ МВД СССР № 00597 от 16.07.1954	Дети до 6 лет	14613
Приказ МВД СССР № 00713 от 20.08.1954	Немцы – жители Сибири, Дальнего Востока, Урала, Казахстана, мобилизованные в промышленность	3436
Отдельные распоряжения и приказ МВД № 0580 от 02.12.1955		3866
Приказ МВД № 0601 от 16.12.1955	Немцы, выселенные в период Великой Отечественной войны	32829

* Таблица составлена на основе справки отдела спецпоселений УМВД Свердловской области за 1956 г. // АИЦ УВД СО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 337–338.

км от Тагила, были заняты в леспромхозе «Каменка» и автотранспортной колонне. 250 бывших трудармейцев, в 1945 г. переведённых в г. Кушву на строительство Гороблагодатского рудника, вошли в состав 1-го стройуправления «Тагилстроя». Кроме того, немцы были заняты в принадлежавших тресту подсобных хозяйствах в деревне Шиловка и селе Петрокаменское (Пригородный район Свердловской области) и совхозе Аксариха (Камышловский район Свердловской области)¹⁵.

В июле 1951 г. немцы-спецпоселенцы были трудоустроены на 16 предприятиях г. Нижнего Тагила (см. табл. 2), работая на которых многие из них стали квалифицированными рабочими, специалистами – техниками, десятниками, инженерами и прорабами строек.

Однако нередкими были случаи нецелевого использования квалифицированных специалистов «на чёрных работах» как в Тагиллаге НКВД в 1942–1946 гг., так и в «Тагилстрое» после 1946 г. Например, ещё в ноябре 1943 г. в рапорте на имя начальника политотдела треста приводились факты, когда «электросварщик работает на земляных работах, газо- и электросварщик, подручным слесаря и т.д.»¹⁶. Можно упомянуть и тот факт, что известный учёный-востоковед А.К.Арендс, крупнейший исследователь средневековых персидских рукописей, владевший семью восточными и европейскими языками, до 1947 г. трудился разнорабочим, а затем инструментальщиком на карьере «Шайтанка»¹⁷.

В работах исследователей особо подчёркивается (вероятно, на основании приказа Л.П.Берии № 0083 от 12 января 1942 г.), что мобилизованные немцы в 1942–1945 гг. из руководящих должностей могли рассчитывать только на посты бригадиров, и то лишь «в порядке исключения»¹⁸. Однако реальная действительность, заключающая-

ся в катастрофической нехватке инженерно-технических и административно-хозяйственных работников, далеко отставала от намерений гуглаговского начальства, и поэтому трудармейцы занимали в Тагиллаге достаточно высокие руководящие должности. Например, в 1945 г. из 10 колонн стройотряда № 18-74 шесть возглавлялись мобилизованными немцами; на Кирпичном заводе трудармейцами были три начальника цеха, главный механик, начальник пожарной охраны; в стройотряде № 18-75 – начальник культурно-бытовой части, заместитель главного бухгалтера, бухгалтер отдела общего снабжения, бухгалтер столовой, заведующие магазином, пекарней, столовой и т.д., не говоря уже о большом количестве мастеров, бригадиров, десятников¹⁹.

Такое положение сохранялось и в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. Так, к началу 1953 г. из 800 ИТР и служащих треста «Тагилстрой» 111 чел. (13,9 %) были немцами²⁰. Однако постоянные чистки неблагонадёжных и ограничения на учёбу лиц немецкой национальности приводили к постоянно уменьшению их доли среди ИТР. Например, в одном из списков неблагонадёжных работников треста «Тагилстрой» из 85 чел., освобождённых от руководящей работы в 1949 г., 30 (35 %) являлись немцами-спецпоселенцами²¹.

Тяжёлые материальные условия первого послевоенного десятилетия, усиленные негативным моральным воздействием режима спецпоселе-

ния, не могли не способствовать глумому недовольству, иногда прорывавшемуся наружу. Например, технолог механического завода треста «Тагилстрой» Н.Н.Амбони в 1947 г. писал жене: «...что касается овощей и фруктов, то на них бешеная цена... Проклят этот Тагил, в этом отношении здесь никогда ничего не будет... Ты, конечно, скажешь, люди же живут. Да, живут, но только потому, что они привязаны как на цепях и поэтому живут, а если бы не это многие давно уехали б»²².

Надзор за настроениями в среде спецпоселенцев и за соблюдением ими режима проводили как административные органы, так и негласная агентура. Официальный контроль за компактно проживающими спецпоселенцами осуществляли старшие барачков, десятидворок и доверенные лица из самих спецпоселенцев, которые должны были ежедневно проверять наличие закреплённого за ними контингента и раз в неделю докладывать о произошедших изменениях коменданту спецкомендатуры.

К 1 июля 1951 г. в Свердловской области насчитывалось 2345 старших барачков и десятидворок, основной задачей которых являлось выявление склонных к побегам лиц и предотвращение случаев нарушения режима. К потенциальным дезертирам относились «лица, в большинстве своём в прошлом судимые за побег, находившиеся в бегах, вновь прибывшие, особенно из мест лишения свободы, высказывающие побеговые намерения, морально разложившиеся, плохо

трудоспособные и временно не работающие»²³. Однако побеги в начале 1950-х гг. превратились в явление чрезвычайное (по Свердловской области в 1951 г. было 11 побегов, в 1952 г. – 5; все бежавшие были задержаны), поэтому основное внимание в работе низового административного аппарата уделялось выявлению случаев нарушения режима спецпоселения: самовольных отлучек за пределы района проживания, несвоевременной явки на регистрацию и т.д.

Так, 21 января 1953 г. старший барака одного из посёлков тагильского района сообщил, что три немца-спецпоселенца без разрешения коменданта выехали в г. Невьянск. Произведённой проверкой самовольный выезд подтвердился, на виновных было наложено административное взыскание – арест (вероятно, сроком 3–5 суток)²⁴. Однако зачастую в спецкомендатурах не реагировали на подобные незначительные нарушения режима. Упомянутый выше Н.Н.Амбони в августе 1947 г. без каких-либо последствий «выезжал в дом отдыха на Выйскую плотину и находился в самовольной отлучке 10 дней»²⁵.

Тайную агентуру составляли резиденты, агенты, секретные осведомители и содержатели явочных квартир, основная задача которых состояла в изучении поведения, связей и антисоветских настроений спецпоселенцев. Так, в 1953 г. работникам Нижнетагильского городского отдела МВД удалось завербовать двух агентов из числа немцев, «Николаева» и «Егорова», с целью «глубокого изучения спецпоселенцев, работающих в тресте «Тагилстрой», среди которых они имеют большие связи». В результате среди спецпоселенцев было выявлено «18 человек, прибывших из западной зоны Германии, 10 человек из Польши и Франции, 15 человек, имеющих родственников за границей, и других». Агенты сообщали, например, о Г.Г.Даммере, который до мобилизации работал прокурором одного из кантонов АССР немцев Поволжья и был антисоветски настроен. Или о Н.И.Шоне, который в годы войны попал в плен и служил в немецкой

армии. По утверждению агентов, Шон «восхвалял условия жизни у американцев и антисоветски высказывался»²⁶.

Как показывает дело того же Н.Н.Амбони, осуждённого 16 апреля 1948 г. по 58-й статье на 7 лет ИТЛ, к антисоветским могли быть причислены высказывания о нелепости депортации сотен тысяч немцев из Поволжья под предлогом их нелояльности, в то время как на стороне Германии воевали представители многих народов СССР; о недостаточном продовольственном обеспечении населения в период войны и первые послевоенные годы; о необходимости скорейшего снятия режима спецпоселения и т.д.

Освобождение со спецпоселения происходило постепенно в соответствии с нормативными актами 1954–1955 гг. (см. табл. 3), снимающими ограничения режима спецпоселения с какой-либо категории советских немцев, зачастую «без права возвращения имущества, а также без права возвращения в места, откуда был выселен»²⁷.

Таковы были итоги десятилетнего периода в истории советских немцев. Из-за принадлежности к «не той» национальности они подвергались различного рода притеснениям и ограничениям в правах, наиболее ярко воплотившимся именно в установлении режима спецпоселения. Несмотря на это, они продолжали честно трудиться на благо города, для большинства из них ставшего новой Родиной.

Примечания:

¹ Муниципальный архив социально-правовых документов г. Нижний Тагил (МАСПД). Ф. Тагиллага. Оп. Приказы начальника Тагилстроя-Тагиллага НКВД. 1942 г. Д. 1. Л. 5–6.

² Там же. Д. 3. Л. 36.

³ Подсчитано по материалам электронной базы данных, созданной в лаборатории исторической информатики НТГПИ под руководством д.и.н. В.М.Кириллова на основе картотеки трудармейцев Тагиллага.

⁴ Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941–1945). М., 1998. С. 141; Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 166. Оп. 1. Д. 13. Л. 167, 183.

⁵ См.: Кириллов В.М., Климова Н.В. Советские немцы и спецотряд 18-74 // Книга памяти. Екатеринбург, 1994; Кириллов В.М.

История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг. Ч. 2. Нижний Тагил, 1996; Он же. Советские немцы в Тагиллага // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. Нижний Тагил. С. 146–149.

⁶ МАСПД. Ф. Тагиллага. Оп. Приказы начальника Тагилстроя-Тагиллага НКВД. 1945 г. Д. 1. Л. 113.

⁷ Там же. Оп. Личные дела трудармейцев. Личное дело Ликай Э.Я. Л. 8.

⁸ Архив информационного центра УВД Свердловской области (АИЦ УВД СО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 315.

⁹ МАСПД. Ф. Тагиллага. Акт сдачи-приёмки Тагилстроя-Тагиллага НКВД СССР в систему Наркомтяжстроя СССР. Приложение 1. Л. 18.

¹⁰ В тагильском районе проживало 2503 спецпоселенца, не достигших 16 лет, подавляющее большинство которых по национальности были немцами.

¹¹ Подсчитано по сведениям о количестве спецпоселенцев, расселённых в районах Свердловской области на 01.01.1954 г. // АИЦ УВД СО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 325–325 об.

¹² МАСПД. Ф. Тагиллага. Оп. Приказы начальника Тагилстроя-Тагиллага НКВД. 1945 г. Д. 1. Л. 123.

¹³ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 446. Л. 5.

¹⁴ МАСПД. Ф. Тагиллага. Оп. Приказы начальника Тагилстроя-Тагиллага НКВД. 1945 г. Д. 1. Л. 126.

¹⁵ Там же. 1943 г. Д. 2. Л. 116.

¹⁶ Там же. Л. 116 об.

¹⁷ Архив ОАО «Тагилстрой». Оп. 1 (служажие). Личное дело Арендс А.К.

¹⁸ Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ. соч. С. 75; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 2. Топчиха, 1993. С. 53.

¹⁹ МАСПД. Ф. Тагиллага. Оп. Приказы начальника Тагилстроя-Тагиллага НКВД. 1945 г. Д. 1. Л. 125.

²⁰ Кириллов В.М. История репрессий... Ч. 2. С. 26.

²¹ Подсчитано по: Кириллов В.М. История репрессий... Ч. 2. Приложение 4. С. 226–232.

²² Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. П-46763. Л. 23.

²³ АИЦ УВД СО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 189.

²⁴ Там же. Л. 313.

²⁵ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. П-46763. Л. 60.

²⁶ АИЦ УВД СО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 303–304.

²⁷ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 61078.

ТАГИЛЬСКИЕ АВТОБУСЫ: К ИСТОРИИ МЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА «УРАЛЕЦ»

Сергей ПУДОВКИН,

соискатель Нижнетагильской
государственной социально-
педагогической академии,
г. Нижний Тагил

В 40 километрах от Нижнего Тагила в 1-й половине XIX в. были обнаружены богатые россыпные месторождения платины. Как утверждают геологи, эти россыпи образовались вследствие разрушения горы Соловьёвой, в горных массивах которой и сейчас находятся гнезда рудной платины. При разрушении горных пород Соловьёвой, состоящей в основном из дунитов, платиновые россыпи заполнили поймы близлежащих рек и русла логов.

Месторождения платины были открыты в 1825 г. Сначала они разрабатывались жителями близлежащих посёлков – старателями, применявшими примитивные орудия: кайло, лопату и ручные тачки. Позднее стали строить паровые драги с глубиной черпания до трёх метров. В дальнейшем вместо мелких старательских шахт уже закладывали более капитальные. После закрытия металлургического завода в посёлке Висим, рабочие-металлурги становились старателями. В местах, где

проводились наиболее интенсивные работы по добыче платины, стали образовываться поселения. У реки Мартьян в 1837 г. возник прииск Авроринский (ныне посёлок Уралец), а в 1870 г. – прииск Варламиха (ныне посёлок Первомайский).

После победы Октябрьской революции намеченный курс на индустриализацию потребовал увеличения добычи различных металлов, в том числе повысился спрос на платину и золото. Начиная с 1924 г. платиновые прииски начинают свою вторую жизнь. Они были объединены и переименованы в прииск «Красный Урал». Прииск обзавёлся собственной инфраструктурой: строился и расширялся рабочий посёлок, в 1924–1925 гг. для развития района было окончено строительство линии высоковольтной электропередачи, идущей из Нижнего Тагила. В это время также началось строительство крупных электрических драг с глубиной черпания до 15 метров. Были построены и пущены четыре драги.

Металлические конструкции драг изготовлялись на Ленинградских заводах, а оборудование импортировалось из США. Кроме драг была построена обогатительная фабрика, лесопильный цех, а для ремонта оборудования паровых и электрических драг на прииске Варламиха – механическая мастерская с паровым двигателем и генератором постоянного тока. В 1932 г. для расширения ремонтной базы золото-платиновых приисков на территории посёлка Уралец был построен новый механоремонтный участок в составе механического, кузнечно-прессового, деревообрабатывающего – лесопильного цехов. Позднее, в сороковых годах, шло дальнейшее расширение приисков. На механоремонтном участке были построены литейный цех, гараж, здание заводоуправления.

Автобус капотного типа.

В годы Великой Отечественной войны литейный и механический цеха были приспособлены к выпуску гранат марки Ф-1 – знаменитых «лимонок», и корпусов 82-мм мин. Одновременно выполнялись ремонтные работы для бесперебойной работы драг и гидравлических установок.

С 1923 по 1939 г. предприятие именовалось: «Нишне-Тагильские золото-платиновые прииска», а с 1939 г. – «Кировский прииск». Ликвидация прииска была вызвана тем, что разрабатываемые дражные и гидравлические полигоны были к 1953 г., в основном, выработаны. В 1953 г. Кировский прииск был ликвидирован, а оставшаяся ремонтная база была подчинена Невьянскому прииску треста «Уралзолото».

Учитывая наличие местных кадров машиностроителей из числа бывших рабочих ремонтных мастерских, а также общий резерв рабочей силы (Кировский прииск имел свыше 2000 человек работающих) Кировские механические мастерские были переданы в подчинение тресту «Золототранс» Управления «Главзолото» Министерства цветной металлургии. Это было не лучшее время для предприятия: отсутствие квалифицированных кадров, обветшалые и изношенные до предела здания и оборудование. Всё это не позволяло сконцентрироваться на определённой специализации – в КММ брались за любые заказы треста. В основном они сводились к изготовлению запасных частей для грузовиков ГАЗ, ЗиС и МАЗ: это бортовые и самосвальные кузова, тормозные барабаны, гильзы блоков и т.д. Но наиболее сложной и ответственной продукцией в 1954 г. стали автобусы капотного типа на шасси ГАЗ-51, которые распределялись по различным приисковым управлениям Урала и Сибири. Эти автобусы с кузовом на деревянном каркасе не имели никакого обозначения, однако сильно отличались от ПАЗ-651 своей простотой: освоение их производства проходило в спешке, без достаточно отработанной технологии и в отсутствии полной технической документации. Несмотря на это, автобусы изготавливались поточным способом, хотя и в небольшом количестве: пик ежегодного производства составлял не более 130 штук. Этот автобус продержался в производственной программе предприятия больше 10 лет.

В период 1954–1956 г. Кировские механические мастерские изготовили для автомобильного парка Главзолото: автобусные кузова на автошасси ГАЗ-51 – 115 шт.; автополуприцеп-фургон 6,5-тонный с автосцепкой – 90 шт.; автоприцеп двухосный 4-х тонный – 110 шт.; автоприцеп-бензовоз АПР-2 – 7 шт.; кузов бортовой для грузовиков ЗиС-5, ЗиС-150 и ЗиЛ-157 – 53 шт.; кузов самосвальный МАЗ-205, ЗиЛ-585 – 25 шт.; и большое количество автозапчастей к автомашинам ЗиС-5, ЗиС-150, МАЗ-205, ГАЗ-51.

В 1957 г. с образованием советов народного хозяйства Кировские механические мастерские были переданы в распоряжение Свердловского совнархоза, в подчинение его управлению автомобильного транспорта.

В 1959 г. приказом по Свердловскому совнархозу механические мастерские были переименованы в автомобильно-агрегатный завод, а в 1963 г. – в механический завод «Уралец». В этот период (1954–1965 гг.) директором завода был Алексей Сергеевич Лабышев. В августе 1961 г. завод получил крупный военный заказ на производство кунгов на шасси ЗиЛ-157 и специальных кузовов на шасси МАЗ-200 для газодобывающих станций АДС-50 и АКДС-70. Военные предъявляли к этой продукции очень жёсткие требования по качеству и срокам изготовления, поэтому благодаря этому заказу предприятию удалось значительно обновить свой станочный парк и набрать на работу квалифицированных специалистов, что положительно сказа-

лось на статусе самого завода. Для освоения продукции на завод была послана команда рабочих и технологов с других специализированных предприятий. Комплекты АДС были освоены производством и сданы в самые кратчайшие сроки – первая партия была принята заказчиком уже в октябре 1961 г.

Парторг завода Василий Фёдорович Курочкин вспоминает: «Наш завод опекал и курировал директор «Уралвагонзавода» Иван Васильевич Окунев. Дело в том, что сами станции производились на криогенном производстве УВЗ, а мы, как поставщики шасси, были встроены в кооперацию этого предприятия-гиганта. А поскольку «Уралвагонзавод» являлся сдатчиком конечной продукции, то и ответственность за сроки сдачи продукции была на нём, хотя как раз сроки сдачи в немалой степени зависели от наших поставок шасси – поэтому понятно повышенное внимание Окунева к нашему заводу. В его очередной приезд я и главный технолог предприятия доложили ему о том, что производство АДС может остановиться из-за отсутствия алюминиевых заклёпок. Ни слова не говоря, Окунев взял телефон и начал звонить на авиационный завод в Куйбышев: «Как в 41-ом война стучится в нашу дверь! Срочно нужны заклёпки таких-то сортаментов. За ними я высылаю к вам наш заводской самолёт». Ввиду большого перенапряжения, с разрешения Ивана Васильевича я лёг поспать. Проспал часов десять. Проснулся от

АКДС-70 на шасси МАЗ-200. Фото М.Шелепенкова.

Компрессорное отделение (машина) азото-добывающей станции АДС-50 на шасси МАЗ-200П. Музей ретро-автомобилей на Рогожском валу, Москва.

какого-то шума. Выглянул в окно и вижу – с грузовиков разгружаются ящики с этими самыми заклёпками. Полученных запасов нам хватило до самого конца производства газодобывающих станций».

В 1956–1975 гг. «Уральцем» было выпущено 449 цельнометаллических кузовов на шасси МАЗ-205 для азотодобывающей станции АДС-50 для зенитно-ракетных комплексов ПВО «Шексна», «Двина», «Десна» и «Чусовая», 198 вспомогательных машин к кислорододобывающей

станции АКДС-70 (получение кислорода и азота в АКДС-70 основано на способе глубокого охлаждения, сжижения и разделения воздуха на основные составные части – кислород и азот; азот и кислород могут вырабатываться как по отдельности, так и одновременно, причём и в жидком виде, и в газообразном), 1277 штук металлических шкафов специального назначения для машины А-35 5Н-11 (заказ п/я 79). Выпускались форсуночные подогреватели для танков Т-55 и Т-62

Уралец-66С на испытаниях. Июль 1973 г.

(изделия Сб.3 – 20185 шт. и Сб.6 – 11932 шт.).

В этой суматохе в связи со срочностью «оборонных» заказов производство автобусов отошло на второй план – объёмы выпуска снизились до 50–60 штук в год. Но, несмотря на это, продолжались работы по подготовке к производству нового автобуса вагонного типа. Эта затея воплотилась лишь в нескольких опытных экземплярах, похожих как две капли воды на РАФ-251. В этот же период завод продолжал выпускать запчасти к автомобилям. Кроме того, в период с 1956 по 1975 гг. были освоены новые изделия: комплект шофёрского инструмента для автомобилей МАЗ-250 (выпущено 15511 комплектов); автопоилка ПА-1 (313000 шт.); чугунные рамы для товарных весов (1671 шт.). Был осуществлён капитальный ремонт автомобильных агрегатов МАЗ-205 и ЗиС-150 (454 комплекта) и двигателей ЯАЗ-204, ЯАЗ-206, ЗиЛ-120 (700 шт.). Было выпущено 4969 чертёжных комбайнов.

В 1963 г. механический завод «Уралец» был передан из управления автомобильного транспорта в управление точного машиностроения, а затем – в управление общего машиностроения. В 1965 г. расформировали совнархозы – снова наступили «смутные времена», и завод лишился своего основного заказчика – Министерства обороны. На тот момент на заводской площадке остались невостребованными 40 шасси для азотодобывающих станций. Завод в качестве утешения получил разрешение переоборудовать их под автобусы, в которых остро нуждалось народное хозяйство. И снова встал вопрос о специализации предприятия и его ведомственной принадлежности. Выполнение заказов для отдельных трестов и управлений привело к тому, что завод оказался ничейным. Тут-то и появились чиновники из Министерства культуры РСФСР, которые вывели о незанятом заводе. 22 декабря 1965 г. Совет Министров РСФСР распоряжением № 4866-2 разрешил Среднеуральскому совнархозу передать механический завод «Уралец» в ведение Министерства культуры.

В подчинении промышленного объединения «Роскульттехника» (позднее в ведении треста «Роскультпромсбыт») Министерства культуры

РСФСР завод «Уралец» стал специализироваться на выпуске аттракционов. В этом ведомстве завод выделялся среди других предприятий. Директором стал Михаил Алексеевич Штыков (1965–1968 гг.). Руководству «Уральца» были созданы наиболее благоприятные, комфортные условия в выборе продукции, которую бы они хотели осваивать. На заводе решили, что продолжают выпускать автобусы, теперь для «культурных» целей. В министерстве против этого не возражали, хотя в его системе уже был Краснодарский завод по производству спецавтотранспорта. В лучшие годы завод производил до 1200 автобусов в год, четверть из которых переоборудовались в автоклубы. Заводом был разработан автобус собственной конструкции – «Уралец-66».

Первые работы по проектированию нового автобуса, который должен был прийти на смену автобусу капотного типа, начались в начале 1966 г. Перед конструкторами стояла чёткая задача – создать автобус на шасси ГАЗ-51А с цельнометаллическим кузовом вагонного типа. Поскольку опыт в создании таких автобусов имелся, на заводе справились с заданием достаточно быстро: к декабрю изготовили несколько опытных образцов нового спецавтобуса «Уралец-66». Главное внешнее отличие этих автобусов от своих серийных собратьев заключалось в наличии цельного ветрового стекла.

Серийно эти автобусы начали изготавливать в 1967 г. Они предназначались для перевозки театральных бригад во время гастролей и имели стандартный пассажирский салон. В этом же году на базе автобуса был разработан автоклуб, в комплект которого входили: радиоприёмник, громкоговоритель, киноустановка. Все автоклубы оборудовались автономной бензоэлектростанцией.

В первые годы производства стало ясно, что автобус «Уралец» по своим характеристикам ничем не отличается от однотипного автобуса «Кубань», выпуск которого увеличивался с каждым годом. И с расширением краснодарского завода встал вопрос о переориентации «Уральца» на выпуск автобусов в северном исполнении. Это было логичным шагом, так как география распространения автобусов и автоклубов этой марки

Сборка автобусов в цехе № 1. 1973 г.

покрывала в основном районы Урала, Сибири и Дальнего Востока, в то время как автобусы «Кубань» распространялись в основном в европейской части СССР, где климат значительно мягче.

Так была выбрана своя ниша в производстве спецавтотранспорта. Первые опытные образцы северных «Уральцев» появились в конце 60-х гг. – модели 66С и 70С. Их отличительной особенностью стало двойное остекление без форточек, утеплитель между наружными и внутренними стенками кузова и более эффективная система отопления салона. В начале 70-х эти модели начали выпускать серийно.

За всё время производства автобусов и автоклубов марки «Уралец-66» они неоднократно модернизировались, и внешний облик кузова постоянно менялся, зачастую без отражения в наименовании модели. Лишь в первой половине 70-х гг. XX в. после очередного обновления автобусы получили индекс «Уралец-66АС». «Уралец-70С» имел кузов нового дизайна с гнутыми лобовыми стеклами. Он продержался в производственной программе предприятия недолго – за всё время было сделано не более 500 экземпляров. Директором завода в это время был А.Я.Ялунин (1976–1979 гг.). Производство автобусов на заводе продолжалось до 1979 г., когда из

Работники завода и Уралец-66С на заводской территории.

**Уралец-66 поздних выпусков
около заводууправления механического завода «Уралец».**

министерства поступила директива о проведении государственных испытаний в НАМИ. Присланный на полигон серийный автобус «Уралец» не был допущен к испытаниям: придрались к отсутствию двухконтурной системы торможения, которая по ГОСТу стала обязательной для всех автобусов со второй половины 70-х гг. Таким образом, судьба дальнейшего выпуска «Уралцев» была решена: их сняли с производства по настоянию Минавтопрома. По сути, прекращение выпуска автобусов означало полное сворачивание производства спецавтотранспорта – завод полностью перешёл на выпуск аттракционов. С 1965 г. завод выпускал библиотечные стеллажи (6000 шт. в год), сцениче-

ское оборудование на сумму до 200 тысяч рублей в год, аттракционы «Светофор» (16 комплектов в год), «Иллюзион» (32 комплекта в год), «Передвижной комплект аттракционов» (30 в год), «Городок ГАИ» (1 комплект в год). Кроме того, для детей заводом выпускались педальные автомобили (1000 шт. в год) и автомобили «Пионер» (по 100 шт. в год).

В 1981 г. был разработан проект реконструкции механического завода. Над проектом работало Калужское отделение Московского института комплексного развития и специализации промышленности. Затраты на реконструкцию по плану составляли 2929 тысяч рублей, при этом планировался выпуск изделий пос-

ле реконструкции на сумму 7500 тысяч рублей в год. В течение 1983 г. механический завод «Уралец» по плану производства новой техники должен был освоить новые аттракционы «Карусель», «Детская автодорога» и «Детская железная дорога», с тем, чтобы в 1984 г. приступить к их серийному выпуску. Однако Советом Министров РСФСР и Госстроем СССР проект реконструкции долго не утверждался, а когда, наконец, он был утверждён, начавшаяся «Перестройка» не позволила свершиться задуманному. В этот период заводом руководили С.С. Курочкин (1979–1985 гг.) и В.М. Зяблов (1985–1997 гг.). Завод обеспечивал жизнь посёлка Уралец, стоящего на границе Европы и Азии. Благодаря заводу строилось жильё, возводились объекты социальной сферы. Особенно сильно изменился внешний вид посёлка в 1960–1970-х гг. В это время были возведены благоустроенные трёх- и пятиэтажные дома, школа, очистные сооружения, реконструирован памятный знак на границе Европы и Азии и асфальтирована дорога к нему...

После развала Советского Союза предприятие попало под контроль Нижнетагильского металлургического комбината, став дочерним предприятием. В это непростое время предприятием руководили А.Г. Родионов (1997–2001 гг.) и А.А. Степанов (с 2001 г.). Однако «Уралец» не выдержал испытаний рынком. Не успев провести модернизацию, и не сумев приспособиться к новым реалиям экономики России, завод обанкротился. Вместе с ним начал умирать и посёлок. В 2006 г. было ликвидировано второе «градообразующее» предприятие посёлка Уралец – Соловьёвогорский дунитовый карьер, до этого снабжавший НТМК огнеупорным сырьём. Вместе с ним был разобран на металлолом и последний участок узкоколейной железной дороги, построенной ещё в XIX в. Сейчас на заводе «Уралец» занимаются в основном розливом популярной природной воды «Белогорье».

Источники и литература:

¹ Справка о механическом заводе «Уралец» промышленного объединения «Роскульттехника» Министерства культуры РСФСР // Библиотека посёлка Уралец.

² Дементьев Д. Интеллигент с Урала // Грузовик-пресс. 2007. № 4.

Уралец-70С у обелиска «Европа-Азия».

